

ББК 67.512

Ч497

χρήσιμα Ἄ. Ἄ.

Ч497   **Личность преступника: психологический аспект: монография/**
Е. В. Чернышева. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2009. – 231 с.

ISBN 978-5-88437-200-9

Βασικά στοιχεία: **В. П. Прядеин**, доктор психологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета;
Н. С. Глуханюк, доктор психологических наук, профессор Российского государственного профессионально-педагогического университета

В монографии, основанной и на известных научных фактах, и на значительном эмпирическом материале, рассматривается понятие личности преступника, анализируются особенности Я-концепции, социально-психологической адаптации. Приводится типология преступников, освещаются факторы, оказывающие влияние на формирование личности преступника, рассматривается зависимость личностных особенностей преступников от состава преступлений.

Монография предназначена для сотрудников правоохранительных органов, уголовно-исполнительной системы, научных работников, курсантов (слушателей), студентов и аспирантов, преподавателей образовательных учреждений, следователей, прокуроров, судей, а также для всех интересующихся психологическими аспектами личности преступников.

ISBN 978-5-88437-200-9

Обсуждена на заседании кафедры педагогики и психологии УрЮИ МВД России (протокол № 2 от 25 февраля 2009 г.).

Издается по решению редакционно-издательского совета УрЮИ МВД России (протокол № 2 от 11 июня 2009 г.)

ББК 67.512

© Е. В. Чернышева, 2009

© Уральский юридический институт МВД России, 2009

ВВЕДЕНИЕ

В российском уголовном праве и, особенно, в криминологии в последнее время большое внимание уделяется проблеме личности тех, кто совершает преступления. Соответственно, правоприменители в лице органов, борющихся с преступностью, решительно должны заниматься изучением личности людей, совершивших и совершающих преступления. В последнее время наметился устойчивый интерес к психологическим аспектам преступления и личности преступника. Это определяется, с одной стороны, расширяющимся спектром научных исследований, а с другой – практическими потребностями правоохранительных органов, активно ведущих работу по расследованию и судебному разбирательству уголовных дел и профилактике преступлений.

Понять любое поведение, и преступное в том числе, невозможно без подлинного знания психологии личности, психологических механизмов и мотивов, социально-психологических явлений и процессов. А такие знания ни в коем случае не могут быть получены только путем изучения научных работ и уголовных дел, при игнорировании «живого» преступника со всеми его страстями и нуждами, с его сложным и неповторимым жизненным путем, подчас трагической судьбой, спецификой индивидуального облика.

Все больше осознается, что психология не отвлеченная наука, посвященная решению тонких и сложных теоретических вопросов, а важное и необходимое звено, которое приводит к облегчению и упорядочению видов деятельности.

Изучение личности преступников не только представляет очень серьезный теоретический интерес, но и имеет громадное практическое значение как для органов уголовного розыска, следствия и суда, так и для пенитенциарных деятелей, исполняющих судебные приговоры.

Изучением личности преступников автор занимается давно. Накопился большой материал, почерпнутый им при постоянных посещениях мест заключения. В работе использовались эмпирические материалы и других авторов, полученные в результате конкретных исследований по рассматриваемой проблеме. Некоторая часть этого материала найдет себе место на страницах этой монографии и подвергнется теоретическому освещению.

Основная мысль, которой руководствовался автор, заключается в том, что корни преступного поведения не исправляются, а формируются именно в местах заключения.

В обосновании полученных результатов по изучению личности преступников считаю своим долгом выразить благодарность доктору психологических наук, профессору Валерию Павловичу Прядеину. Вместе с тем автор благодарит за предоставление доступа в места заключения для планомерного систематического проведения исследовательской работы руководителям подразделений в лице полковника внутренней службы С. А. Варосяна, директора общеобразовательной вечерней школы для осужденных Н. В. Дмитриук.

ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Личность преступника. Проблематика психологии личности преступника включает в себя обоснование специальных психологических типологий, параметров и критериев типологических различий, методик психологического изучения и оценки личности. Немаловажным является изучение деструктивных влияний на личность общности осужденных, условий отбывания наказаний, связанных с ними ограничений социальных связей и активности, депривации потребностей.

Как пишет П. С. Дагель, под личностью преступника понимается совокупность социально-политических, психических и физических признаков лица, совершившего преступление, имеющих уголовно-правовое значение. Однако в ряде случаев этот вопрос решается поверхностно: зачастую суды при обосновании размера наказания указывают на то, что они учитывают личность подсудимого, однако какие данные о личности были учтены судом, неясно.

Личность преступника – это многогранное понятие, с ярко выраженным междисциплинарным характером, поскольку изучается не только психологами, но и юристами. Однако в юридической психологии данная проблема – одна из центральных. Понятие личности преступника, т. е. личности человека, совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой привлечения уголовной ответственности, выражает его социальную сущность, сложный комплекс характеризующих его свойств, связей, отношений, его нравственный и духовный мир, взятые в развитии, во взаимодействии с социальными условиями, с психологическими особенностями, в той или иной мере повлиявшими на совершение им преступления¹.

Понятие личность преступника рассматривается, с одной стороны, как научная абстракция, обобщенно отражающая такие личностно-психологические характеристики человека, которые определяющим образом сказываются в детерминации противоправного поведения². Речь идет не о личности конкретного индивида, а об обобщенном комплексе характеристик, которые лежат в сфере противоправного. С другой стороны, личность преступника – нечто противостоящее конкретной личности, и изучать личность преступника можно не иначе, как изучая личность конкретного правонарушителя. Поэтому разведение общего, типичного в личности преступника и индивидуального является необходимой предпосылкой криминологического-психологического исследования.

Исходным является положение, согласно которому непосредственные причины и истоки противоправного поведения лежат в личности человека, совершившего преступление. В противном случае отсутствуют основания вменения вины, нарушается принцип вины и соответственно совершенное

---

¹ См.: Личность преступника / Под ред. В. Н. Кудрявцева и др. М., 1975. С. 21.

² Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. Психологическое изучение личности преступника. М., 1981; Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979.

деяние не может рассматриваться как преступление. Другими словами, никакие внешние обстоятельства не могут являться определяющими причинами противоправного деяния, если они не положены одновременно и как личностные моменты активности человека, т. е. если они не стали внутренними детерминантами человеческой деятельности. Иначе человек не может быть привлечен к уголовной ответственности, так как является лишь пассивным звеном в причинной цепочке, игрушкой в роковом стечении внешних сил и обстоятельств, приведших к отрицательным последствиям.

Модель личности преступника не может сводиться к перечню разнородных признаков, черт, особенностей, факторов (демографических, социокультурных, уголовно-правовых, нравственных и пр.). Методически оправдано лишь до поры до времени и изолированное рассмотрение личностных свойств, но надо учитывать искусственность их вычленения и устанавливать их место в структуре личности, соотносить их друг с другом, определять их субординацию и характер взаимного влияния. Необходимо иметь панорамное представление о личности преступника как целостности, опираясь на определенную общепсихологическую концепцию личности. Предполагается также обязательным выявление ядра личности, определяющего, детерминирующего и опосредствующего все иные свойства системы, которые выделены для специального рассмотрения, имея в виду необходимость их обратного включения в систему личности преступника.

«Профессиональный» психолого-юридический подход к личности преступника предопределяет акцент на нормативных системах общества и личности. В юридической психологии разработана ценностно-нормативная концепция, как наиболее адекватно отвечающая потребностям юридической практики. В соответствии с этой концепцией в качестве системообразующего признака было предложено такое свойство, как *ценностность*, которое выражает «пристрастное отношение к предметам, людям и к себе. Оно определяет первоисточник социальной активности человека, того ядра личности, которое обуславливает определенное видение действительности и избирательность поведения. Иерархизированная система потребностей человека как общественного существа имеет своей вершиной потребность вращивания в социальные ценности (приобщения к ним) и связанную с этим потребность в самооценности своей личности, в которых интегрируется множество других социальных потребностей (общения, признания, статуса, достижения, самоутверждения, успеха и т. п.). Именно указанные высшие потребности определяют смысл жизни человека. Каков же этот смысл? Он зависит от характера ценностей, удовлетворяющих ведущие потребности, от сформированности ценностно-нормативной сферы личности. Субъект, совершив преступление, т. е. вступив в самый острый конфликт с обществом, отличается в своем понимании смысла жизни от социального нормотипа. Разные категории преступников различаются и между собой в силу специфических акцентов и предпочтений в этом понимании.

Многослойная структура оценок и ценностей ясно прослеживается при эмпирическом исследовании личности преступника и преступного поведения. В мотивационном механизме каждого преступления обычно представлен широчайший набор ценностных отношений и позиций субъекта.

Теорию личности преступника, возникшую на определенном этапе развития криминологии, можно рассматривать как некоторую совокупность упорядоченных и систематизированных знаний, описывающих и объясняющих существование, развитие и особенности тех, кто совершает преступления. Конечно, нельзя не признать, что понятие личности преступника в определенной степени условное и формальное, поскольку отнесение определенных действий к числу преступных зависит от законодателя.

Изучение личности преступника осуществляется, главным образом, для выявления и оценки тех ее свойств и черт, которые порождают преступное поведение, и служит в целях его профилактики.

Понятие личности преступника включает в себя целый комплекс социально-демографических, социально-ролевых (функциональных), социально-психологических признаков, которые в той или иной мере связаны с преступными деяниями, характеризуют его общественную опасность, объясняют причины его совершения.

В целом можно определить личность преступника как личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему: психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям, выбора опасного общественного пути для удовлетворения своих потребностей, отсутствия необходимой активности в предотвращении противоправного деяния.

В личности преступника различают личность делинквента, подследственного, обвиняемого, осужденного. На различных стадиях уголовного процесса личность вступает в новые общественные отношения, у нее появляются новые права и обязанности. Установки, мотивы личности на каждой стадии могут быть разные. В то же время вряд ли изменяются стержневые свойства личности.

Личность осужденного – ключевая область исследований пенитенциарной психологии. Личность осужденного – это совокупность психологических свойств, характеризующих лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Говоря «личность преступника», «личность осужденного», мы подразумеваем асоциальное положение человека и выполняемые им функции. Отметим, что, попав после осуждения в места лишения свободы, преступник начинает играть иные социальные роли, чем на свободе. Они вытекают из требований режима, трудовой деятельности, обучения и т. д.

В отечественной психологии достаточно четко сформулировано положение о том, что условия жизни людей, психологическая атмосфера, характер взаимосвязей индивидов во многом определяют их поведение и деятельность.

При возрождении в СССР пенитенциарной психологии в 1960-х гг. категория «личность» оказалась недостаточно теоретически разработанной. Состоявшийся в 1969 году Всесоюзный симпозиум по проблемам личности прошел под знаком понимания ее как биосоциального существа и ориентировал психологов на реализацию структурного подхода. В 1980–90-е годы активное применение получили идеи из ценностно-нормативного подхода к изучению личности преступника, разработанного А. Р. Ратиновым (1980), а также многостороннего изучения личности (16-PF и ММРП) и акцентуаций характера у осужденных (В. И. Кашкаров, 1977; В. Ф. Десятников, Г. Р. Трофимов, В. Г. Козюля, 1981; В. Г. Морогин, 1996 и др.).

Личность всегда конкретна. Эта конкретность воплощает в себе определенные социальные и индивидуальные качества, в которых отразились социальные отношения, имеющие место в данном обществе. Будучи особенной, каждая личность несет на себе отпечаток тех общественных условий, в которых она живет и действует как сознательное, общественное существо. Своеобразие личности осужденного проявляется прежде всего в ее психическом облике: характере, способностях, темпераменте, интересах, установках, отношениях, которые формируются и проявляются в деятельности человека. На их развитие большое влияние оказывает та микросреда (ближайшее и непосредственное окружение), в которой протекает жизнедеятельность индивида. В то же время вряд ли можно полностью согласиться с распространенной в западной психологии тенденцией видеть у лиц, отбывающих уголовное наказание за совершение преступления, особые качества, особую психологию, делающую их непохожими на законопослушных людей. Не существует «ни преступной психики, ни преступной наследственности».

Вероятно, нельзя сводить личность осужденного только к влиянию на нее социального окружения, к совокупности выполняемых ею социальных функций в местах лишения свободы. Неверно противопоставлять социальное – психологическому, поскольку социальное влияние оказывается через психологическое, которое, в свою очередь, есть результат прошлого социального влияния. Именно поэтому в отечественной психологии признано положение известного психолога С. Л. Рубинштейна о том, что личность есть совокупность внутренних условий, через которые действуют внешние причины.

Отличительные особенности личности осужденного вытекают из статуса осужденного, вина которого установлена вступившим в законную силу приговором, обязавшим его отбыть определенное наказание. Кроме того, положение осужденного приводит к вступлению его в новые общественные отношения и к исключению из ряда отношений, которые характеризовали его как личность ранее:

- ограничение перечня вещей, которыми можно пользоваться (специальный перечень);
- регламентация продуктов питания;
- норма жилой площади;

- изменение производственных отношений (8-часовой рабочий день с одним днем отдыха);
- предоставление отпусков только по решению администрации исправительного учреждения;
- невозможность выбора работы по желанию;
- начисление заработка с учетом частичного возмещения расходов на содержание в исправительном учреждении;
- ограничения в сфере прав и свобод (обыски, досмотр);
- регламентация выхода за пределы исправительного учреждения и разрешение на свободное передвижение.
- ограничение в общении с родственниками, друзьями, знакомыми.

В нормативном порядке установлены некоторые обязанности, которые применительно к иным гражданам регулируются нормами нравственности. Личность осужденного – это конкретный человек, отбывающий наказание, взятый со стороны его социальных качеств. Моральное осуждение служит средством общественной девальвации, клеймения и проклятия преступника. Обвинитель устанавливает дистанцию социального отчуждения подсудимого, общества и добивается того, чтобы и другие относились к этому человеку с осуждением. Монополией на церемонию такого разжалования, в результате которого человек меняет свою самооценку, обладает суд, затем пенитенциарное учреждение. Каждый человек находится в пенитенциарном процессе самостановления, сохранения и обновления своего самовосприятия. Личность осужденного (преступника) можно понять только в том случае, если глубоко проникнуть в его образ мыслей, в его самовосприятие (Э. Шур, 1971; Г. Шнайдер, 1994).

Итак,

- личность осужденного – это конкретный человек, взятый со стороны его социальных качеств, отбывающий уголовное наказание;
- личность осужденного, как и любая личность, характеризуется такими особенностями, которые выражаются: в ее индивидуальности, отношениях с окружающими людьми и видами деятельности, самосознании, устойчивости и одновременной динамичности психического склада, типичности некоторых психологических свойств и качеств;
- личность осужденного отражает те условия, в которых она живет и действует (условия места лишения свободы);
- личность осужденного отражает воздействия места лишения свободы.

§ 1. Ї іаоїаіі е еє: і ііііі і іаіііі і еєа а ааааа і і е еє о ааа о аа

Криминальная личность в зарубежной литературе изучалась по следующим направлениям: социально-когнитивное, делинквентное, поиск причин рецидива преступлений и др.

При использовании социально-когнитивного подхода предполагается наличие связи между криминальным поведением и интеллектуальным функционированием. Признается также влияние некоторых личностных черт, включая, например, импульсивность (Hollin, 1989). Социально-когнитивный подход подразумевает, что люди не всегда предвидят возможные последствия своих поступков. Отсюда следует, что они могут действовать импульсивно, не задумываясь о своем поведении, не предусматривая его последствия (для себя и для других) и не пытаясь найти альтернативные варианты поведения. Как правило, исследования по изучению роли таких факторов, как импульсивность, дают неоднозначные результаты, хотя принято считать, что для делинквентных и криминальных типов характерен высокий уровень импульсивности (Binder, 1988).

Некоторые зарубежные авторы твердо убеждены в том, что участие или неучастие человека в криминальной деятельности в какой-то степени зависит от его когнитивных возможностей. Холлин (Hollin, 1989) считает ключевым отличительным признаком преступников их неспособность четко разграничивать различные социальные стимулы. Иначе говоря, в имеющемся у них «репертуаре» различных видов поведения отсутствуют следующие элементы:

- умение выбирать подходящее для данной ситуации поведение;
- умение находить варианты решения проблем;
- умение предусматривать возможные последствия своих действий;
- умение планировать действия, необходимые для достижения определенного результата.

Кроме того, социально-когнитивный подход подразумевает, что правонарушители (некоторые) все-таки совершают преступления с заранее обдуманым намерением. Таким образом, предполагается, что преступник – это человек, «принимающий рациональные решения» (Hollin, 1989, p. 50): например, заметив, что за домом в данный момент никто не присматривает, он решает совершить кражу со взломом. В подобных случаях преступники используют благоприятную для них ситуацию в своих корыстных целях.

Американские исследователи на основании применения методики описания событийной структуры биографий преступников показали, что преступники воспринимают социальный мир как враждебный, дискомфортный, полный неприятий, при этом окружающие интерпретируются как субъекты, имеющие негативные черты. Так К. Скотт (K. Scott, 1995) доказал существование в сознании преступников ряда нерациональных, стереотипных и не соответствующих действительности когнитивных схем, которые он назвал «верования», отражающих неадекватное восприятие социального мира. Эти особенности сознания существуют не только на индивидуальном, но и на групповом уровне.

В настоящее время в зарубежной психологии продолжается дискуссия о закономерностях динамики ориентации заключенных на криминальные суб-

культурные ценности и нормы и путях ее учета при организации их исправления. При раскрытии детерминант криминализации многие зарубежные ученые констатируют: чем сильнее администрация мест лишения свободы создает условия для депривации заключенных, тем больше они, избегая общения с персоналом учреждения, тянутся к криминальным субкультурным ценностям и нормам. В этой связи еще в 1960–80-х гг. активизировалась опытно-экспериментальная работа по повышению просоциального соучастия осужденных и применению для этих целей разнообразных психологически обоснованных программ ресоциализации.

Зарубежная пенитенциарная практика свидетельствует: ужесточение условий отбытия наказания не дает позитивных результатов; если режим отбытия наказания приспособлен к поддержанию открытости и доверия к заключенным и их органам самоорганизации, то при освобождении они быстрее реадаптируются в общество. Об этом наглядно говорят данные о результатах применявшихся технологий участия заключенных в делах тюрьмы в соответствии с требованиями «Лиги взаимного благосостояния» (Т. М. Осборн, 1924), «тюремная общность людей» (Х. В. Джилл, 1932), «демократизация жизни заведения» (Т. Матисен, 1967), «терапевтическая община» (Э. Штудт и др., 1968), социально-терапевтические учреждения (К. П. Ротхаус, 1971). Однако, как отмечается в мета-анализе К. Фожерона и Г. Ушона (1987), административная сложность, возникающая при организации функционирования учреждений полуоткрытого и открытого типа (выборы, «устав», ассамблея, комитеты и т. д.), со временем часто приводят к утрате исходного содержания исправительной работы, а поэтому не устраняем пессимизм в отношении перспектив тюремных реформ.

Личность и рецидивизм. Исследования, проводившиеся в течение многих лет в зарубежной пенитенциарной психологии, вполне убедительно доказывают, что личностные факторы связаны с самыми различными видами антисоциального, криминального и делинквентного поведения (Rutter and Giller, 1983; Eysenck). Многие психологи считают, что личностные факторы играют значимую роль в причинах рецидивизма, однако не все накопленные данные подтверждают справедливость этой точки зрения. Например, Мак Герк утверждает, что совершение нескольких криминальных поступков в прошлом является столь же надежным прогностическим признаком будущего ареста за правонарушение, как и другие факторы (McGurk, 1978). Среди рецидивистов молодых людей больше, чем людей старшего возраста, и у них больше судимостей. Наблюдая за 315 заключенными мужского пола, среди которых был 191 рецидивист, рецидивисты обычно получали более низкие оценки навыков счета и умения читать, а также чаще демонстрировали экстрапунитивную враждебность, оценивавшуюся с помощью «Опросника враждебности и направленности враждебности», чаще пренебрегали правилами и проявляли большую подозрительность, которая оценивалась с использованием шестнадцатифакторного личностного опросника (16-PF). Неудивительно, что у них также прослеживалась тенденция к нонконформизму.

Более позднее исследование Хансона с коллегами, которые работали с преступниками, осужденными за сексуальные посягательства на детей, продемонстрировало относительную значимость прогностических признаков рецидивизма, не имеющих отношения к личности. Исследователи проанализировали показатели рецидивизма у почти 200 преступников, осужденных за сексуальные посягательства на детей и освобожденных после отбывания срока тюремного заключения; наблюдение проводилось более 16 лет. Лучшими прогностическими признаками повторного осуждения оказались следующие факторы:

- брачный статус («в браке не состоит»);
- осуждение за сексуальное преступление в прошлом;
- признание в ранее совершенных посягательствах.

Кроме того, для тех, кто совершил сексуальные посягательства на мальчиков, риск рецидивизма был выше, чем для тех, кто совершил сексуальные посягательства на девочек или был осужден за инцест. Авторы также исследовали связь между рецидивизмом и личностными факторами, которые оценивались с использованием ММРІ (Миннесотский многоаспектный личностный опросник) и ЕРІ. Из 60 обнаруженных связей только 4 оказались значимыми, что лишь ненамного превышает долю значимых связей, которые могут быть обусловлены случайными причинами. Такие результаты заставили Хансона с коллегами усомниться в том, что личностные факторы могут быть прогностическими признаками рецидивизма. Ясно, что для прояснения характера взаимодействия между личностными факторами и вышеупомянутыми переменными необходимы дальнейшие исследования (Hanson, 1993).

Оценки, полученные с использованием подшкал ММРІ, по-видимому, не являются прогностическими признаками рецидивизма у осужденных за вожделение автомобиля в нетрезвом состоянии. Крейг и Дрез (Craig and Ores, 1989) обнаружили, что оценками по трем шкалам ММРІ объясняется только 10 % дисперсии рецидива (Weaver and Wootton, 1999).

Рем (Ram, 1987) использовал Личностный опросник Айзенка (EPQ) для оценки личностных факторов убийц и рецидивистов, не совершавших убийства, и сравнил полученные результаты (исследование проводилось в Бангалоре, Индия), которые согласуются с прогнозами, сделанными на основе айзенковской теории (например, Eysenck and Gudjonsson, 1989).

Итак, повторим, что в зарубежной пенитенциарной психологии использовали личностные описания для того, чтобы дифференцировать рецидивистов и правонарушителей-нерецидивистов. Разумеется, конкретный тип личностных факторов, имеющих прогностическое значение, зависит от вида прогнозируемого криминального поведения. Тем не менее создается впечатление, что существуют четкие и предсказуемые закономерности. Например, у некоторых рецидивистов возникают проблемы в отношениях с властями, наблюдаются проявления враждебности и прослеживается тенденция к импульсивности. Некоторых также описывают как «самонадеянных» и даже до некоторой степени общительных. Таким образом, эти результаты соответствуют нашим представлениям о людях с высокими уровнями.

Научные данные, полученные с использованием стандартизированных инструментов оценки личности кажутся весьма обнадеживающими в плане возможности прогнозирования криминальных поступков. Ясно, что в большинстве исследований на эту тему использовались Личностный опросник Айзенка (EPQ) и Миннесотский многоаспектный личностный опросник (MMPI), а полученные результаты в основном согласуются с общей схемой криминального поведения, которая примерно одинакова для всех его видов. Хотя оценками параметров, использованных во многих упомянутых здесь исследованиях, можно объяснить лишь умеренную долю дисперсии криминального поведения, обнаруженные связи устойчиво подтверждаются результатами, полученными на различных выборках. Так, например, накоплены данные, убедительно свидетельствующие о существовании тесной связи между айзенковским П-фактором и криминальным поведением; в то же время показано, что MMPI является полезным инструментом для выявления различных профилей криминальных подтипов, таких как профили, обнаруживаемые у насильников. Чтобы подкрепить результаты, уже достигнутые в этой области, необходимы более активные лонгитюдные исследования. Возможно, в будущих исследованиях зарубежной пенитенциарной психологии станет, например, изучение взаимодействия между личностными и другими психосоциальными и психофизиологическими факторами с целью прогнозирования криминального и делинквентного поведения. Вполне возможно, что в раннем детстве влияние личностных характеристик «настраивает» некоторых людей на криминальный образ жизни, но к окончанию юности наиболее значимыми становятся другие социально-психологические факторы, которые способствуют сохранению криминального поведения (Heaven, 1996). Поэтому необходимы исследования, где будут более подробно изучены личностные особенности осужденных.

§ 2 Èó:áí èà èè:í îñè ì ðáñòóí í èêîá â îòá:áñòááí í ê þðèèè:áñêé ìñèõîêîèè

Структуру личности осужденного, по мнению А. И. Ушатикова, Б. Б. Казака, образуют три компонента: биологический, психологический и социальный¹. Биологическая структура включает природные свойства человека: возрастные, половые, конституционно-соматические, нейродинамические и т. п. Психологическая структура личности – это совокупность психических свойств и качеств, определяющих социально значимые формы деятельности и общения. Она состоит из нескольких подсистем: а) системы ценностных ориентации личности – личностных установок по отношению к существующим в обществе ценностям; б) системы основных жизненных функций инди-

---

¹ Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Основы пенитенциарной психологии. Рязань, 2001.

вида, которые выражаются в соответствующих потребностях и являются внутренними детерминантами его поведения; в) системы связей основных ценностных установок личности и ее главных жизненных функций; г) системы внутреннего социально-личностного контроля индивида, отраженной в сознании информации о реакции других людей на его поведение.

Социальная структура раскрывает основные формы взаимодействия личности с обществом. Она характеризуется с помощью таких категорий, как образ жизни, социальный статус, социальная роль. Социальный статус определяется принадлежностью лица к конкретной социальной группе, социально-демографическими данными (образование, семейное положение и т. п.). Он может быть реализован лишь в той или иной совокупности социальных ролей, обусловленных, с одной стороны, социальным статусом, с другой – индивидуальными психофизическими особенностями личности.

Категория «образ жизни» фиксирует связь видов деятельности и иных форм жизнедеятельности человека. Опыт исследований осужденного показывает преимущества подхода к психологическому анализу личности, при котором предмет пенитенциарного изучения включает лишь те стороны личности, которые закономерно проявляются в поведении и деятельности в условиях отбывания наказания в местах лишения свободы. В этом плане практический интерес представляет структура личности осужденного (К. К. Платонов, 1985), которая позволяет выявить ее особенности и отличия, акцентируя внимание на социальной, биосоциальной, биологически обусловленной подструктурах и интегративных характеристиках, включающих все уровни подструктур:

1. Структура биологически обусловленных черт (темперамент, пол, возраст) личности.

2. Структура психических процессов личности (особенности памяти, мышления, речи и др.).

3. Структура опыта личности (криминальный опыт и опыт тюремной жизни, умения, навыки и знания, связанные с тюремной жизнью, татуировки, жесты, позы, жаргон и др.).

4. Структура направленности личности (ограниченность жизненных планов, целей, установок, ценностных ориентаций преступным образом жизни и тюремной жизнью, удовлетворение своих потребностей любыми средствами).

5. Структура способностей (наличие устойчивой психологической защиты в связи со стойкими асоциальными убеждениями, направленность на развлечения, установление нелегальных связей, обман сотрудников исправительного учреждения, развитие криминальных способностей, тюремное искусство (рисунки, поделки, тюремная поэзия и проза).

6. Структура характера (ярко выраженный индивидуализм и эгоизм, агрессивность, безответственность, лживость, отчужденность, тюремные привычки, наличие вредных привычек: алкоголизм, наркомания, половые извращения; легкость возникновения аффективных реакций, акцентуации характера).

Личностью осужденного может быть мужчина или женщина, подросток или юноша; впервые или неоднократно отбывающей наказание, совершивший корыстные, корыстно-насильственные или насильственные преступления; она может иметь те или иные психические отклонения; быть склонной к побегам, симуляции, гомосексуализму, наркотикам и алкоголизму, иметь агрессивные намерения.

Типологический подход к изучению личности преступников. Изначально типологизация преступников велась преимущественно по внешним поведенческим признакам: Н. М. Ядринцевым (1872) – по видам совершенных преступлений и срокам заключения; А. И. Свирским (1898) – по принципу «свой-чужой» внутри тюремного сообщества («брусы» – лица, совершившие незначительные преступления в силу различных жизненных обстоятельств, и «фартовики» – закоренелые преступники, внутри каждой из которых осужденные делились им еще на специальные классы, роды и виды). И. Ф. Мельшин (Якубович) (1907) делает уже попытку описать типы заключенных в зависимости от криминальных и характерологических особенностей. С. В. Познышев – автор одной из базовых для 1920-х гг. типологий преступных личностей – предлагал разделять осужденных, исходя из степени их исправления: 1 класс – испытуемые; 2 класс – исправляющиеся; 3 класс – образцовые и особый класс – «штрафной разряд». Согласно «Положению о местах лишения свободы» (1920) все осужденные лица делились на: а) осужденных за преступления, не имеющих корыстного характера; б) за преступления корыстного характера; в) рецидивистов той и другой группы. В свою очередь они делились в зависимости от исправления и на разряды: 1) испытуемых; 2) исправляющихся; 3) образцовых; 4) трудных. В работах Н. А. Беловой (1924) и А. С. Петровой (1927) проводилась дифференциация осужденных по психологическому критерию, а также особенностям приспособления к действительности.

В развитых зарубежных странах в первой половине XX в. при изучении осужденных и разработке их классификаций наиболее востребуемыми были следующие пять групп теорий личности: 1) биопсихологические; 2) психоаналитические; 3) умственной отсталости и душевных расстройств; 4) социопатической личности и 5) теории «опасного состояния». В итоге в пенитенциарных заведениях преимущественное развитие получила модель «клинического исправления осужденных», устранение дефектов личности методами психотерапевтического воздействия. Во второй половине XX в. наиболее востребуемыми стали теории: 1) социально-когнитивного научения личности; 2) черт личности; 3) эмоциональных проблем; 4) мыслительных моделей; 5) теории Я-концепции и Я-психологии. Под их влиянием утверждались разноплановые модели «специального обращения с осужденными».

За рубежом развитие типологизации осужденных шло в контексте созданных там теорий личности (психоаналитических, эмоциональных расстройств, черт личности и т. д.), а в последние десятилетия путем использования воз-

возможностей компьютерных программ, позволяющих обобщать признаки преступного деяния и результаты многоплановой диагностики личности осужденных. Согласно американской компьютерной модели «RAPS», заключенный может быть отнесен к одному из четырех пенитенциарных разрядов по необходимым для него исправительным воздействиям (минимальное, селективное или интенсивное): 1) тип «R», выделяется на основе профессионального мнения работающих в тюрьме специалистов, о возможностях изменения его личности и поведения; 2) тип «A», характеризующий возрастную группу конкретного заключенного (до 30 лет, 30–45 и старше 45 лет); 3) тип «P», включающий сведения о количестве предыдущих судимостей; 4) тип «S», учитывающий информацию о приговоре в соответствии со специальной классификацией, а также о характере отбывания наказания по приговору.

Проблема реализации типологического подхода в исправлении осужденных актуализировалась в России в 1960–80-е гг. В итоге в отечественной пенитенциарной практике были востребованы типологии осужденных, осуществленные на основе как правовой, так и психолого-педагогической ориентации. Обычно выделяются три группы: 1) общий тип преступника-осужденного; 2) личность осужденного определенной категории; 3) личность осужденного определенного вида. Эти градации соотносятся между собой как общее, особенное и единичное. Криминологи и педагоги при разработке типологий в основу ставят дефекты нравственного самосознания (жадность, жестокость, агрессивность и т. д. – А. Д. Сафронов, И. Г. Никифоров, 1990; В. А. Елеонский, А. Д. Луганский и др.): а) лица с корыстной направленностью; б) лица, осужденные за корыстно-насильственные преступления; в) лица, осужденные за насильственные преступления. Для психологов критерием типизации осужденных служат психологические особенности личности: направленности и эмоционально-волевых качеств осужденных (В. Г. Деев, А. И. Ушатиков, В. А. Семенов, Н. А. Харина и др.), доминирующие психические состояния (В. Ф. Пирожков, Ю. В. Славинская), отношение к преступлению и наказанию (Г. Г. Бочкарева), характерологические признаки (В. П. Голубев, В. Н. Кудряков, Ю. А. Алферов и др.). Разрабатываемые психологические типологии преследуют одну главную цель – индивидуализировать исправление и применение психотехнологий в психокоррекционной работе. Нужны дополнительные исследования психологических типов осужденных впервые или неоднократно отбывающим наказания; по их отношению к основным пенитенциарным средствам; по степени разрыва с социумом и криминальной запущенности.

В зарубежной пенитенциарной практике деление осужденных осуществляется на тех: 1) кого нужно исправлять; 2) кого нужно охранять (Г. И. Шнайдер, 1994)¹. В отечественной практике заключенных делят на группы со сходными признаками, чтобы обеспечить каждому то воздействие (обраще-

---

¹ Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Основы пенитенциарной психологии. Рязань, 2001.

ние), в котором он индивидуально нуждается. Дифференциация предполагает и применение разных форм и условий исполнения наказания. В процессе отбывания наказания может проводиться повторная (динамическая) классификация. Предпосылками к ней выступает углубленное изучение личности осужденного, ведущееся на разных этапах отбывания наказания и максимально учитывающее те изменения и «приобретения», которые происходят во время исполнения наказания.

Основанием классификации осужденных может являться вид совершенного преступления (М. И. Еникеев, 1996). Так, категория преступников с корыстной направленностью включает: а) корыстно-хозяйственные преступления (фальсификация товаров, игнорирование налогообложения, лицензирования и т. п.); в) корыстно-служебные преступления (хищения путем злоупотребления служебным положением, обман, взяточничество и др.); в) воровство (корыстные посягательства, связанные с хищением имущества – кражи); г) мошенничество (подделка документов, ценных бумаг, денежных знаков и т. п.); д) ненасильственные вымогательства. Среди осужденных за корыстно-насильственные преступления есть: а) грабители; б) участники разбойных нападений; в) насильственные вымогатели (рэкетеры); г) убийцы с корыстной целью (киллеры). Лица, осужденные за насильственные преступления, – это категория преступников с агрессивными установками, с пренебрежительным отношением к жизни, здоровью и личному достоинству других людей: а) хулиганы; б) злостные хулиганы; в) лица, причинившие ущерб чести и достоинству личности путем оскорбления и клеветы; г) лица, совершающие агрессивно-насильственные действия против личности – убийства, изнасилования, причинение телесных повреждений и др. Личностные качества человека, проявившиеся в тяжком преступном деянии, свидетельствуют о конкретных нравственно-психологических пороках (жадность, жестокость, агрессивность и т. д.). Все эти лица требуют специальных мер по исправлению и ресоциализации (А. Д. Сафронов, М. Г. Никифоров, 1983). Историко-критический анализ отечественных публикаций за последние тридцать лет позволяет утверждать, что в 60–70-х годах для прикладной пенитенциарной психологии наиболее характерным было заимствование у криминологов (А. М. Яковлева, 1971; Г. И. Миньковского, 1971 и др.) типологий личности преступника и использование последних в практике конкретных видов пенитенциарных заведений. Но наряду с этим со стороны и отдельных пенитенциарных психологов предпринимались усилия по разработке оригинальных типологий личности преступников. Так, еще в 1964 году ленинградским ученым А. Г. Ковалевым на основе изучения лиц, отбывающих наказания, была создана этически ориентированная социально-психологическая типология преступников, в которой по критерию «преступной зараженности» выделялись следующие три типа правонарушителей: 1) «глобальный преступный» тип (бандиты, особо опасные рецидивисты и др.); 2) «парциальный» преступный тип (лица, систематически совершавшие хищения на производстве); 3) «пред-

криминальный тип» (лица, совершившие хулиганство, убийство из-за ревности и т. д.). Иные критерии для психологической типологизации личности преступников были выбраны К. К. Платоновым (1979). Данным ученым предлагался двухплановый подход в разработке типов преступников:

1. Выделять три типа криминальных личностей по критерию серьезности противоправной деятельности:

- «отягощенный» тип, имеющий асоциальное мировоззрение;
- криминальный тип, способный совершить преступление под влиянием окружающих лиц и сложившихся обстоятельств;
- лица, совершившие преступление случайно (в том числе под влиянием опьянения или неосторожности).

2. Выделять четыре типа криминальных личностей по критерию потенций к повторению преступлений:

- «случайные-небрежные»;
- «оступившиеся»;
- «привычные правонарушители»;
- «преступные личности».

Подробное изложение сути типологий А. Г. Ковалева и К. К. Платонова сделано не только из-за стремления раскрыть общенаучную широту их подходов, но и с целью в дальнейшем изложении наглядно показать, что в 80-е годы и в настоящее время уже выбирались совершенно другие, причем обычно более узкие, ориентиры при построении типологий осужденных¹. Так учеными из ведущего отраслевого пенитенциарного вуза (ныне Рязанской академии управления Министерства юстиции РФ) профессорами В. Г. Деевым и А. И. Ушатиковым во второй половине 80-х годов на основе авторских научных интересов и по итогам репрезентативных целевых обследований лиц, отбывавших наказания, были предложены типологии осужденных молодежного возраста в зависимости от особенностей и уровня развитости таких интегральных характеристик личности, как «направленность» и «волевая активность». В многочисленных же психологических типологиях осужденных, разработанных в 80-х – начале 90-х годов учеными из НИИ УИС Министерства юстиции РФ и Домодедовского ИПК Министерства внутренних дел (Ю. М. Антоняном, Ю. А. Алферовым, В. П. Голубевым, Ю. Н. Кудряковым, Г. Ф. Хохряковым, А. А. Зворыкиным, Е. В. Черносвитовым и др.) в качестве оснований типологизации осужденных стали выбираться уже лишь характеристики личности, которые могли быть изучены в местах лишения свободы путем применения соответствующих (обычно зарубежных) психодиагностических средств. В итоге реализации подобного подхода были предложены следующие типологии осужденных:

- 1) мотивационно-поведенческая;
- 2) характерологическая;

---

¹ Ковалев А. Г. Психологические основы исправления правонарушителей. М., 1969.

- 3) патохарактерологическая;
- 4) индивидуально-стилевая;
- 5) в зависимости от степени общественной опасности личности и ее криминогенной активности.

Если не вдаваться в анализ по каждой из вышеуказанных типологий, тем более что по ним уже есть и обобщенно-сравнительные обзоры¹, не отрицая их практической полезности (особенно для сотрудников созданной в исправительных учреждениях психологической службы), следует объективно отметить, что в области реализации типологического подхода в отечественной прикладной пенитенциарной психологии наблюдается, говоря словами А. Р. Ратинова (1983), лишь «развитие вширь... хотя более перспективными являются «буровые скважины» науки, которые могут быть обеспечены только оптимальным сочетанием фундаментальных и прикладных исследований».

Приведенная критика ценностно-смысловой неадекватности современных пенитенциарных психологов в развитии типологического подхода становится еще более рельефной, если вспомнить в данном контексте своеобразное профессиональное завещание крупнейшего русского психолога А. Ф. Лазурского, который создал наиболее же конструктивную психологическую типологию преступных личностей в дореволюционный период, в назидание последователям в 1915 году писал: «...исследователь, желающий получить сколько-нибудь точное представление о душевном складе того или иного человека, должен непременно отметить все основные наклонности, входящие в состав характера этого человека, а не ограничиваться лишь теми чертами, которые ему почему-либо интересны»².

Исследование психологических особенностей личности осужденных мужчин, проведенное психологами УИН Минюста России по Саратовской области, позволило выделить несколько типов осужденных, находящихся в настоящее время в местах лишения свободы.

К **первому типу** личности относятся так называемые *активно-оптимистичные экстраверты*, отличающиеся возбуждимо-экспансивным девиантным поведением, выражающемся в спонтанных, неупорядоченных реакциях, конфликтном характере межличностных отношений. У них отсутствует реалистическая оценка ситуаций, проявляется отчетливая тенденция к немотивированным поступкам, без учета негативных последствий своих действий. Они отличаются высоким жизненным тонусом, энергией, активностью, постоянно стремятся к неформальному лидерству, легко осваиваются в незнакомой обстановке, плохо переносят одиночество, монотонную обстановку, вынужденное безделье. Эти индивиды склонны к переоценке своих возможностей и планов на будущее. Присущая им недостаточная рассудительность и самоконтроль могут приводить к излишнему употреблению алкоголя и частому нарушению режимных требований.

---

¹ Алферов Ю. А. Пенитенциарная социология: Учебник. В 2-х частях. М., 1995. Ч. I.

² Лазурский А. Ф. Очерк науки о характерах. М., 1995. С.102.

Они склонны к разнообразной деятельности, связанной с общением и активным взаимодействием с другими людьми. При нарушении ими режима угроза неотвратимого наказания может дать быстрый и положительный эффект.

Второй тип осужденных мужчин выделен на основе преобладания таких черт личности, как *индивидуалистичность, отгороженность, неконформность, независимость, дефицит общения с окружающими, отсутствие доверия и подозрительность к людям*. Они отличаются низкой адаптивностью к условиям лишения свободы, резкой критикой существующих правил и порядков, циничным отношением к общепринятым ценностям и мерам воспитательного характера. Проявляют склонность к злобному и враждебному отношению к персоналу и другим осужденным. Вследствие слабого уровня контроля своих агрессивных реакций они предпочитают угрожать и нападать на других. Наблюдается садомазохистское развитие личности с причинением страданий окружающим и склонность к суицидальному поведению. Доминирующие переживания характеризуются ощущением собственного бессилия, внутренней пустоты и чувства собственной неполноценности.

Указанные индивиды с готовностью выполняют поручения неформальных лидеров групп с отрицательной направленностью, совершают насильственные действия в отношении других осужденных. Применяемые взыскания и наказания существенного влияния на их поведение не оказывают, поскольку эти лица не способны учитывать собственный негативный опыт, а также у них отсутствует страх перед наказанием. Эта категория осужденных представляет источник повышенной опасности по причине высокой вероятности совершения действий насильственного характера.

Третью группу осужденных мужчин составляют преимущественно *агрессивные личности*, эмоционально неустойчивые, с застревающей враждебностью и оборонительными тенденциями. Для них характерно равнодушие к чувствам и переживаниям других людей, выраженная безответственность и пренебрежение к социальным нормам и функциональным обязанностям. Внешне они могут производить вполне положительное впечатление на окружающих благодаря своей уверенности и развитому интеллекту. Неплохо адаптируются к условиям мест лишения свободы. Стремятся властвовать над окружающими и манипулировать ими в собственных интересах. За внешне благополучной маской почти всегда скрывается внутреннее напряжение, враждебность и равнодушие к другим. Социальные последствия поступков, как правило, их не волнуют, а также плохо осознаются. Вся их жизнь, начиная с детства, представляет собой богатую историю асоциальных поступков (патологическая лживость, вовлеченность в криминальные группы, драки, воровство, алкоголизация, употребление наркотиков). Для них характерно стремление к удовольствиям и наслаждениям, при этом избегая всякого напряжения, труда и ответственности.

По отношению к сотрудникам они могут проявлять подобострастие, льстивость, показную исполнительность и угодливость в целях завладения

руководящими должностями в самостоятельных организациях, дающими в их руки определенную формальную власть. Резкое ущемление их интересов может сопровождаться сильными агрессивными реакциями. Основным видом деятельности, которой они способны увлекаться, является прикладное искусство, требующее кропотливости, сосредоточенности внимания и сулящее определенные материальные выгоды. Такие личности предпочитают заниматься спортом и добиваются в этой сфере определенных успехов.

Четвертый тип осужденных мужчин представляет собой *эмотивно-впечатлительных личностей*. Для них характерно преувеличенное, показное выражение чувств, внушаемость, эмоциональная лабильность, поверхностные и нестабильные контакты с окружающими. Ключевой особенностью этих личностей является поиск внимания к себе со стороны значимых других. Такие качества, как лживость и воображение, направлены на приукрашивание своей личности, вследствие чего они склонны к рисовке, позерству, демонстративному поведению. Осужденные данного типа легко попадают под влияние неформальных лидеров.

Пятый тип осужденных мужчин отличается *застревающими, упрямыми и достаточно прямолинейными чертами характера*, которые в повседневной жизни проявляются в недоверчиво-скептическом стиле межличностного взаимодействия. Этих индивидов отличает постоянное недовольство другими людьми, склонность не прощать нанесенные в их адрес обиды и оскорбления.

У них проявляется тенденция к неправильному истолкованию сложившейся системы взаимоотношений, в частности, приписыванию другим враждебных и агрессивных намерений к своей персоне, неуживчивость и неадекватное отстаивание собственных прав, неспособность к компромиссам, упрямство и устойчивость негативных установок к людям. Как правило, они стремятся занять лидирующие позиции в сообществе осужденных через формальное участие в работе самостоятельных организаций осужденных либо посредством вхождения в малые группы отрицательной направленности.

Шестая группа включает *дезадаптированных или изолированных осужденных*, для которых характерными являются такие черты, как пессимистичность, тревожность, эмоциональная неустойчивость и послушно-зависимый стиль межличностного взаимодействия. Они переживают постоянное чувство напряженности и озабоченности, нередко испытывают затяжные депрессивные состояния и хронический внутренний дискомфорт.

Такие индивиды предпочитают вести изолированный образ жизни, ощущают острую потребность в личной безопасности, уклоняются от общественной работы, избегают интенсивных интерперсональных контактов. У них отмечается заниженный уровень самооценки, выраженное чувство собственной ущербности, искаженное представление о себе и окружающих.

В условиях лишения свободы такие осужденные достаточно легко попадают под влияние неформальных категорий осужденных, занимающих высокое положение в субкультуре, ищут у них защиту и поддержку, при возник-

новении конфликтных ситуаций активно выступают на стороне своих покровителей. С воспитательной точки зрения целесообразно в период адаптации привлекать их к участию в работе самодеятельных организаций осужденных, а также заполнять досуг общественно полезной деятельностью, активно пресекать контакты с отрицательно характеризующимися категориями осужденных.

В исправительных учреждениях сосредотачиваются лица с устойчивой криминальной мотивацией. Они отличаются достаточно выраженной и устойчивой совокупностью (сочетанием) личностных свойств.

В отношении особенностей этой тенденции в изучении личности осужденных – типологического подхода – следует констатировать, что она и до настоящего времени рассматривается в пенитенциарно-психологическом сообществе как одна из наиболее актуальных, так как традиционно (еще с дореволюционных времен) самой пенитенциарной практикой формулируются социальные заказы на разработку на основе новейших научных достижений типологий личности осужденных, которыми следовало бы руководствоваться при исполнении наказания и исправлении личности осужденных.

Востребованность типологий личности осужденных актуализируется при внедрении «исправительной модели» обращения с заключенными.

Тенденции в развитии юридической психологии изучения личности преступников. Изучение личности преступников включает в себя знание механизмов и закономерностей поведения и деятельности в условиях отбывания наказания, влияния среды преступников и основных средств исправления, ресоциализации и адаптации осужденных.

Изучение личности осужденных в отечественной пенитенциарной психологии можно разбить на два этапа: 1) до 90-х годов XX в.; 2) после 90-х годов XX в.

Изучение личности преступников до 90-х годов. Психологию среды заключенных ярко раскрывали еще дореволюционные писатели Н. Г. Чернышевский, Ф. М. Достоевский, а также публицисты С. Максимов, А. Семилужский, А. И. Свирский, Н. М. Ядринцев. Н. М. Ядринцев в работе «Русская община в тюрьме и ссылке...» (1872) убедительно показал, что в отношении сообщества людей, находящихся в местах лишения свободы, следует вести речь, прежде всего, как о тюремной общине – особом социальном явлении, оказывающем воздействие на поведение заключенных. Значительное число эмпирических исследований по влиянию наказания на личность и среду заключенных проведено в 1920-е гг. Многоплановая панорама социально-психологических явлений в среде осужденных представлена М. Н. Гернетом в работе «В тюрьме. Очерки тюремной психологии» (1926) и в его пятитомном труде «История царской тюрьмы» (1941–1956).

В 1930–70-е гг. научные исследования «тюремной среды» практически не проводились.

Среди отечественных ученых активность в исследованиях социально-психологических явлений в среде осужденных возросла с 1970-х годов. При этом, начав с изучения закономерностей возникновения и конфликтного

функционирования в учреждениях малых групп осужденных (И. П. Башка-тов, А. Г. Бронников, Ю. А. Вакутин, Б. Ф. Водолазский, В. Г. Деев, В. Ф. Ключкин, А. И. Мокрецов, А. Н. Сухов, И. Г. Шмаров и др.), далее произошел выход на многоплановое изучение и раскрытие системы атрибутов криминальной субкультуры в местах лишения свободы – С. П. Щерба, С. И. Курганов, Л. В. Перцова «Социально-негативные явления и борьба с ними» (1985); Г. Ф. Хохряков «Парадоксы тюрьмы» (1991); А. Н. Сухов «Криминогенное общение осужденных» (1992); В. Ф. Пирожков «Законы преступного мира молодежи» (1994) и «Криминальная психология. Подросток в условиях социальной изоляции» (1998); В. М. Анисимков «Тюремная община. Вехи истории» (1992) и «Криминальная субкультура» (1998); А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак «Психология тюремной среды» (1998). Рост преступности в постсоветской России и увеличение числа осужденных за тяжкие преступления способствовали криминализации среды в местах лишения свободы. Научные исследования показывают, что в ней, как и раньше (хотя и в несколько измененном состоянии), существует «тюремная субкультура», предопределяющая своеобразие стратификации осужденных, их обычаи, традиции, нормы, криминогенное общение и др. Совершенно очевидно, что исправление и ресоциализация осужденных зависят от степени нейтрализации криминогенной субкультуры мест лишения свободы. Поэтому в современных условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России особое внимание уделяется, с одной стороны, изучению опыта гуманизации условий исполнения наказаний и оценке эффективности мер по преобразованию негативной среды осужденных (Макэночи – Ирландия; Песталлоци – Швейцария; А. Я. Герд, А. С. Макаренко – Россия; Вологодский опыт 1960–70-х гг. по созданию коллективов осужденных, Калифорнийская «система общинной ресоциализации» (США), европейские инновации по созданию «социально-терапевтических учреждений»), а с другой – возможностям альтернативных лишению свободы мер наказания (А. И. Зубков, 2000).

Издавна пенитенциарные психологи уделяют первостепенное внимание исправительной модели и ресоциализации осужденных. С 5 декабря 1966 г. в России стал действовать закон «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников». Согласно историографическим исследованиям (Л. Н. Беляева, 1995; С. А. Завражин, 1995; М. Г. Детков, 2001), «опытный подход» к исправлению преступников, все более расширявшийся в России благодаря инициативной деятельности А. Я. Герд, братьев Рукавишниковых, А. Д. Ушинского и других отечественных педагогов, можно рассматривать как весомый вклад в достижения мировой пенитенциарной науки и практики. Значительным вкладом в теорию и практику организации исправительного процесса несовершеннолетних правонарушителей, несомненно, является психолого-педагогическая система А. С. Макаренко, базирующаяся на идее перевоспитания личности в «коллективе» и «через коллектив». Перенос в советский период даже отдельных элементов

указанного прогрессивного опыта в практику исправительной работы со взрослыми осужденными (особенно полно в рамках Вологодского опыта 1960–70-х гг.) позволили отечественным ученым-пенитенциаристам (Н.А. Стручков, М. П. Стурова и др.) утверждать, что научное обоснование и комплексное использование в исправительно-трудовых учреждениях основных средств исправления осужденных (режим, труд, обучение, воспитательная работа) и реализация принципа «каждый сотрудник – воспитатель» реально способствует снижению рецидива.

Перспективность применения идей системно-структурного подхода к изучению личности осужденных в начале 80-х годов активно отстаивал в многочисленных своих публикациях К. К. Платонов¹. Однако, из-за сложности переноса в прикладные науки принципов и категорий системного подхода, последний даже при «декларативной ориентации» на него многих современных пенитенциарных психологов еще не нашел должного развития в теории пенитенциарной психологии.

Изучение личности осужденного после 90-х годов. После 90-х годов в отечественной пенитенциарной психологии появился ряд исследований в области изучения личности осужденных.

После 90-х годов появились довольно глубокие в теоретическом плане научные публикации Г. Ф. Хохрякова (1988, 1991), А. Н. Сухова (1992), В. Ф. Пирожкова (1994), Д. В. Сочивко, А. В. Наприса, А. Н. Пастушени, А. Г. Белобородова, С. Н. Ениколопова и других в отношении тенденции в развитии прикладной пенитенциарной психологии.

В. Ф. Пирожков изучал влияние криминальной субкультуры мест лишения свободы на личность и группы осужденных.

Г. В. Щербаков изучал жизненные планы, перспективы и цели осужденных молодежного возраста, провел анализ мотивационной подструктуры жизненных планов, выделил три группы осужденных по характеру содержания мотивационных подструктур направленности личности: положительная направленность, отрицательная направленность, неопределенная направленность².

В. Г. Деев, Ю. Р. Саар, А. В. Наприс исследовали представления осужденных о жизненном пути. Жизненные планы, по их представлениям, представляют высший уровень направленности личности, который обуславливает длительность сохранения во времени характера мотивации поведения³.

---

¹ Прикладная пенитенциарная психология: Учеб.-практич. пособие для психологов пенитенциарных учреждений. Рязань, 1998.

² Щербаков Г. В. Мотивационная сфера осужденных молодого возраста и ее влияние на адаптацию в исправительном учреждении: Дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2002.

³ Наприс А. В. Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодого возраста: на материалах ИК строгого режима: Дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 1997.

В. В. Яковлев занимался изучением индивидуальных особенностей и общих закономерностей развития и функционирования смысловой сферы личности осужденных¹.

А. Н. Пастушеня изучал целостную совокупность (систему) психологических свойств личности преступника, выступающих существенными в детерминации преступного поведения при определяющих внешних и иных условиях, виды и типологии этих свойств, функциональные связи в механизме преступного поведения, структуру и организацию их целостной совокупности, закономерности реализации этой совокупностью своих функций в детерминации преступного поведения².

А. И. Анфиногенов изложил концепцию методики разработки психологического портрета неустановленного преступника, его содержание, свойства и практику составления³.

Г. К. Корнеева изучала психологические особенности смысловой сферы личности ВИЧ-инфицированных осужденных, влияние факторов наличия инфицированности и нахождения в местах лишения свободы⁴.

А. В. Пищелко, Д. В. Сочивко изучали влияние уголовного наказания на личность осужденного. Говорят о том, что в местах лишения свободы преобладают нормы и ценностные ориентации, характерные для преступной среды. Они оказывают на осужденного непосредственное влияние и определяют его поведение, криминализируя личность осужденного, что типично для нынешней системы исполнения уголовного наказания⁵.

Ф. Р. Сундуров утверждает, что у значительной части осужденных-рецидивистов отсутствуют положительные эмоциональные переживания (стыд, раскаяние, моральное самоосуждение) в связи с совершенными преступлениями⁶. По данным проведенного исследования, свыше 50 % осужденных-рецидивистов указали, что в жизни, в том числе и при совершении преступления, не считают аморальным пользоваться слабостью других. Заметно стремление переложить свою вину, ошибки в жизни на других, предъявить «счет» за свою изуродованную судьбу другим или обществу в целом. Формирование у данной категории осужденных положительных эмоций, чувств должно быть необходимым условием закрепления положительных свойств и качеств личности.

---

¹ *Яковлев В. В.* Психологическая характеристика смысловой сферы личности осужденных к лишению свободы: Дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 1999.

² *Пастушеня А. Н.* Криминологическая сущность личности преступника: психологический аспект: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000.

³ *Анфиногенов А. И.* Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.

⁴ *Корнеева Г. К.* Психологические особенности смысловой сферы личности ВИЧ-инфицированных осужденных в условиях лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2004.

⁵ *Пищелко А. В., Сочивко Д. В.* Реадаптация и ресоциализация. М., 2003.

⁶ *Сундуров Ф. Р.* Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976.

Предпринимается попытка найти то общее для всех преступников свойство, которое проявляется в виде преступления и отличает их. Существуют ли такие свойства? *В. Н. Кудрявцев и Ю. В. Кудрявцев* пишут, что «нет такого единственного (и единого) свойства личности, которое вызывало бы отклоняющееся поведение и отличало бы лиц, склонных к такому поведению, от лиц, соблюдающих социальные нормы».

А. Г. Белобородов, изучая особенности когнитивной сферы преступников, говорит, что для осужденных не характерны проявления когнитивной сложности¹. Наименьшая когнитивная сложность характеризует насильственных преступников. Это влияет на низкую степень дифференцировок в их сознании объектов и явлений. Существует большая вероятность того, что преступник выберет противозаконный вариант реагирования, например, при дефиците времени на обдумывание, хотя всегда существуют значительные возможности действий в пределах закона.

Изучение индивидуально-психологических особенностей осужденных, акцентуаций и других черт их характера, по данным *А. М. Столяренко*, показывает, что по этим параметрам они существенно не отличаются от правопослушных граждан.² Различия обнаруживаются в особенностях проявления ценностных ориентаций, психических состояний и статусно-правовой принадлежности осужденных. Именно эти параметры, по мнению специалистов, определяют «тюремный синдром» поведения осужденного. Ведь сам факт совершения преступления, арест, помещение под стражу в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства, отбывание наказания в пенитенциарном учреждении оказывают существенное влияние на психику и поведение человека.

Р. М. Масагутов, С. Н. Ениколопов,³ изучая показатели агрессивности у заключенных юношей с различным статусом в неформальной иерархии воспитательной колонии, заметили, что:

1. Осужденные юноши с высоким статусом в неформальной иерархии воспитательной колонии склонны к открытой агрессии, которая имеет преимущественно «инструментально-контролируемый-предумышленный-проактивный» характер, что выявлялось при исследовании методикой Басса-Дарки. Инструментальный характер агрессии отражается сочетанием высоких показателей по шкалам «Физическая агрессия», «Негативизм», «Вербальная агрессия», «Общая агрессия» с низкими показателями по шкалам «Обида» и «Враждебность».

---

¹ *Белобородов А. Г.* Образ права как смысловой уровень правосознания и его особенности у преступников: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.

² *Прикладная юридическая психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. А. М. Столяренко.* М., 2001.

³ *Масагутов Р. М., Ениколопов С. Н.* Показатели агрессивности у заключенных юношей с различным статусом в неформальной иерархии воспитательной колонии // Психологический журнал. 2004. № 1.

2. Часть осужденных с низким статусом склонна к подавлению внешнего выражения агрессии, что отражается в низких показателях всех шкал агрессии теста Басса-Дарки.

Другая часть осужденных с низким статусом, напротив, имеет повышенную агрессивность, которая носит преимущественно «враждебный-аффективный-импульсивный-реактивный» характер. Враждебный характер агрессии выявляется недифференцированным повышением всех показателей агрессии по тесту Басса-Дарки, включая «Обиду» и «Враждебность».

Осужденные юноши с высоким статусом в неформальной иерархии воспитательной колонии склонны к открытой агрессии, которая имеет преимущественно «инструментально-контролируемый-предумышленный-проактивный» характер, что выявлялось при исследовании методикой Басса-Дарки. Инструментальный характер агрессии отражается сочетанием высоких показателей по шкалам «Физическая агрессия», «Негативизм», «Вербальная агрессия», «Общая агрессия» с низкими показателями по шкалам «Обида» и «Враждебность».

А. Хвостов изучая моральное сознание преступников и законопослушных граждан в сравнительном измерении, сделал вывод: преступники против того, чтобы пойти на убийство, если жизни угрожает опасность, законопослушные – за¹. Осужденные категоричнее законопослушных против выселения бомжей из пустующих помещений. Осужденные сомневаются, надо ли работать, если в этом нет необходимости, тогда как законопослушные однозначно считают это для себя достаточно важным.

§ 3. Ī māáí í ĩñòè ì òèì áí áí èy ĩ ñèōī ãè àā ĩ ñòè ÷ áñèèō ñāāñòá ì òè èçó-áí èè èè ÷ í ĩ ñòè ì òè ðāñòóí í èèîá

Рассмотрение преступного акта как результата взаимодействия внешних и внутренних факторов детерминации требует самостоятельного психологического анализа объективных предпосылок преступного поведения. Объективные (внешние для субъекта) факторы относятся к двум группам, первую из которых образуют предшествующие обстоятельства формирования личности преступника, а вторую – обстоятельства непосредственного формирования данного преступного деяния, т. е. объективные условия природной и социальной среды, определившие возникновение и осуществление конкретного преступления. Совокупность элементов объективной обстановки, сложившейся к моменту зарождения и в период совершения преступления, именуется *криминальной ситуацией*.

Интегральная оценка личности и ситуации с точки зрения криминогенности позволяет представить их взаимодействие как взаимное подкрепление, усиление

---

¹ Хвостов А. Моральное сознание преступников и законопослушных граждан в сравнительном измерении // Мир психологии. 2003. С. 91–103.

либо ослабление, погашение друг друга. Результат взаимодействия – правомерный или противоправный – зависит от характера сочетания и сравнительной интенсивности конкурирующих факторов различной модальности (направленности). Поэтому ситуации подразделяются: на провоцирующие, способствующие, нейтральные, затрудняющие и препятствующие. Характер взаимодействия личности и ситуации определяется в следующих видах: подчинение ситуации, использование наличной ситуации, приискание удобной ситуации, создание благоприятной ситуации, преодоление препятствующей ситуации.

В условиях чрезвычайного многообразия взглядов на специфику психологического изучения личности преступников исходные позиции большинства ученых совпадают. Общими методологическими положениями являются социальность и активность личности, принцип детерминизма, принцип историзма и развития личности, понимание личности как целостности, изучение личности в единстве ее сознания и деятельности. В психологии в первую очередь обращают внимание на источники побуждательности, мотивацию, характеризующую избирательность деятельности и поведения личности преступника. Принципиально важно определить позицию о соотношении социального и биологического в детерминации преступного поведения. Люди преступниками не рождаются, ими становятся под воздействием различных социально обусловленных факторов. Это не означает, однако, что психофизиологические и биологические признаки не имеют никакого значения. Они важны, но не предопределяют характер и направленность юридически значимого поведения. Из принципа единства сознания и деятельности вытекает, что разные виды деятельности требуют преимущественного участия тех или иных психических свойств, а разные психические свойства наиболее успешно реализуются в соответствующих им видах деятельности. Из этого следует, что *разным категориям преступников соответствуют различные типы личности преступника, т. е. различные комплексы обобщенных личностно-психологических характеристик.*

Целями психологического изучения преступников являются: дальнейшее углубленное выяснение причин преступности, механизмов преступного поведения, классификация и типология преступников для последующего совершенствования законодательства и практики его применения, дифференциации наказания и индивидуализации его исполнения, повышения эффективности воспитательно-профилактических мероприятий и деятельности следственных, судебных и исправительных учреждений.

Для реализации этих целей должна быть получена динамическая характеристика всего криминогенного ансамбля условий и свойств и на этой основе определена роль личностного фактора и его конкретное содержание в разных видах преступного поведения. Вне этого комплекса изолированное изучение личности преступника малопродуктивно.

В развитии отечественной прикладной пенитенциарной психологии заметна тенденция – адаптация зарубежных и разработка авторских психодиаг-

ностических средств изучения осужденных. Можно констатировать, что здесь превалирует (кстати, в целом типичный и для всей отечественной психологии) процесс заимствования западного методического инструментария. И хотя в отношении подобной тенденции существует убедительная критика со стороны ведущих отечественных тестологов А. Ф. Бурлачука, К. М. Гуревича, Л. Н. Собчик, А. Г. Шмелева, В. Н. Дружинина и др. (прежде всего за упрощенность технологий адаптации и стандартизации зарубежных методик), но до настоящего времени в деятельность психологической службы исправительных учреждений внедряются недостаточно теоретически обоснованные и психометрически валидные, а также скорректированные по тестовым нормам (из-за специфики контингента и условий применения в местах лишения свободы) разноплановые «импортного производства психодиагностические методики». Причинами последнего, думается, является то, что сегодня, во-первых, сообщество пенитенциарных психологов быстро расширяется за счет лиц преимущественно без базового психологического образования, а во-вторых, у государственного заказчика (ГУФСИН МЮ РФ) уже нет финансовых средств, чтобы научно-методологически более основательно и в больших масштабах продолжать позитивную традицию в разработке психодиагностического инструментария, которая намечалась в рамках реализации в конце 80-х годов Саратовского эксперимента. В плане же создания новых авторских диагностических средств для изучения личности осужденных, где сегодня имеются преимущественно методики опросного характера, представляется, что перспективы станут более глубокими лишь тогда, когда больше внимания будет уделяться разработке фундаментальных проблем пенитенциарной психологии.

Уже в 1920–30-х годах ученые-пенитенциаристы большое внимание уделяли разработке и технике изучения личности в условиях изоляции (Ю. Ю. Бехтерев «Изучение личности заключенного. История, задачи, методика и техника», 1928)¹. Кабинетами по изучению преступности и преступника (осужденного) широко применялся метод анкеты. Например, анкета обследования, разработанная Экспериментальным пенитенциарным отделением (ЭПО), включала три части: социально-криминологическую (изучавшую среду преступника и особенности преступления), психиатрическую (изучающую психиатрические особенности преступления), антропологическую (посвященную изучению антропологических характеристик личности преступника). Главное управление мест заключения разработало Инструкцию по методике и технике изучения личности заключенных (1928). Ведущие отечественные пенитенциаристы: М. Н. Гернет, Ю. Ю. Бехтерев, А. Е. Петрова, Е. Г. Ширвиндт, Б. С. Утевский считали, что в основу изучения личности заключенного должен быть положен клинический метод.

---

¹ Энциклопедия юридической психологии / Под общ. ред. проф. А. М. Столяренко. М., 2003. С. 607.

При экспериментальном пенитенциарном отделении (1926) была создана комиссия, основной функцией которой являлось методическое обеспечение и распространение апробированных методик на всю систему мест заключения. В 1960-х гг. во ВНИИ МВД СССР был открыт отдел по изучению осужденных, а в Рязанской высшей школе в 1976 г. создается проблемная лаборатория по изучению среды и личности осужденных.

Значительный вклад в разработку принципов и методики изучения личности и групп осужденных внесли В. Ф. Пирожков, А. Г. Ковалев, И. П. Башкатов, К. К. Платонов, Е. А. Саблина, В. Г. Деев, А. И. Ушатиков, В. Н. Казанцев, А. Н. Сухов, Ю. А. Алферов, М. Г. Дебольский и др. Программы исследования включали две части: методологическую и процедурную. В качестве узловых оснований были обоснованы принципы:

- 1) активного и целеустремленного изучения;
- 2) сбора опосредованных психических проявлений личности и групп осужденных;
- 3) объективности;
- 4) динамичного подхода к изучению;
- 5) всесторонности;
- 6) единства процессов изучения и коррекции личности.

В процедурном плане первоначальный этап психодиагностики совпадал с периодом адаптации осужденного; второй этап – с основным этапом отбывания наказания; третий этап включал в себя анализ результатов исследования, их интерпретацию и обобщение.

Пенитенциарными психологами разработан ряд авторских методик изучения личности осужденных (В. Ф. Пирожков, 1994; Г. А. Аминев, 1997 и др.). Сегодня все более актуализируется разработка психодиагностических средств, требуемых одновременно для диагноза и последующей коррекционной работы с осужденными, в том числе с лицами с психическими аномалиями (Л. С. Саблина, 1997; Н. В. Васильева, 1998, И. А. Кудрявцев, Н. А. Ратинова, 2001 и др.). В связи с тем, что среди осужденных возросла доля лиц, имеющих длительные и пожизненные сроки наказания, причем обладающих аддиктивными зависимостями (наркомания, алкоголизм и др.) и ВИЧ-инфицированных, актуализируется необходимость проведения со стороны пенитенциарных психологов соответствующих дифференциально-сравнительных и социально-психологических исследований.

В практике психологов пенитенциарных учреждений широко применялись программы изучения личности, разработанные К. К. Платоновым, И. П. Башкатовым, В. Ф. Пирожковым, В. Г. Деевым, Л. А. Высотиной, В. Д. Лутанским и другими. В их рамках для диагностики личности и среды осужденных использовались: методы наблюдения и эксперимента, беседы и анализ личного дела, контент-анализ документов, биографический метод, анализ

продуктов деятельности, метод независимых характеристик, тесты. В последнее десятилетие на репрезентативных выборках осужденных произведена стандартизация разноплановых тестов: Айзенка, Спилберга, Кеттелла, ММРІ, Розенцвейга, Люшера, ТАТ, Равена, Роршаха, Сонди, СЖО, Шмишека и др. (Ю. А. Алферов, Д. А. Арсентьев, М. Г. Дебольский, В. Ф. Пирожков, А. И. Папкин, В. П. Голубева, В. Г. Деев, В. Н. Казанцев, А. И. Мокрецов, В. Г. Козюля, И. Б. Бойко, Т. В. Калашникова, Ю. В. Славинская, Е. Н. Казакова, В. В. Яковлев). Опыт их применения показал необходимость использования комплекса указанных методик, а также разработанных пенитенциарными психологами ряда оригинальных методов: пространственно-знаковой социометрии (В. В. Пирожков, 1993); метода социографического изучения неофициальной структуры осужденных (В. Н. Казанцев), метод контактных наблюдений (И. В. Шмаров, А. И. Мокрецов) и др.

В рамках активно развивающейся в России психологической службы уголовно-исполнительной системы использование методов изучения личности и среды осужденных осуществляется в нескольких направлениях: а) составление психологических характеристик (портретов) осужденных; б) прогноз поведения отдельных (группы) осужденных; в) психокоррекция поведения осужденных (группы); г) разработка рекомендаций по индивидуализации исправительных воздействий.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ

§ 1. Èó:áí èà îñááí í îñòæ B-êí îöáí öèè â çàðááæ í é è îòá:áñòááí í é ððèæè:áñéíé îñèõíéíæè

Я-концепция – стабильное ядерное образование, которое входит в структуру личности и выступает как ее системная составляющая. Как связующая сила личности она организует, синтезирует опыт и компоненты структуры личности осужденного, составляет ядро его жизненных перспектив в субъективной картине жизненного пути. Я-концепция как глубинное личностное образование принижывает всю психическую жизнь субъекта, интегрирует психические процессы, свойства, состояния, профессионально значимые качества личности и их проявление в интериоризирующей структуре деятельности осужденного.

На современном этапе развития отечественной психологии в пенитенциарной практике представляется возможным более глубокое исследование внутреннего мира личности осужденного, стержнем которой является ее Я-концепция.

В зарубежной юридической психологии Я-концепцию преступников изучали Уивер и Вуттон (Weaver and Wootton, 1992). Они выявили, что у девиантов недостаточно развито чувство «Я» – интеграции, и они не ощущают ответственности перед группой (или семьей), к которой принадлежат. У. Реклесс (W. Reklless, 1973) был главным защитником Я-концепции, или теории ограничения. Он выдвинул гипотезу, согласно которой благоприятная Я-концепция является причиной того, чтобы противостоять криминогенному влиянию. Дж. Ф. Йенсен сопоставил параметры самооценки, самоконтроля и принятия моральных убеждений с самоотчетами о делинквентном поведении. Исследователь выявил весьма слабую взаимосвязь, что привело его к заключению о том, что элементы внутреннего ограничения, возможно, не столь важны для делинквентности, как параметры, отражающие социальную среду (семья, место проживания и т. д.).

Исследования теории, основанной на Я-концепции, критиковались по ряду методологических пунктов.

С. Дж. Йанг и Т. П. Торнберри, исследовав особенности самооценки делинквентов, указали на то, что, независимо от делинквентного поведения, общение с друзьями-делинквентами повышает самооценку. В более поздних исследованиях по самооценке были использованы улучшенные параметры и проанализированы более сложные модели. В отечественной психологии самооценку преступников изучали З. С. Акбиева (1997), М. К. Гитинова (2003), В. В. Знаков (1993), А. Р. Ратинов (2001), В. М. Раева (2000) и др. Некоторые закоренелые преступники, по Ф. Р. Сундурову, проявляют противоречивую самооценку и обнаруживают подсознательную протестную или самоуничтожительную мотивацию: они совершают деяния как бы наперекор здравому смыслу, рискуя обречь себя на страдания, чтобы отомстить своей судьбе за перенесенные лишения и наказания.

Для осужденных характерна фиксированность на своем психическом состоянии. В то же время психологическая защита, направленная на сохранение своего «Я», его целостности и определенности, у них достаточно выражена, что отражает определенный уровень самосознания и самооценки.

Особенности восприятия окружающего мира осужденными. Американские исследователи на основании применения методики описания событийной структуры биографий преступников показали, что преступники воспринимают социальный мир как враждебный, дискомфортный, полный неприятий, при этом окружающие интерпретируются как субъекты, имеющие негативные черты (цитируется по А. Г. Белобородову). К. Scott доказал существование в сознании преступников ряда нерациональных, стереотипных и не соответствующих действительности когнитивных схем, которые он назвал «верования», отражающих неадекватное восприятие социального мира. Эти особенности сознания существуют не только на индивидуальном, но и на групповом уровне.

Направленность личности осужденных. В юридическо-психологической литературе направленность личности нередко рассматривается как основа психологии преступника (осужденного) (Г. Г. Бочкарева, Г. М. Миньковский). Г. Г. Бочкарева разработала типологию несовершеннолетних преступников (воспитанников) по особенностям их мотивационно-потребностной сферы, выделив раскаивающихся, неустойчивых преступников. В. Г. Деев (1978), основываясь на представлении, что направленность имеет генерализованную подструктуру отношений (влечения, желания, интересы, стремления, идеалы, мировоззрение, убеждения, определяющие морально-нравственные качества личности), а также подструктуру жизненных планов, перспектив и целей деятельности личности, выделил семь групп осужденных по направленности личности: 1) условные коллективисты; 2) с активной отрицательной групповой направленностью; 3) отрицательные индивидуалисты; 4) пассивные отрицательные; 5) неустойчивые; 6) активисты-одиночки; 7) приспособленцы. В. Ф. Пирожков и А. С. Михлин (1975) выделили пять основных ценностей, имеющих наибольшее значение у осужденных: 1) семейное благополучие; 2) интересная работа; 3) материальная обеспеченность; 4) получение образования; 5) обеспеченность жильем. Г. Ф. Хохряков и В. П. Голубев (1982) подчеркивали роль таких ценностей: 1) свобода; 2) прошлая и будущая жизнь (т. е. жизнь до отбывания наказания и предполагаемая жизнь после выхода из мест лишения свободы); 3) «Я», т. е. собственная личность; 4) справедливость; 5) семья (жена, девушка, дети); 6) друзья; 7) труд, профессия, учеба; 8) «начальство»; 9) режим. Исследования мотивационно-смысловой сферы осужденных, проведенные В. В. Владимировым и Л. А. Сухинской (1994); В. В. Яковлевым (1999), выявили систему личностных смыслов осужденных: 1) не измениться; 2) быть богатым; 3) устроить себе жизнь; 4) быть простым; 5) «спуститься на землю»; 6) «урвать» свое счастье; 7) не потерять веру; 8) начать жизнь сначала. Н. А. Деева (1981), Л. Ф. Козло-

ва (1976), А. В. Наприс (1997) различали группы осужденных по наличию у них перспектив, целей и жизненных планов: 1) с социально-значимыми планами; 2) с жизненными планами, не соответствующими индивидуальным возможностям (быть артистом, художником, певцом, моделью и т. п.); 3) с асоциальными планами; 4) с отсутствием жизненных планов и перспектив.

Ценностные ориентации осужденных. Принятые в группах ценности и стандарты поведения вступают в противоречие с социально ценными нормами и моделями взаимодействия, принятыми в формальной структуре исправительного учреждения. В рамках неформальных структур микросреды осужденных шлифуются преступные навыки, приобретаются новые приемы совершения преступных действий, укрепляется сплоченность вокруг значимых идей и криминальных интересов, вырабатывается готовность к агрессии.

Под ценностными ориентациями понимается содержательная сторона направленности их личности, составляющая основу отношений, ядро мотивации, жизненной концепции и смысла жизни. Исследованиям ценностных ориентаций осужденных в пенитенциарной психологии посвящены работы В. П. Голубева, Н. А. Донцова, С. И. Курганова, В. А. Ласточкина, А. С. Михлина, В. Ф. Пирожкова, Г. Ф. Хохрякова, Е. М. Юцковой. Специфические субкультурные ценности осужденных исследовались В. М. Анисимковым, Ю. А. Вакутиным, Б. Ф. Водолазским, А. И. Гуровым. Ценностные ориентации исследовались и в связи с содержанием их смысловой сферы (С. И. Курганов, В. В. Яковлев), мотивацией преступного поведения (К. Е. Игошев), готовностью осужденных к правопослушному образу жизни (А. Н. Пастушеня), уровнем нормативной регуляции поведения (А. Р. Ратинов), готовностью осужденных к жизни на свободе (В. В. Кулинич).

Всеми исследованиями подтверждается деформация структуры ценностных ориентаций осужденных. Наиболее значимы для них те, что обеспечивают индивидуальное существование (свобода, материальная обеспеченность, активная жизнь, уверенность в себе и т. д.), на втором плане – ценностные ориентации творческого характера (интересная работа), в конце рангового ряда располагаются ценностные ориентации, реализующие социальные отношения (счастливая семейная жизнь, наличие верных друзей). В современных социально-экономических условиях образование как ценность теряет у них свое значение, свобода стала цениться выше (А. С. Михлин, А. В. Наприс, 1997; В. Ф. Пирожков, 1976). Такая картина обуславливается, в первую очередь, объективными условиями изоляции (В. В. Яковлев, 1998). Ценности вовсе могут утратить свое значение для личности в процессе длительного лишения возможности их реализовать (А. Р. Ратинов, Г. Х. Ефремова, 1988). Некоторые осужденные, например, имитируя побег, сознательно избегают освобождения из исправительных учреждений. Длительная психотравмирующая ситуация, связанная с невозможностью осужденных реализовать ценность, ведет к «эффекту избегания объекта, представляющего ценность» (Г. Ф. Хохряков, В. П. Голубев), что усугубляет дальнейшую криминализа-

цию личности, отчуждение ее от абсолютных, принятых в обществе, моральных ценностей-норм, нежелание переосмыслить прожитое и вернуться к правопослушному образу жизни.

Жизненные планы осужденных. Проблема жизненных личностных планов осужденных впервые была обозначена С. В. Познышевым (1925) и развита в работах Ю. Ю. Бехтерева (1928). В 30-е годы А. С. Макаренко разработал педагогическую практику формирования «перспективных линий» у несовершеннолетних правонарушителей. В дальнейшем разработку макаренковских идей применительно ко всем категориям осужденных продолжили Б. С. Утевский, А. П. Евграфов, И. В. Шмаров (1966); В. И. Монахов (1972). Однако в деятельности отечественных исправительных учреждений, в которых содержались взрослые осужденные, использование знания и развития жизненных планов ожидаемых результатов не дало (ввиду отсутствия возможности самостоятельного выбора перспектив, по сравнению с «коммунами» А. С. Макаренко).

В пенитенциарной психологии жизненные планы изучали В. Г. Деев, Н. А. Деева, Н. А. Донцов, Т. В. Калашникова, Л. Ф. Козлова, С. И. Курганов, В. А. Ласточкин, А. С. Михлин, В. Ф. Пирожков, А. Р. Ратинов, Ю. А. Саар, А. Г. Ушатиков, Г. Ф. Хохряков, Е. М. Юцкова.

Исследования жизненных планов пенитенциарными психологами проводились в связи с проблемами самоопределения (Ю. Р. Саар), направленности личности осужденных (В. Г. Деев, В. Ф. Пирожков), долговременных целей (Н. А. Деева, Л. Ф. Козлова), волевой активности (А. И. Ушатиков), установок (Т. В. Калашникова), ценностных ориентаций (Н. А. Донцов, С. И. Курганов, В. А. Ласточкин, А. С. Михлин, А. Р. Ратинов, Г. Ф. Хохряков, Е. М. Юцкова, В. В. Яковлев), конфликтов в общении (А. Н. Сухов), возможности их коррекции у осужденных (А. С. Новоселова, М. Г. Дебольский). Была установлена цикличность жизненных планов преступников (Л. Б. Филонов, 1979; «украл, выпил – в тюрьму»), требующая серьезной переориентации личности осужденных.

Благодаря тому, что ценностные ориентации у многих осужденных не утрачены (А. С. Михлин, В. П. Пирожков), большинство осужденных, имея дальние жизненные планы, не ориентируют на них свое поведение в колонии. Отбывание наказания в исправительном учреждении, по меткому выражению самих осужденных, приобретает характер «отсидки» – пассивного проведения времени, что нельзя понимать однозначно. В условиях ограничения свободы социальная активность осужденных принимает специфичные формы, в которых отражаются межличностные отношения и в целом отношение к окружающей жизни в колонии. На основе этих отношений формируются малые неофициальные группы по интересам, землячество, семьи и т. п., которые пытаются подчинить поведение и жизненные планы осужденных групповым целям.

Особенности эмоционально-волевой сферы. Эмоционально-волевая характеристика личности осужденного также имеет свою специфику. Для нее

характерны такие психические особенности, как высокая эмоциональная возбудимость, слабый самоконтроль, значительная ситуативная зависимость, несамокритичность, завышенная самооценка. Волевая активность их основана на экстернальном локусе контроля при сниженном интернальном. В качестве регулятора поведения правонарушителей выступает криминальная субкультура.

Дефекты нравственного сознания осужденных выражаются, прежде всего, в их индивидуализме, в замене нравственных принципов низменными, в преобладании материальных интересов над духовными. Преступникам присуща алчность, стяжательство, жадность, эгоизм, жестокость, озлобленность, месть, зависть и т. д.

Чем больше у осужденного судимостей, тем они реже признают наказание справедливым.

У значительной части осужденных-рецидивистов отсутствуют положительные эмоциональные переживания (стыд, раскаяние, моральное самоосуждение) в связи с совершенными преступлениями, свыше 50 % осужденных-рецидивистов указывают, что в жизни, в том числе и при совершении преступления, не считают аморальным пользоваться слабостью других. Заметно также стремление переложить свою вину, ошибки в жизни на других, предъявить «счет» за свою изуродованную судьбу другим или обществу в целом. Формирование у данной категории осужденных положительных эмоций, чувств должно быть необходимым условием закрепления положительных свойств и качеств личности.

Осужденные имеют более низкий уровень развития эмоционально-волевой сферы, среди них наибольший процент лиц, недобросовестно относящихся к труду, систематически отказывающихся от работы.

По мнению В. А. Семенова, деформация эмоционально-волевых качеств у осужденных возникает как следствие неблагоприятной семейной обстановки и усугубляется в силу неспособности школы компенсировать недостатки прошлого воспитания. Таким образом, под воздействием негативных факторов формируются отрицательные эмоционально-волевые качества.

На важность воли как механизма сознательного регулирования человеком своего поведения и деятельности, выраженного в умении преодолевать внешние и внутренние трудности при совершении целенаправленных действий и поступков, указывают все, кто изучал осужденных (В. Г. Деев, К. Е. Игошев, А. Г. Ковалев, В. Ф. Пирожков, В. А. Семенов, М. В. Тимашов, А. И. Ушатиков, Н. А. Харина и др.)

По волевым особенностям выделяют следующие группы осужденных: 1) осужденные с положительно направленной сильной (слабой) волей; 2) осужденные с отрицательно направленной сильной (слабой) волей; 3) осужденные с неустойчиво направленной сильной (слабой) волей. Имеются классификации, в основе которых лежит динамическая сторона воли осужденных (Н. А. Харина, 2001), волевые качества (В. А. Семенов, 1992) и более широ-

кие типологии, включающие в целом волевую активность и ее формы (М. В. Тимашов, 1980; А. И. Ушатиков, 1985). У осужденных часто деформирована направленность волевой активности. В их поведении и деятельности доминирующую роль играют мотивы, связанные с удовлетворением сиюминутных потребностей, стремление во всем видеть только личную выгоду, искаженное понимание ответственности. Недостатки динамической стороны воли выражаются в неразвитой способности к задержке отрицательных мотивов и побуждений, повышенной аффективности и импульсивности поведения. Имеет место дисгармония между силой побуждения и торможения. Эти особенности проявляются у осужденных на разных этапах волевого действия: постановки цели, планирования, исполнения. Волевая активность их основана на экстернатальном локусе контроля при сниженном интернатальном. Осужденные не умеют контролировать свои действия и руководить ими.

Образ жизни преступников. О связи преступности с образом жизни упоминались во многих трудах философов, социологов, криминалистов. Большею частью образ жизни рассматривался (и правильно) как фактор, способствующий или препятствующий соблюдению или нарушению правовых и нравственных норм. В коллективной монографии «Социальные отклонения» (1989) подчеркивалось, что образ жизни людей не только нормативное понятие, должное, но и сущее. В таком качестве он и порождает преступность определенных общественных слоев¹. Однако необходимо подчеркнуть еще один, может быть наиболее важный аспект: образ жизни не только способствует преступлениям, но часто сам в них выражается. Преступное поведение – есть образ жизни довольно значительного круга людей, причем не только профессиональных преступников. Если, как полагают социологи, образ жизни – это «реально практикуемые нормы поведения людей, способы повседневной деятельности»², то можно с полным основанием считать ведущими преступный образ жизни не только карманного вора и мошенника, но и государственного чиновника-коррупционера, и нечестного предпринимателя, уклоняющегося от уплаты налогов, и олигарха, «высасывающего жизненные соки» из монополий.

Роль установок в поведении осужденных. Психологическая (операциональная) установка личности непосредственно влияет на выбор способа действий. Традиции, привычки, интуиция, эмоции вплетаются в систему осознанного поведения вора-рецидивиста, расхитителя имущества, взяточника.

Антиобщественная установка осужденного придает соответствующую направленность по своей природе нейтральным качествам личности: темпераменту, воле, эмоциям и т. д. В связи с этим говорят о «злой» воле. Антиобщественная установка корректирует и ряд таких свойств личности, которые в

---

¹ См.: Социальные отклонения. М., 1989. С.72

² Толстых В. Н. Образ жизни. Понятие, реальность, проблемы. М., 1975. С. 27.

целом можно охарактеризовать как социально полезные. Лица, совершившие два преступления или более, т. е. рецидивисты, пишет Н. С. Лейкина, характеризуются антиобщественной установкой.

У значительной части осужденных-рецидивистов антиобщественная установка отличается глубиной, стойкостью и достаточной выраженностью. Это объясняется тем, что они, как правило, длительное время находятся под влиянием неблагоприятных с точки зрения формирования личности социальных условий и продолжительное время ведут антиобщественный образ жизни. С другой стороны, установка у рецидивистов зачастую основывается на идейных мотивах (преступной «философии») и глубоко продуманных антиобщественных целях. И наконец, те ценностные ориентации, побуждения, интересы, которые не входят в содержание установки и, возможно, даже противоречат ей, в определении поведения осужденного-рецидивиста имеют меньшее значение, чем, скажем, у впервые осужденных.

Правильное восприятие наказания со стороны осужденного возможно только при возникновении «установки раскаяния», которая играет роль фильтра на пути усвоения всех воспитательных воздействий (В. Н. Колбаковский, 1961; А. Д. Глоточкин, В. Ф. Пирожков, 1975).

Кроме этого, в работах пенитенциарных психологов имеются и другие аспекты изучения Я-концепции преступников: В. Ф. Пирожков изучал криминальную подростково-юношескую субкультуру; В. Г. Козуля, выявлял личностные особенности подростков-правонарушителей и типы их акцентуаций; Б. Н. Алмазов, Ю. М. Антонян и В. В. Гульдман много сделали для развития криминальной патопсихологии и изучения личности преступника с психическими аномалиями; Н. Ф. Кузнецова изучала проблемы криминальной детерминации и др. В. Ф. Пирожков утверждает, что у осужденных происходит потеря своего «Я» вследствие социальной изоляции, отрыва от сообщества, в котором человек был представлен.

Согласно мнению И. А. Горьковой, при структурном анализе полученных результатов выявляется крайне примитивное понимание идеального Я, которое взаимосвязано только с отсутствием такого нарушения поведения, как повышенная агрессивность. У законопослушных граждан идеальное Я является одним из основных параметров, который напрямую связан с потенциалом социальных и целым рядом переменных.

Само преступление, по мнению Ф. Р. Сундурова, оказывает значительное влияние на субъекта, его совершившего, преступник не только изменяет окружающую среду, но вместе с тем изменяет свои собственные отношения и самого себя. Помимо преступления, следует также учитывать воздействие на преступника процедуры предварительного и судебного следствия, ознакомления с обстановкой в исправительном учреждении, его поведение там, отношение к режиму, различным воспитательным мероприятиям и пр. На основе принципа развития с большей достоверностью можно предсказать поведение осужденного в будущем. Но исследовать лишь жизненный путь осужденного, изучить его биографию недостаточно, более важное рассматривать

любой вопрос с учетом его генезиса, развития, связи с другими свойствами, признаками и вообще с учетом всех условий возникновения и развития того или иного свойства, признака, проявления.

Раскрытие психологии личности преступника как субъекта антиобщественного поведения, особенностей его Я-концепции требует комплексного подхода к изучению психологических свойств (см. таблицу 1). Этот подход должен опираться на научно обоснованные выводы о том, какие психологические свойства личности какую играют роль в порождении преступного поведения, что позволит выделить те составляющие Я-концепции осужденного, которые влияют на криминогенность личности.

Общая часть 1

**Содержание исследования пенитенциарными психологами
аспектов Я-концепции осужденных**

ФИО ученого	Направления изучения аспектов Я-концепции осужденных
Антонян Ю. М. (1982 г.)	Изучая личность осужденного, подчеркнул, что многие осужденные, рассказывая о совершенных преступлениях, уходят от оценки содеянного в силу психологической травматичности для себя, сосредотачиваются на связях между различными факторами и наступившими общественно опасными последствиями. При этом они стараются растворить себя среди этих факторов, преуменьшая, по возможности, свою роль и не ощущают себя источником указанных последствий. Происходит отторжение своего «Я» от собственного поведения
Белобородов А. Г. (1998 г.)	Изучал образ права как смысловой уровень самосознания и его особенности у преступников. Отметил следующие особенности: 1. По мере отбывания наказания происходит существенное изменение образа права. 2. Динамика правовых ценностей в общей структуре ценностных ориентаций преступников показывает уменьшение их субъективной значимости, т. е. правовые ценности продолжают оставаться значимыми, но уже не влияют на детерминацию законопослушного, нормативного поведения. 3. Динамика когнитивной сложности образа права по мере отбывания наказания показывает тенденцию к уменьшению. Это проявляется в сокращении числа ведущих смысловых конструкторов с 5 до 3-х. Деформации образа права свидетельствуют о неадекватности процесса смыслопостроения, который активизируется в кризисной для личности ситуации нахождения в исправительном учреждении. Вместо реального переос-

	<p>мысления причин, по которым субъект был подвергнут наказанию, происходит существенное изменение смыслового отношения к правовой реальности, отдельные объекты которой: суд, милиция, кодекс, закон, правопорядок и другие, становятся как бы «виноватыми» в случившемся и на них переносится все негативное эмоциональное отношение к существующей ситуации. При этом смысловые образования, противоречащие данной позиции, вытесняются, и процесс смыслопостроения проходит по неадекватному пути психологической защиты</p>
<p>Власова Е. Н. (2000 г.)</p>	<p>Изучая влияние социальной изоляции на личность несовершеннолетнего правонарушителя, отметила, что в условиях центра временной изоляции формируется специфическая подростковая субкультурная криминальная направленность, характерная для групп закрытого типа, эмоционально-личностная принадлежность к которой несовершеннолетнего правонарушителя, в дальнейшем, с одной стороны, препятствует его успешному вхождению в открытые сообщества, а с другой – облегчает его интеграцию в асоциальных и антисоциальных группировках.</p> <p>Несовершеннолетним правонарушителям свойственны более высокие показатели самооценки по шкалам «ум», «характер».</p> <p>Несмотря на существенные различия в реагировании на изоляцию, проявления их проходят на фоне неадекватно завышенной самооценки, сужения сферы интересов, увлечений, игнорирования социальных норм, неповиновении порядку</p>
<p>Горьковская И. А. (1998 г.)</p>	<p>Изучала особенности подростков с криминальным поведением. Отмечает, чем выше актуальная самооценка на данный момент у подростков с устойчивым противоправным поведением, тем в большей степени выражена у них склонность к воровству, что отражает их активную потребительскую позицию.</p> <p>Выявила крайне примитивное понимание идеального «Я», что взаимосвязано только с отсутствием такого нарушения поведения, как повышение агрессивности</p>
<p>Елеонский В. А. (1980 г.)</p>	<p>Изучал отношение осужденных к совершенному преступлению. Значительная часть осужденных не осознает своей вины в совершенном преступлении. Более 80 % осужденных склонны отрицать ее в той или иной степени (от полного отрицания – до признания чувства вины, но всегда утверждается несоответствие тяжести наказания содеянному). К</p>

	<p>тому же у осужденных срабатывают механизмы психологической защиты, снимающие психологический дискомфорт. Это, прежде всего, самооправдание, замещение. Внутренне такая психологическая защита ориентирована на повышение самооценки личности. Внешняя же направленность психологической защиты сводится к самоутверждению и самовыражению личности, причем в социально-негативной среде осужденных легче всего добиться самоутверждения преступным путем. Если не снять или не ослабить действие механизмов психологической защиты у осужденных, то эффективность уголовного наказания и воспитательных воздействий будет весьма низкой.</p> <p>Многие осужденные не пытаются разобраться в событиях общественной жизни, правильно понять меру своей ответственности, критически оценить совершенное ими преступление, а поэтому воспринимают наказание как несправедливое</p>
Казак Т. В. (2002 г.)	Изучала оценочные эталоны личности несовершеннолетних осужденных
Корнеева Г. К. (2004 г.)	Изучала психологические особенности смысловой сферы личности ВИЧ-инфицированных осужденных в условиях лишения свободы
Костенко А. Н. (1986 г.)	Преступник отличается от нравственно здорового человека модусом личности: преступник имеет индивидуалистский модус личности, а нравственно здоровый – коллективистский. По мнению автора, гипертрофированный индивидуализм – главная черта, которая отличает преступника от не преступника.
Кудрявцев В. Н. (1976 г.)	<p>Считает, что следующие составляющие могут быть причинами правонарушений: потребности и интересы – искаженные (48 %); ситуация – конфликтная (41 %); возможности – ограниченные (31 %); внутренний контроль – отсутствует (21 %); состояние – особое (24 %).</p> <p>Деформация даже одного из этих звеньев может оказаться достаточной для формирования, а затем и реализации противоправного поступка</p>
Кудрявцев И. А., Семенова О. Ф. (2002 г.)	Изучали смысловую сферу несовершеннолетних, совершивших насильственные правонарушения, вывели характерные особенности: пониженная дифференцированность, неустойчивость в оценках, недостаточная сформированность смысловой сферы, низкий уровень нравственного сознания, преобладание экстернального уровня контроля. При

	<p>фрустрированных потребностях в аффиляции и безопасности, основная мотивообразующая жизненная стратегия – «счастье» – связывается ими, в первую очередь, с «физической силой». Им присуще недостаточное планирование временной перспективы. Нахождение в условиях судебно-следственной ситуации обуславливает осмысление этими подростками общественно-правовых норм.</p> <p>У несовершеннолетних правонарушителей обнаружен ряд общечеловеческих ценностей, носящих характер формально знаемых понятий морального сознания, в отличие от смыслообразующего значения подобных по содержанию ценностей у законопослушных несовершеннолетних</p>
<p>Ложкин А. И. (2000 г.)</p>	<p>Изучал особенности мотивационной сферы личности осужденных. Подтвердил наличие серьезных нарушений в мотивационной сфере личности агрессивно-насильственного преступника, которые проявляются в деформации процесса опредмечивания и опосредования потребностей.</p> <p>Нарушения смысловой сферы приводят к отвержению существующих правил и норм социума, в котором они находятся</p>
<p>Макарова Ю. В. (2004 г.)</p>	<p>Изучала социально-психологические особенности восприятия социальной реальности осужденными в условиях лишения свободы.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Социально-ценностные связи осужденных, вследствие пребывания в заключении, ослабляются либо приобретают неустойчивый характер. 2. У осужденных размыто представление о себе и своем положении в социальной реальности. Специфичной для лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, является плохо сформированная социальная идентичность. Она носит диффузный характер и слабо затрагивает мотивационную сферу, в результате чего в структуре «Я-концепций» осужденных практически отсутствует принадлежность к какому-либо статусу или социальной роли. 3. Неадекватное восприятие социальной реальности лицами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях, выражается в шаблонности мышления, проявляющейся при воспроизведении и построении ассоциативных связей и образов. 4. Особенности пребывания в исправительном учреждении, размытость представлений о себе, низкая структурированность ценностной системы, в свою очередь, на-

	<p>рушают семантическую структуру сознания и приводят к неадекватному восприятию главных элементов социальной реальности – других людей.</p> <p>Изучены особенности сформированности «образа-Я» у осужденных: обнаружена «узость», поверхностность системы индивидуальных значений, репрезентирующих его. Основываясь на самоотчетах осужденных, можно предположить, что они практически не ощущают своей причастности к какой-либо социальной группе и включенности в нее, у них присутствует неадекватность социальной перцепции</p>
<p>Наприс А. В. (1997 г.)</p>	<p>Изучал жизненные планы осужденных. Отмечал, что особенно остро встают проблемы осознания себя и своего будущего, перспектив своей жизни у правонарушителей молодежного возраста. Это самоопределение не всегда носит позитивный характер.</p> <p>Современные социально-экономические условия влияют на изменение жизненных планов осужденных, обуславливающих систему их отношений к окружающей действительности, поведение в колонии.</p> <p>Выявил факторы, влияющие на развитие и реализацию личностных жизненных планов осужденных:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Субъективные, или социально-психологические: экстравертированность, ригидность, необщительность, слабые аналитические способности, высокий порог активности. 2. Объективно-субъективные или социально-психологические: официальные и неофициальные традиции, обычаи колонии, формальные и неформальные малые группы осужденных, общественное мнение осужденных колонии, взаимоотношение с семьей, родственниками, связи с друзьями и знакомыми. 3. Объективные, или социальные факторы: возможности материально-технической базы колонии, профессионально-ориентационная работа в колонии, культурно-бытовой уровень жизни колонии, проблемы с местом жительства после освобождения, проблемы с трудоустройством после освобождения. <p>Жизненные планы осужденных характеризуются степенью масштабности отношений и влияниями на жизнь. По этим признакам различаются три группы осужденных: 1) с близкими жизненными планами (38,9 %), у которых преобладает функционально-динамический уровень психической саморегуляции (эмоции, состояния); 2) со сред-</p>

	<p>ними жизненными планами (52,0 %), обладающими ситуационно-событийным уровнем психической саморегуляции и 3) с дальними жизненными планами (9,1 %), у которых наличествует ценностно-смысловой уровень психической саморегуляции (самостоятельные, с творческим, конструктивным отношением к жизни). Проблема формирования и развития жизненных планов наиболее актуальна для несовершеннолетних и лиц молодежного возраста. После 40–50 лет переориентация жизненных планов усложняется. Для успеха работы с осужденными необходимо дальнейшее исследование проблемы жизненных планов: их генезис, классификация, диагностика, актуализация, изменение, коррекция, саморегуляция и др.</p>
<p>Пищелко А. В., Сочивко Д. В. (2003 г.)</p>	<p>Отмечают особенности эмоциональных состояний осужденных. Крушение жизненных ценностей, установок, целей и перспектив приводит к фрустрации. В силу того, что человек не может жить без перспектив, он выдвигает новые цели и перспективы хотя бы на время отбывания наказания. Конформность вызвана мощным психологическим прессингом, которому микросреда подвергает каждого осужденного, что отражается на его поведении. Дискомфорт обусловлен самим фактом осуждения, разрушением социальных связей и привычного круга общения, он неизбежно активизирует механизмы психологической защиты. Последние обеспечивают адаптацию личности через смягчение страданий, вызванных изоляцией общества. Интеграция в неформальные группы дает возможность осужденному реализовать свои потребности без утраты образа своего «Я».</p> <p>Для осужденных характерен фрустрационный синдром, возникающий в процессе ломки жизненных планов и перспектив, проявляющийся в чувстве безнадежности и незащищенности. Однако в условиях исправительного учреждения безнадежность у осужденного всегда сочетается с надеждой на лучшее. Поэтому безнадежность и надежда у осужденных как бы «пульсируют». Осужденному легко внушить надежду, но еще легче вызвать у него безнадежность. Состояние незащищенности у осужденного обусловлено требованиями, которые к нему предъявляет и администрация, и микросреда осужденных, особенно ее отрицательная часть</p>

<p>Раева В. М. (2000 г.)</p>	<p>Изучала Я-концепцию несовершеннолетних правонарушителей. Сделала выводы о когнитивных особенностях Я-концепции, которые отличают подростков-правонарушителей:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. В Я-концепции практически не встречаются когнитивно сложных высказываний. 2. Я-концепции основаны в основном на внешних признаках – особенностях внешнего облика и физического развития, степени аккуратности в одежде, поведенческих особенностях или невыполнении режимных требований колонии. Качества характера или личности встречаются только в 5 % описаний. 3. Самоидентичность несовершеннолетних нарушена (82 % не включают в самоописания собственное имя). 4. Несовершеннолетним правонарушителям свойственна прерывистость и диспропорция в психологическом времени: период прошедшего времени (до попадания в колонию) со всеми его событиями (как неудачами, так и достижениями) выпадает из области отработанной рефлексии. Будущее для большинства правонарушителей начинается после освобождения из колонии. <p>Особенности самооценки правонарушителей:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Самооценки эмоционально бедны и у большинства имеют положительный знак или нейтральны по знаку. 2. Уровень самопринятия вдвое ниже, самоуважения в четыре раза ниже, чем в группе законопослушных. Аффективные особенности представлений о себе несовершеннолетних правонарушителей могут быть связаны с преобладанием психологических защитных механизмов и малой опорой на внутренние резервы личности.
<p>У. Реклесс (W. Reklless, 1973 г.)</p>	<p>Я-концепция, по определению У. Реклесс, это теория ограничения. Теоретическое построение включает в себя не только внутренние, но и внешние ограничения (например, надзор и возможность одобрения), внутренние побуждения (например, бунт и враждебность), внешнее давление (например, бедность и конфликт в группе) и внешние воздействия (например, компании с девиантным поведением и криминальная субкультура). Однако, по мнению исследователя, внутреннее ограничение в форме позитивной Я-концепции являются решающим фактором, который изолирует людей от различных побуждений, толчков и давлений, могущих привести их к делинквентному поведению. Понятие внутреннего ограничения от-</p>

	ражает набор слабо определенных параметров, таких, как Я-концепция, самоконтроль, ориентация на цель и приверженность нормативному поведению. Основная сложность, связанная с этими понятиями, заключается в том, что они связаны с делинквентностью по определению
Семенов В. А. (1991 г.)	Изучал эмоционально-волевые качества осужденных молодежного возраста. Деформация эмоционально-волевых качеств возникает как следствие неблагоприятной семейной обстановки и усугубляется в силу неспособности школы компенсировать недостатки прошлого воспитания. Под воздействием отрицательных факторов формируются отрицательные эмоционально-волевые качества
Славинская Ю. В. (2002 г.)	Изучала психические состояния лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы. Наиболее типичные психические состояния: надежды или безнадежности, тоски, скуки, апатии, фрустрации, отчаяния, стресса
Стуканов В. Г. (2000 г.)	Изучал особенности исправительной психологической коррекции личности корыстных преступников в условиях лишения свободы
Сундуров Ф. Р. (1976 г.)	Изучал особенности принятия решений осужденными-рецидивистами. По данным исследования, около 35 % осужденных-рецидивистов считают себя нерешительными. Это, как правило, лица морально неустойчивые, лишенные необходимых волевых качеств, идущие на поводу других. Кроме этого, для них характерны противоречивость мировоззрения, отсутствие твердых взглядов, навыков, установок, противоречия в мотивах и в самом поведении
Уварова Г. В. (1999 г.)	Изучала психологические особенности личности юношей с криминальным поведением. Различия личности преступника и их законопослушных сверстников заключаются в более высоких показателях по фактору J (жесткость – мягкость) и более низких показателях по фактору В (интеллект). Однако эти личностные качества повышают риск формирования криминального поведения только при определенных социальных условиях
Шабалин О. М. (2004 г.)	Изучал взаимодействие свойств темперамента и черт личности, отнесенных к разным уровням интегральной индивидуальности. Отмечал, что в сравнении с подростками контрольной группы у подростков с правонарушающим поведением наблюдались пониженная эргичность предметная, пониженная пластичность (ригидность) предметная, повышенная эмоциональность предметная (свойства темперамента), пониженная сердечность (отчужденность) и пониженный самоконтроль (черты личности)

<p>Шестопалова Л. Ф., Перевозная Т. А. (2003 г.)</p>	<p>Система ценностных образований у лиц, совершивших общественно опасные действия, характеризуется рядом структурных трансформаций. Основными структурными характеристиками данных трансформаций являются: 1) неполная структурированность элементов ценностно-ориентационной системы, связанная с недостаточной разработанностью и представленностью смысловых единиц в сознании психопатических личностей; 2) низкий показатель согласованности этих элементов и их высокая конфликтность, что приводит к автономности функционирования отдельных ценностей, их дисгармоничности и непродуктивности в качестве ведущих детерминант регуляции поведения; 3) низкий уровень когнитивной сложности ценностно-смысловой сферы, связанной с дефицитностью, жестокостью и недостаточной многомерностью способов оценочно-ориентировочной деятельности; 4) недостаточная осмысленность ведущих ценностно-мотивационных тенденций.</p> <p>Система ведущих ценностных ориентаций включает интимно-личностные отношения, удовлетворенность своим «Я». Ценности, которые презентуют материальную обеспеченность, профессиональную самореализацию и наличие деловых качеств, а также интимно-личностные отношения и здоровье, определяют наибольшую дезадаптирующую роль ситуаций, связанных с неудачами самореализации</p>
<p>Щербаков Г. В. (2002 г.)</p>	<p>Выделил в жизненных планах, перспективах и целях осужденных молодежного возраста особенности, связанные с целями и перспективами после освобождения. У вновь прибывших осужденных (52,8 %) жизненные планы и цели предполагают активность в социально-полезной деятельности. Уточнение этих мотивов оказалось связанным с переживанием вины и желанием что-то сделать полезное. В процессе дальнейшей адаптации активность в социально-полезной деятельности снижается до 21,4 %.</p> <p>75 % осужденных, только прибывших в исправительное учреждение, видят себя в будущем людьми честными, трудолюбивыми.</p> <p>66,7 % целью считают хорошее овладение профессией, что тесно связано и с отношением к труду в исправительном учреждении.</p> <p>Отношение к другим людям включает в период адаптации и такую цель, как заслужить доверие людей (72,2 %), но уже в постадаптационный период такое отношение отмечается только у 32,1 % осужденных.</p>

	<p>Как видно, период адаптации к условиям исправительного учреждения является наиболее благоприятным для психолого-педагогического воздействия на осужденных.</p> <p>Проведенный анализ мотивационной подструктуры жизненных планов и целей позволяет предположить, что первоначальный этап адаптации связан с тем, что у вновь прибывших осужденных, еще не успевших привыкнуть к условиям исправительного учреждения жизненные планы и цели остаются связанными со свободой. По мере прохождения адаптационного периода, жизненные планы осужденных изменяются с дальних (цели освобождения) на ближние, то есть ограничиваются жизнедеятельностью в колонии</p>
<p>Яковлев А. М. (1977 г.)</p>	<p>Изучал жизненные планы осужденных на различных стадиях жизненного пути. В своих исследованиях говорит, что, преступники крайне отрицательно оценивают проживаемую жизнь, повседневные дела и жизненные перспективы</p>

В проведенном нами исследовании особенностей Я-концепции личности осужденных принимало участие свыше 450 осужденных мужчин, отбывающих наказание в колониях общего режима г. Екатеринбурга и Свердловской области. В качестве контрольной группы выступали законопослушные лица, сходные по социально-демографическим параметрам с изучаемой группой (возрасту, уровню образования, семейному положению, наличию детей).

Подавляющая часть осужденных, принимавших участие в исследовании, – молодые люди от 18 до 30 лет, избравшие криминальный вариант своего жизненного пути. Первая судимость отмечена у 36 % осужденных; 64 % имеют повторную судимость.

Согласно социально-демографическим данным, 52 % осужденных, принимавших участие в исследовании, закончили общеобразовательные школы (полное среднее общее образование) или ПТУ (начальное профессиональное образование), 28 % имеют только начальное (менее 9 классов) и неполное среднее (9 классов) образование, закончили техникум – 10 %, фактически неграмотные – 6 %, лишь 4 % составили лица с высшим образованием.

Подавляющее большинство осужденных в школе учились плохо или посредственно. Почти четверть осужденных оставалась на второй год обучения в пройденном классе, причем 6 % – неоднократно.

30 % осужденных на свободе состояли в устойчивых подростковых группах, совершавших различные правонарушения. Приводы в милицию имели 76 %, причем многие из них задерживались милицией многократно и состояли на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Основаниями для постановки на учет являлись следующие правонарушения: хулиганство (29 %); кражи (23 %); участие в драках (20 %); употребление алкоголя, наркотиков, бродяжничество, попрошайничество и другие (18 %).

Почти половина обследованных лиц имели либо имеют ближайших родственников, в том числе родителей, которые были осуждены.

В детстве около 20 % осужденных подвергались физическому насилию в процессе воспитания.

Употребляли наркотики, психотропные и токсические вещества 30 % осужденных, из них 19 % указали начало употребления с 10–15 лет, 56 % – с 16–21 года, после 22 лет – 25 %.

65 % осужденных по различным причинам, в частности, в связи с ранней судимостью или плохим состоянием здоровья, не служили в армии. В процессе прохождения службы только 36 % не побывали на гауптвахте, 64 % подвергались аресту, причем половина из них – неоднократно.

По семейному положению 92 % осужденных холосты, 5 % женаты, 3 % состоят в гражданском браке. С большой вероятностью можно предположить, что большинство осужденных не смогли создать семьи. Лишь 12 % осужденных имеют детей.

Большинство осужденных не имеют ни профессии, ни стажа работы, следовательно, до осуждения существовали за счет преступной деятельности. Некоторые из них получили небольшой трудовой стаж на неквалифицированных подсобных работах. Достаточно сложные профессии, требующие определенной профессиональной подготовки имеет только 5 % осужденных.

На наш взгляд, существуют два фактора, объясняющих значительное количество среди осужденных лиц с отсутствием желания работать или непродолжительным профессиональным стажем. Первый – отсутствие работы, позволяющей обеспечить безбедное существование. Это в значительной мере относится к людям, которые не имеют специального образования и профессиональной квалификации, плохо учились в школе, испытывают неуверенность и чувство неполноценности в современном сильно изменившемся мире. Вторым фактором является наличие осужденных с рецидивной преступностью, которые чаще всего не имеют ни профессии, ни трудового стажа и свое жизнеобеспечение осуществляют посредством преступной деятельности (кражи, грабежи, разбой, незаконный оборот наркотиков). Эта категория осужденных, избравшая своей «профессией» криминальную деятельность, достаточно хорошо адаптирована в местах лишения свободы, знает требования администрации и рассматривает свое пребывание в исправительном учреждении как один из неизбежных этапов своей профессии. Иначе трудно объяснить тот факт, что на вопрос, сопровождается ли пребывание в местах лишения свободы сильными эмоциональными переживаниями (беспокойство, тревога, страх, злость, гнев), более половины осужденных ответили отрицательно. Остальные отмечали, что испытывают ощущение одиночества, депрессию, состояние паники, боязнь замкнутого пространства, враждебность и агрессивные чувства, ненависть и злость.

Криминальный образ жизни негативно сказывается на состоянии соматического и психического здоровья. Только треть осужденных не отмечали у

себя наличия каких-либо соматических заболеваний, более половины уже имеют один или несколько диагнозов.

Выяснение мнения осужденных о том, кто в наибольшей степени «виноват» в потере ими свободы, привело к установлению пяти основных факторов: собственная вина («только я сам») – 31 %; употребление алкоголя – 28 %; правоохранительные органы (милиция, суд) – 13 %; друзья, товарищи – 10 %; тяжелые условия жизни – 7 %; характерологические особенности самого осужденного – 7 %. Родственники, семья, школа, сиротство, женщины, случайность, потерпевший от преступления назывались значительно реже (4 %).

В заключение можно отметить, что предположение о характерности жизненного пути, приводящего в места лишения свободы, для подавляющего числа осужденных является вполне обоснованным. Недостаточное школьное образование (неуспеваемость, дублирование классов, в том числе неоднократное), участие в подростковых асоциальных группах, употребление алкоголя, наркотиков, хулиганство, кражи, драки, получение черепно-мозговых травм, отсутствие необходимого контроля со стороны родителей и ближайших родственников, значительная часть которых также привлекалась к уголовной ответственности, – все это в значительной степени способствует криминализации личности.

Низкая общеобразовательная подготовка является препятствием в получении квалифицированного профессионального образования. В связи с этим трудовая деятельность начинается с низкоквалифицированного малооплачиваемого тяжелого труда, который в еще большей степени укрепляет чувство собственной малоценности и некомпетентности, требующей компенсации и преодоления. Однако для компенсации используются методы, доступные личности с неразвитыми способностями и ограниченным мировоззрением, к тому же привыкшей решать возникающие проблемы криминальными способами.

Алкоголь, наркотики, неразборчивость в контактах с другими людьми, отсутствие семьи приводят к потере здоровья, тяжелым соматическим и психическим расстройствам. Криминальная деятельность становится привычной, а лишение свободы – очередным этапом жизни, который не вызывает сильных эмоциональных переживаний и не является жизненным уроком. Вместо процесса личностного развития происходят процессы деградации, отчуждения и социальной изоляции осужденного, не позволяющих ему вырваться из порочного круга преступной жизни.

В силу отсутствия специальных методов изучения характеристик Я-концепции осужденных, мы посчитали возможным получить информацию о них, изучая такие составляющие, как самовосприятие, рефлексия Я, самоотношение, суверенность психологического пространства, психологические защиты. На основании анализа литературы ретроспективная и перспективная оценка своего «Я» оказалась заложена во многих методических средствах

изучения Я-концепции – от модификаций классического «Кто Я» М. Куна-Макпартленда¹ до репертуарных решеток К. Келли и психосемантического подхода к анализу самоидентификационных характеристик личности. По В. В. Нурковой, «Я» связано с понятиями жизненного плана, жизненной перспективы, субъективной картины жизненного пути, причем центральным при этом является представление о жизненном плане как рациональной структуре. Я-концепция – результат осознанной потребности, строится на основе рефлексии реальных жизненных событий, фиксирует их причинно-следственные связи, учитывает динамику реализации жизненных целей, является целостным и непротиворечивым образованием. Временной аспект Я-концепции, как образ «Я – в будущем», есть результат рефлексивной переработки человеком огромного массива информации – о реальных результатах собственной деятельности, о существующих на данный момент в социуме объективных возможностях самореализации.

Большинство методик измерения Я-концепции основаны на самоотчетах. Это в основном тщательно продуманные опросники, весьма удобные при групповом тестировании. Комбс, Соупер и Коурсон (1963 г.) считают, что такого рода методики, претендующие на измерение Я-концепции, на самом деле измеряют самоотчеты, а это не одно и то же. Эти авторы предлагают четко различать понятия «Я-концепция» и «самоотчет», поскольку содержание этих терминов, по их мнению, является близким, но не совпадает.

Для исследования различий психологических качеств Я-концепции осужденных и законопослушных лиц нами были использованы следующие методики:

1. *Шкала самовосприятия Р. Бернса (1986 г.)*². Я-концепция определяется как совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их самооценкой (Р. Бернс), поэтому шкала самовосприятия дает возможность составить одну из основных составляющих Я-концепции. Шкала представляет собой набросок собственного портрета, в котором отражаются грани Я-концепции. Осужденный, описывая себя, выражает еще и эмоциональное отношение к собственным качествам. С помощью схемы, предложенной Р. Бернсом, мы изучили описательную составляющую. Осужденным было предложено выбрать из списка те наиболее устойчивые характеристики, которые они могли бы отнести к себе и выразить собственное отношение к выбранным качествам: «меня это радует», «мне это безразлично», «мне это неприятно». (См. таблицу 2).

---

¹ Kuhn M. H., McPartland T. S. An empirical investigation of self-attitudes // Amer. Sociol. Rev. 1954. Vol. 19. № 1.

² Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.

Шкала самовосприятия Р. Бернса

	Меня это радует	Мне это безразлично	Мне это неприятно
Я счастливый			
У меня ничего не ладится			
У меня все получается			
Я тугодум			
Я неуклюжий			
Я зануда			
Я неудачник			
Я добросовестный			
Я обманщик			
Я интроверт			
Я фантазер			
Я оптимист			
Я человек надежный			
Я раздражительный			
Я хороший друг			
Я подвержен настроению			
Я общительный			
Я религиозный			
Я умный			
Я слабовольный			

После подсчета полученных данных, шкала была факторизована по методу главных компонент варимакс вращением. Была выделена 5-ти факторная модель шкалы, каждый фактор впоследствии обозначен как тип Я-концепции осужденных: тип неудачника, позитивный тип, самодостаточный тип, компенсирующий тип, тип обманщика.

1 тип. *«Неудачник»*. В него вошли качества: ничего не ладится, тугодум, неуклюжий, зануда, неудачник, интроверт, подвержен настроению.

2 тип. *«Позитивный»*. Включает качества: добросовестный, фантазер, надежный человек, хороший друг, общительный, умный.

3 тип. *«Самодостаточный»*. Включает качества: счастливый, все получается, умный, не слабовольный.

4 тип. *«Компенсирующий»*. Включает качества: интроверт, оптимист, религиозный, опрометчивый.

5 тип. *«Обманщик»*. Включает качества: зануда, обманщик, раздражительный, слабовольный.

Для подсчета выраженности каждого качества, оценки осужденных переводились в балльную систему: за оценки «мне это нравится» – 3 балла, «мне это безразлично» – 2 балла, «мне это неприятно» – 1 балл. Затем подсчитыв-

вался суммарный балл по каждому типу. Общее количество баллов первого типа нужно помножить на 3, второго типа – на 4, третьего, четвертого и пятого типов – на 6.

2. *Рефлексивная методика «Кто Я?» в модификации М. Куна, Т. Макпартлэнда* (Kuhn, McPartland). Осужденные должны были дать неограниченное количество различных ответов на вопрос: «Кто Я?» В результате были проанализированы базовые представления испытуемых о себе, являющиеся их рефлексивными ориентирами, входящими в систему ценностей. Обработка осуществлялась методом контент-анализа. Для анализа высказываний использовался принцип обработки данных, предложенный М. Куном и Т. Макпартлэндом, включающий разделение всех ответов на группы. Согласно такому принципу, нами были выделены категории и все ответы при обработке результатов были отнесены к одной из групп: высказывания о себе как о субъекте осуждения; увлечения, интересы; стремления, желания; стиль жизни, отношение к ней; размышления о жизни, анализ жизненного пути; отношение к цели; планы в жизни; интеллектуальные характеристики; деловая сфера, отношение к труду; отношение к себе; отношение к другим; отношение к противоположному полу; отношение к родным; отношение к детям; упоминание родственных уз и семейных взаимоотношений; физическое состояние; эмоциональное состояние; высказывания «Я человек»; указание фамилии, имени; пол; высказывания о своей внешности.

Кроме этого, для простоты анализа все ответы условно были отнесены к одной из двух категорий: объективное или субъективное упоминание. К объективным категориям были отнесены высказывания, касающиеся определения себя к группе или классу, чьи границы и условия членства знают все, т. е. конвенциональное, объективное упоминание, например, «Я осужденный», «Я человек», «Я мужчина» и др., а к субъективным – характеристики себя, которые связаны с группами, классами, чертами, состояниями или любыми другими моментами, которые для их выяснения либо требуют указания самого респондента, либо для этого необходимо соотнесение его с другими людьми, т. е. субъективное упоминание.

Обработка вербализованной Я-концепции, измеряемая по Р. Бернсу, осуществлялась также по следующим аспектам, относящимся к «сознающему Я»:

- явно положительное отношение к себе (добрый, самый красивый, умный);
- явно негативное отношение к себе (мстительный, злой, глупый).

Впоследствии проводился качественный и количественный анализ высказываний. Фиксировались высказывания, выделяемые в группу «другие» – ответы, не относящиеся ни к одной из ранее обозначенных групп.

3. *Методика исследования самооотношения* (МИС, С. Р. Пантилеев)¹. Содержит 110 пунктов, предусматривает выделение параметров внутри самоо-

---

¹ Пантилеев С. Р. Методика исследования самооотношения. М., 1993.

ношения. Включает когнитивную и эмоциональную составляющие Я-концепции. После проведения опроса подсчитывались сырые баллы по ключу, затем по специальной таблице переводились в стандартные оценки – «стены». Интерпретация особенностей самоотношения осужденных и сравнение особенностей с законопослушными лицами проводилась путем анализа 9-ти показателей (открытость, самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение, самооценочность, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность, самообвинение), которые совместно дали целую картину самоотношения осужденных.

4. *Личностный опросник «Суверенность психологического пространства»* (СПП, С. К. Нартова-Бочавер)¹. Измеряет комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек отождествляет себя, взаимодействует с миром (территории, предметы, привязанности, установки). Суверенность психологического пространства является одной из важных характеристик Я-концепции. Психологическое пространство – это интериоризированная и персонализированная субъектом часть среды (внутренний мир), а измерения психологического пространства личности представляют наиболее освоенные и предпочитаемые человеком каналы и языки взаимодействия с миром. Под суверенностью понимается чувство уверенности, безопасности, доверия к миру. Психологическое пространство личности считается суверенным в том случае, если человек смог противостоять разрушающим влияниям извне или избежал их; депривированным – если ему приходилось переживать собственное бессилие в попытке отстоять границы личности; и разрушенным – если деструктивные влияния имели тотальный характер. Опросник включает 80 утверждений и 6 шкал, отражающих измерения психологического пространства: суверенность (или депривированность) физического тела, территории, вещей, привычек, социальных связей и ценностей человека; и общий показатель суверенности, который подсчитывается путем сложения баллов показателей по всем шести шкалам. Суверенность физического тела констатируется в отсутствие попыток нарушить его соматическое благополучие, а депривированность – в переживании дискомфорта, вызванного прикосновениями, запахами, принуждением в отпращивании его физиологических потребностей. Суверенность территории означает переживание безопасности физического пространства, на котором находится человек (личной части или собственной комнаты, игровой модели жилья), а депривированность – отсутствие территориальных границ. Суверенность мира вещей подразумевает уважение к личной собственности человека, распоряжаться которой может только он, а депривированность – непризнание его права иметь личные вещи. Суверенность привычек – это принятие временной формы организации жизни человека, а депривированность – насильственные

---

¹ Нартова-Бочавер С. К. Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый метод диагностики личности // Психологический журнал. 2004. № 5. С. 77–89.

попытка изменить комфортный для субъекта распорядок. Суверенность социальных связей выражает право иметь друзей и знакомых, которые могут не одобряться близкими, а депривированность – контроль над социальной жизнью человека. Суверенность ценностей подразумевает свободу вкусов и мировоззрения, а депривированность – насильственное принятие неблизких ценностей. Полная суверенность достижима только в случае жесткого отделения и, возможно, противопоставления себя окружающему миру, а полная депривированность приводит к разрушению человека как индивидуальности.

5. *Опросник для выявления предпочитаемых типов защит, используемых субъектом в процессе правонарушений* (М. В. Худоянц)¹. Под психологической защитой мы будем понимать последовательное искажение когнитивной и аффективной составляющей образа реальной ситуации с целью ослабления эмоциональной ситуации, эмоционального напряжения, угрожающего индивиду, в основной структуре личности, называемой Я, т. е. динамической системе представлений человека о самом себе. Механизмы защиты служат интеграции Я, избавляют индивида от раскогласованности побуждений и амбивалентности чувств, устраняют тревогу и напряженность, спасают от потрясений, подготавливают к более эффективным способам переживаний, способствуют совладанию с жизненными проблемами, а также искажают восприятие реальности, способствуют самообману, патологической активности. В способах психологической защиты представляется сложившаяся картина мира, социума и самого себя. Для выявления защитных механизмов, которые субъект использует в процессе рефлексии мотивов совершения асоциальных действий, М. В. Худоянц был разработан специализированный опросник. Этот специализированный опросник выявляет защитные механизмы, которые субъект использует в процессе рефлексии мотивов совершения асоциальных действий (вытеснение, проекция, замещение, рационализация, компенсация, фантазирование, уход). Они используются для поддержания удовлетворительной самооценки, отражают эмоциональные, поведенческие и когнитивные механизмы стабилизации Я-концепции.

Выбор методик, вошедших в программу исследования, определялся следующим: они должны взаимодополнять друг друга, быть максимально информативными, диагностировать интересующие нас качества.

В дополнение к названным методикам были использованы:

1. *Методика измерения ответственности* (В. П. Прядеин, А. И. Крупнов)².

Ответственность как базовое свойство личности изучается многими науками. Под ответственностью понимается гарантирование субъектом достижения результата собственными силами на основе самостоятельно принятого

---

¹ Худоянц М. В. Влияние стиля индивидуальности на выбор субъектом психологических защитных механизмов в процессе правонарушений: Дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2003.

² Прядеин В. П. Комплексное исследование ответственности как системного качества личности: Дис. ... д-ра психол. наук. Екатеринбург, 2000.

решения, осознанного долга и совести. Данная методика измеряет следующие компоненты ответственности личности: а) динамический компонент; б) эмоциональный компонент; в) регуляторный компонент; г) регуляторно-динамический компонент; д) мотивационный компонент; е) когнитивный компонент; ж) результативный компонент; з) мотивационно-смысловой (содержательный) компонент; и) активностная сторона ответственности; к) направленность ответственности; л) регулирующая сторона ответственности; м) комплексная сторона ответственности.

В методике взяты мотивационные, когнитивные и продуктивные характеристики, т. е. те, которые в большей степени подвержены изменениям. В ответственности выражается оценка индивидом своих возможностей быть личностью.

2. *Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ, В. М. Русалов)*. Методика представляет собой усовершенствованный вариант известной методики В. М. Русалова «ОСТ», предназначена для оценки устойчивых индивидуально-психологических различий между людьми.

Методика включает 150 утверждений с 4 вариантами ответов для 13 основных и 6 производных шкал: *эргичность психомоторная* (потребность в движении, «широкая» сфера психомоторной активности, жажда психомоторной деятельности, постоянное стремление к физическому труду, избыток физических сил, высокая мышечная работоспособность); *эргичность интеллектуальная* (высокий уровень интеллектуальных возможностей, высокий уровень способности к обучению, постоянное стремление к деятельности, связанной с умственным напряжением, легкость умственного побуждения); *эргичность коммуникативная* (потребность в общении, широкий круг контактов, тяга к людям, легкость в установлении социальных связей, стремление к лидерству); *пластичность психомоторная* (гибкость при переключении с одних форм двигательной активности на другие; высокое стремление к разнообразным способам физической деятельности; плавность движений); *пластичность интеллектуальная* (гибкость мышления, легкий переход с одних форм мышления на другие, постоянное стремление к разнообразию форм интеллектуальной деятельности, творческий подход к решению проблем); *пластичность коммуникативная* (легкость вступления в новые социальные контакты, легкость переключения в процессе общения, импульсивность в общении, широкий набор коммуникативных программ); *скорость психомоторная* (высокий темп психомоторного поведения, высокая скорость в различных видах двигательной активности); *скорость интеллектуальная* (высокая скорость умственных процессов при осуществлении интеллектуальной деятельности); *скорость коммуникативная* (легкая и плавная речь, быстрая вербализация, высокая скорость речевой активности); *эмоциональность психомоторная* (высокая чувствительность, сильное эмоциональное переживание по поводу расхождения между ожидаемым и реальным результатом ручного труда, постоянное ощущение неполноценности продукта физической работы); *эмоциональность интеллектуальная* (чувствительность (сильное

эмоциональное переживание) по поводу расхождения между ожидаемым и реальным результатом умственной работы, сильное беспокойство по поводу работы, связанной с умственным напряжением); *эмоциональность коммуникативная* (чувствительность (ранимость) в случае неудач в общении, ощущение постоянного беспокойства в процессе социального взаимодействия; неуверенность, раздражительность в ситуации общения). Кроме основных шкал подсчитываются дополнительные индексы (производные шкалы): *индекс психомоторной активности* (сумма баллов активностных шкал в психомоторной сфере), *индекс интеллектуальной активности* (сумма баллов активностных шкал в интеллектуальной сфере), *индекс коммуникативной активности* (сумма баллов активностных шкал в коммуникативной сфере), *индекс общей активности* (сумма баллов всех активностных шкал во всех трех сферах), *индекс общей эмоциональности* (сумма всех эмоциональных шкал в трех сферах), *индекс общей адаптивности* (разница баллов между индексом общей активности и индексом общей эмоциональности).

Методики реализовывались в бланковом варианте, каждому осужденному выдавались опросники и бланк регистрации ответов. В итоге были получены 110 первичных переменных исследований, использованных в дальнейшей математической обработке. Из них 57 показателей различных сторон Я-концепции 9 показателей социально-демографических данных, 24 – ответственности личности, 20 – индивидуально-психологических свойств.

Исследовательский материал был подвергнут качественному и количественному анализу с помощью методов математической статистики:

- корреляционный анализ на выборке 112 человек;
- факторный анализ на выборке 112 человек (метод главных компонент с последующим вращением факторной матрицы по модели Варимакс);
- t-критерий экспериментальной группы осужденных (на выборке 112 человек) и контрольной группы законопослушных лиц (на выборке 24 человека).

Особенности представлений осужденных о себе. Анализируя особенности представлений о себе по результатам методики «Кто Я?», среднее количество ответов у осужденных равно 6, что свидетельствует о средней продуктивности испытуемых.

Надо сказать, в числе опрашиваемых оказалось довольно значительное число осужденных, которые на заданный вопрос ответить затруднились (около половины). Другая группа осужденных раскрывала содержание своего Я через одну из своих ипостасей. Так, например, они говорили: «Я мужчина», «Я человек», «Я зек». Были опрашиваемые, которые, отвечая на заданный вопрос, перечисляли свои Я, которые подсказывала им память, например: «Я мужчина, муж». Среди отвечавших подавляющее большинство тех, которые для раскрытия содержания своего Я привлекли психологические понятия. Например, один из них сказал: «Я – человек, который совершил ошибку в жизни и пытается ее исправить, чтобы реабилитировать себя перед своими близкими и родственниками», а другой написал: «Мое Я – это мой организм,

ум, чувства, воля, способности, характер, как они проявляются в повседневности». У некоторых осужденных существуют и такие Я, которые противостоят друг другу. В основном же, в попытках себя охарактеризовать, как правило, присутствует сильный личностный, оценочный момент. Иными словами, в описаниях себя у осужденных не только присутствовали констатация, описания черт своей личности, но и вся совокупность их оценочных характеристик и связанных с ними переживаний.

А. А. Деркач, И. Н. Семеновым, А. Ю. Степановым и др. установлено, что успешность оценивания разных сторон и качеств своего Я у человека зависит от особенностей его мотивационной заряженности на решение именно этой задачи, от уровня развития у него социального интеллекта, от его умения отгородиться от своего эмоционального состояния и достаточно беспристрастно наблюдать за собой, судить о своих действиях и в целом о себе как бы со стороны, естественно, постоянно объективно соотнося появляющиеся при этом оценки себя со специфическими чертами тех ситуаций, в которых ему уже пришлось участвовать или еще предстоит. В связи с этим, ряд высказываний показывает, что осужденные склонны определять себя через те характеристики, которые отражают основания, по которым они выделяют себя из социального окружения, например, «Я осужденный», «Я зек», «Я судим неоднократно», «Я на данный момент зек, но в душе всегда остаюсь человеком» и т. п.

Порядок ответов, даваемых респондентами, свидетельствовал о том, что они склонны исчерпывать весь запас своих объективных характеристик прежде, чем будут использованы субъективные характеристики (если вообще будут), а также если они все-таки обращаются к субъективным характеристикам, то респонденты склонны больше не возвращаться к объективным. Этот порядок ответов сохранялся практически без изменения независимо от того, назвал ли респондент 21 объективную характеристику или только одну.

Осужденные больше характеризовали себя субъективными характеристиками. Перечень полученных самоописаний представлен в таблице 3.

Таблица 3

Содержание самоописаний по методике «Кто Я?»

Категории	Частота упоминаний (в % от общего числа ответов)	
	Осужденные	Законопослушные лица
1. Положительные качества	24	30
2. Объективные описания себя	12	18
3. Отношение к другим	7	4
4. Отрицательные качества	5	6
5. Деловая сфера, отношение к труду	5	9
6. Увлечения, интересы	5	4
7. Эмоциональное состояние	4	2

8. Интеллектуальные характеристики	4	4
9. Я как субъект осуждения	4	0
10. Отношение к себе	4	4
11. Отношение к родным	4	2
12. Стиль жизни, отношение к ней	3	4
13. Размышления о жизни, анализ жизненного пути	3	0
14. Физическое состояние	2	1
15. Человек	2	2
16. Фамилия, имя	2	1
17. Отношение к цели	1	1
18. Стремления, желания	1	4
19. Пол	1	3
20. Внешность	1	0
21. Отношение к детям	1	0
22. Отношение к противоположному полу	1	0
23. Планы в жизни	0,4	0

Осужденные и законопослушные лица наиболее часто упоминают свои положительные качества (*замечательный, симпатичный, добрый, интересный*).

Качества, которые приписываются собственной личности, далеко не всегда являются объективными, и, вероятно, с ними не всегда готовы согласиться другие люди. С другой стороны, человек склонен оценивать себя так, как, по его мнению, его оценивают другие. Такой подход к пониманию самооценки был сформулирован и развит в работах Кули (1912) и Мида (1934)¹. Возраст, пол, рост, профессия и некоторые другие данные, обладающие достаточной неоспоримостью, не вызовут разногласий. Эти данные в нашем исследовании мы называем объективными описаниями себя. Согласно полученным данным, у законопослушных лиц в самоописаниях значительно чаще встречаются объективные описания, чем у осужденных.

Раскрывая свои личностные особенности, осужденные прежде всего называют черты, указывающие на взаимоотношения с другими людьми (*общительный, жестокий, ласковый*). Интересно, что осужденные в своих самоописаниях в два раза чаще называют личностные характеристики, среди которых преобладают эмоциональные особенности (*впечатлительный, раздражительный, злой, ранимый*).

Весьма незначимой для осужденных, по сравнению с законопослушными лицами, является деловая сфера. Осужденные реже подчеркивают свое положительное отношение к исполняемым обязанностям, почти не присутствуют в их самоописаниях профессиональные успехи, индивидуальный стиль работы, т. е. тема труда присутствует, но в своем раскрытии носит скудный характер.

¹ Mead, G. H. (1934). *Mind, self, and society*, ed. C. W. Morris. Chicago: University of Chicago. Mead, G. H. (1936) *Movements of thought in the nineteenth century*, ed. M. H. Moore. Chicago: University of Chicago.

Незначительное место в самохарактеристиках осужденных занимает тема семьи. Из всех родственных уз наиболее часто респонденты отмечают отношение к детям (*Люблю детей; Люблю играть с детьми*), а также отношение к родителям (*Очень люблю свою маму; Брошен родителями; Хочу, чтобы мама не болела*). В связи с осуждением происходит перестройка социальных функций, контроля своего бюджета, времени. Это приводит к изменению требований к себе как личности: в самоописаниях осужденных характеристика наличных семейных отношений, выполнение роли супруга встречается редко (*Хочу семью, детей и все как у людей; Желая построить семью*).

Интересен факт, что в самоописаниях законопослушных лиц не встречаются описания жизненного пути, размышления о жизни, как у осужденных (*Смотрю на жизнь и вижу ее все стороны, жизнь дана один раз; Я, к сожалению, совершил огромную ошибку в своей жизни и пытаюсь ее исправить; Я – тот, кто любит жизнь и все, что с ней связано; Я – ценитель жизни; Я знаю, чего хочу от жизни*). Осужденные отрицательно оценивают прожитую жизнь, повседневные дела и жизненные перспективы, у них снижена потребность в самореализации, и в дальнейшем они планируют пассивное существование. Однако количество ответов на вопрос «Кто Я?», обращенных в будущее, весьма невелико. Осужденные часто живут непроизвольными воспоминаниями о прошлой жизни. В основе этого лежит явление контраста между жизнью в колонии и жизнью на свободе. Чем больше кажется безнадежно потерянным и бывшим для человека прошлое, чем больше оно отличается от настоящего, тем упорнее и настойчивее возвращается к нему мысль.

Явлением контраста можно объяснить и тот факт, что воспоминания осужденных носят преимущественно приятный характер. Однако содержание воспоминаний осужденных о прошлой жизни не остается неизменным, оно перестраивается и переосмысливается в связи с эволюцией направленности их личности. Стремления, желания осужденных, в основном, связаны с определенными потерями, которые они хотели бы восполнить (*Долго казнию себя за то, чего уже не исправить; Считаю, что слишком мало сделал в жизни; Много сделал ошибок в жизни; Хочу на свободу; Хочу домой; Я человек, которому не хватает духовного общения; Жалею о сделанном, но поздно*).

Категория жизнеописаний у осужденных тесно связана с категорией Я как субъекта осуждения (*Я не безразличный к этой жизни, но передержанный в этих местах человек; Я не жалею, что попал в тюрьму: лишь здесь я понял, кто я и зачем живу; Я понял, что унесясь от реального внешнего мира, человек начинает слушать разум, так как нет соблазна, поэтому очень легко находить свои ошибки, вот я и нашел – тюрьма помогла; Я считаю, что тюрьма – это школа, в которой есть книга, писанная человеческими страданиями, слезами родителей; Я очень напряженно чувствую себя в неволе*). Достаточно полно у осужденных представлена эта категория, в то время как у законопослушных лиц она не представлена вообще.

Особенности самовосприятия осужденных. Изучение особенностей составляющих Я-концепции осужденных по шкале самовосприятия Р. Бернса показало, что среднее количество качеств, выбранных осужденными, составило 13, т. е. более половины предлагаемых характеристик осужденные относили к себе, но с разной степенью эмоционального отношения. В результате полученных данных наиболее часто выбираемыми стали «у меня все получается», «я добросовестный», «я человек надежный», «я счастливый», «я хороший друг», «я общительный», следовательно, можно предположить, что представления о себе имеют позитивный характер. Эти же качества были и наиболее выбираемыми в эмоциональной оценке «меня это радует», т. е. представления осужденных о себе имеют положительную эмоциональную окраску. В целом Я-концепцию можно считать положительной, но негативно окрашенный эмоциональный фон к выбираемым качествам у осужденных все же выше, чем у контрольной группы. Важнейшим психологическим атрибутом приемлемости совершения преступного деяния является позитивное самовосприятие себя как субъекта такого деяния. Оно выражается порой в самооправдании, в приписывании себе положительных черт, требуемых для такого рода действий. Это можно назвать согласованностью собственного Я-образа с образом человека, для которого приемлемо совершить преступное деяние. Такая согласованность ослабляет или исключает переживание чувства вины, стыда за совершение противозаконных действий.

Большинство осужденных не относят к себе такие качества, как «я интроверт», «я опрометчивый», «я неуклюжий», «я религиозный», «я тугодум», «я зануда». Однако, по данным t-критерия, имеются значимые отличия в оценках осужденных и законопослушных лиц: осужденные больше относят к себе качество «у меня ничего не ладится», «я зануда», «я неудачник», «я подвержен настроению»; законопослушные лица чаще выбирают показатель «я оптимист», «я умный». По мнению А. Р. Ратинова¹, «...самооценка преступников в целом отличается от самооценки законопослушных лиц менее критическим отношением к себе и характеризуется преимущественно социально одобряемыми качествами». По данным же нашего исследования, сопоставляя самооценки законопослушных граждан и осужденных, так утверждать нельзя. Можно поспорить и с мнением, что в самооценках преступников делается акцент на качествах, посредством которых отвергается сходство с шаблонным образом преступника: у исследуемой группы осужденных имеются значимые отличия по t-критерию в выборе таких качеств, как «я обманщик», «я раздражительный», «я слабовольный».

Осужденные старше 36 лет меньше выбирают качество «я счастливый», «я умный», чаще относят к себе качества «я неудачник», «я религиозный», «я общи-

---

¹ Ратинов А. Р. Изучение самооценки преступников: Хрестоматия // Юридическая психология. СПб., 2001. С.148–158.

тельный», у них возрастают показатели «мне это безразлично» и «мне это неприятно». Выявлено, что Я-концепция осужденных, более старших по возрасту, отличается большей критичностью и отрицательной эмоциональной окраской.

Осужденные с низкой искренностью ответов чаще выбирают качество «я умный», «я религиозный», «я зануда», «я неуклюжий», выражая к ним положительное отношение.

Осужденные с большим количеством судимостей меньше отмечают качества «я зануда», «я оптимист», «я религиозный», чаще выбирают качество «я неудачник», отличаются большим уровнем безразличия.

Итак, представления осужденных о себе имеют положительную эмоциональную окраску, но Я-концепция осужденных, более старших по возрасту, отличается большей критичностью и негативной эмоциональной окрашенностью. Негативно окрашенный эмоциональный фон к выбираемым качествам у исследуемой группы выше, чем у контрольной. Осужденные с большим количеством судимостей отличаются более высоким уровнем безразличия.

Для того, чтобы выделить типы Я-концепций осужденных, матрица показателей шкалы самовосприятия была факторизована методом главных компонент с последующим «варимакс»-вращением. В результате факторизации мы остановились на пятифакторной модели и выделенные факторы условно назвали типами Я-концепций осужденных (см. таблице 4).

Таблица 4

Факторная структура шкалы самовосприятия у осужденных¹ (по Р. Бернесу)

N=112

№	Параметры	Факторы после вращения				
		1 фактор	2 фактор	3 фактор	4 фактор	5 фактор
1	Я счастливый		33	66		
2	У меня ничего не получается	66			-37	
3	У меня все получается			81		
4	Я тугодум	80				19
5	Я неуклюжий	76				20
6	Я зануда	49		20		44
7	Я неудачник	72		-26		22
8	Я добросовестный	24	63			
9	Я обманщик	24		25		75
10	Я интроверт	50			37	26
11	Я фантазер	22	35		29	29
12	Я оптимист				81	

¹ В таблице: 1. Нули и запятые опущены.

2. Указаны только значимые факторные нагрузки.

3. Наибольшие факторные значения выделены жирным шрифтом.

13	Я человек надежный		76			
14	Я раздражительный	29	30	-19		75
15	Я хороший друг	29	64			
16	Я подвержен настроению	39	28			37
17	Я общительный		70	20		
18	Я религиозный	30	24		39	27
19	Я умный	19	56	41	24	
20	Я слабовольный	31		-30	26	41
21	Я опрометчивый	39			56	

Особенности самоотношения у осужденных. Анализируя данные, можно отметить, что для исследуемой группы характерно представление о том, что основным источником активности и результатов, касающихся как деятельности, так и собственной личности, является он сам. Осужденные считают, что их судьба находится в собственных руках, им свойственно мнение о способности эффективно управлять и справляться с эмоциями и переживаниями по поводу самих себя. Общий фон отношения к себе – положительный, полностью принимающий, с оттенком самодовольства, чувство симпатии к себе, согласие со своими внутренними побуждениями, принятие себя таким, какой ты есть, пусть даже с некоторыми недостатками. Осужденные одобряют свои планы и желания, для них свойственно снисходительное, дружеское отношение к себе. Переживания могут сопровождаться привязанностью к неадекватному образу «Я». Тенденция к сохранению такого образа – один из защитных механизмов самосознания.

У исследуемой группы по результатам методики «Суверенность психологического пространства» отмечается обособленность социальных связей, т. е. право иметь друзей и знакомых, которые могут не одобряться близкими, свобода вкусов и мировоззрения, сильнее, чем у контрольной группы переживается дискомфорт, вызванный запахами, принуждением в физиологических потребностях, менее прочны у осужденных границы психологического пространства, дающие человеку переживание суверенности собственного «Я», чувство уверенности, безопасности, доверия к миру. Осужденным приходилось больше переживать собственное бессилие в попытке отстоять границы личности, они меньше могут противостоять разрушающим влияниям извне или избегать их.

§ 2 Êíðáëÿüöèíííúé áíàëèç èííííáíòíáβ-èííöäíöèè ïñêäíííúõ

Рассмотрим корреляции различных составляющих Я-концепции (показатели самоотношения, суверенности психологического пространства, шкалы самовосприятия, категории Я-высказываний, типов психологических защит) между собой.

Корреляционный анализ показателей самооотношения с другими составляющими Я-концепции выявил достаточно много значимых взаимосвязей. В общей выборке (N=112) выявлено значительное количество связей показателей самооотношения и шкалы самовосприятия.

Как видно из таблицы 5, показатель открытости отрицательно коррелирует с показателями «Я обманщик» ($r=-19^*$), «Я раздражительный» ($r=-26^*$), «Я опрометчивый» ($r=-19^*$), это значит, что закрытость (конформность, выраженная мотивация социального одобрения, по С. Р. Пантилееву) связана с оценкой себя как опрометчивого, обманщика и раздражительного. Осужденные считают себя обманщиками, опрометчивыми и раздражительными, и это связано с их конформностью и выраженной мотивацией социального одобрения и безразличным отношением к себе (корреляции показателей «Открытость» и «Мне это безразлично» ($r=-23^*$)).

Таблица 5

Корреляции показателей самооотношения со шкалой самовосприятия¹

N=112

Шкала самовосприятия	Показатели самооотношения								
	Открытость	Самоуверенность	Саморуководство	Отраженное самооотношение	Самоценность	Самопринятие	Самопривязанность	Внутренняя конфликтность	Самообвинение
Я счастливый		21			40		21	-29	-23
У меня ничего не ладится									22
У меня все получается					21				
Я обманщик	-19								
Я неудачник									21
Я раздражительный	-26								
Я оптимист		27		26	36			-31	-23
Я человек надежный		33			22	22	31	-22	-29
Я хороший друг		37			30		22		-23
Я общительный		47	27	33	45	27	38	-19	-24
Я религиозный		21			29				

¹ *Примечание:* Здесь и в последующих таблицах:

1. Нули и запятые опущены.
2. Указаны только значимые корреляции, начиная с 5 % уровня значимости:
  - $r \geq 0,19$ 5 % уровень значимости;
  - $r \geq 0,25$ 1 % уровень значимости;
  - $r \geq 0,33$ 0,1 % уровень значимости.
3. В тексте нули и запятые опущены; * – уровень значимости корреляции:
  - * – $r \geq 5 \%$, ** – $r \geq 1 \%$, *** – $r \geq 0,1 \%$.

Я умный		24		22	41			-24	-31
Я опрометчивый	-19	28			24				
Комплексный показатель «Меня это радует»		35	19		48	28	28	-31	-27
Комплексный показатель «Мне это безразлично»	-23								
Сумма Я-концепции		24			29				

Отношение к себе как к уверенному, самостоятельному, волевому и надежному человеку, которому есть за что себя уважать, связано с выбором качеств «Я счастливый» ($r=21^*$), «Я оптимист» ($r=27^{**}$), «Я человек надежный» ($r=33^{***}$), «Я хороший друг» ($r=37^{***}$), «Я общительный» ($r=47^{***}$), «Я религиозный» ($r=21^*$), «Я умный» ($r=24^*$), «Я опрометчивый» ($r=28^{**}$) и с положительным отношением к себе (показатель «меня это радует» $r=35^{***}$). Испытуемые считают, что они допустили промах, но они, согласно их мнению, религиозны, счастливые оптимисты, общительные, надежные, хорошие друзья, уверенные, самостоятельные люди.

Показатель «Саморуководство» соотносится с показателями «Я общительный» ($r=27^{**}$) и «Меня это радует» ($r=19^*$). Это отражает связь

собственного «Я», умения справляться с эмоциями и переживаниями по поводу себя с общительностью и положительным отношением к себе.

«Отраженное самоотношение» коррелирует с показателями «Я оптимист» ($r=26^{**}$), «Я общительный» ($r=33^{***}$), «Я умный» ($r=22^*$). Представления осужденных о том, что они способны вызывать симпатию, одобрение, понимание связаны с представлениями о том, что они умные, общительные, оптимистичные.

Много корреляционных связей шкалы самовосприятия установлено с показателем «Самоценность». Ощущение ценности собственной личности, духовности, богатства внутреннего мира связано с выделением у себя таких качеств: «Я счастливый» ($r=40^{***}$), «У меня все получается» ($r=21^*$), «Я оптимист» ($r=36^{***}$), «Я человек надежный» ($r=22^*$), «Я хороший друг» ($r=30^{**}$), «Я общительный» ($r=45^{***}$), «Я религиозный» ($r=29^{**}$), «Я умный» ($r=41^*$), «Я опрометчивый» ($r=24^*$); с положительным эмоциональным отношением к себе (показатель «Меня это радует» $r=48^{***}$) и с большим количеством выбираемых качеств по шкале самовосприятия (показатель «сумма «Я-концепции» $r=29^{**}$). Несмотря на то, что осужденные совершили промах, они не потеряли ценность собственного, считают себя надежными, счастливыми, общительными, положительно к себе относятся, у них все получается.

Показатель «Самопринятие» соотносится с показателями «Я общительный» ($r=27^{**}$), «Я человек надежный» ($r=22^*$), «Меня это радует» ($r=28^{**}$). Судя по содержанию пунктов, чувство симпатии к себе у осужденных связано с надежностью, общительностью, положительным к себе отношением.

Нежелание меняться, самодостаточность, отрицание возможности развития собственного Я (показатель «Самопривязанность») сочетается с показателями «Я счастливый» ($r=21^*$), «Я человек надежный» ($r=31^{**}$), «Я хороший друг» ($r=22^*$), «Я общительный» ($r=38^{***}$), «Меня это радует» ($r=28^{**}$).

Осужденные считают себя счастливыми, надежными, хорошими друзьями, общительными, положительно к себе относятся, и у них есть тенденция к сохранению такого образа (возможно, этот образ неадекватный). Это один из защитных механизмов самосознания.

Отрицательная корреляционная связь выявлена у показателя «Внутренняя конфликтность» с показателями «Я счастливый» ($r=-29^{**}$), «Я оптимист» ($r=-31^{**}$), «Я человек надежный» ($r=-22^*$), «Я общительный» ($r=-19^*$), «Я умный» ($r=-24^*$), «Меня это радует» ($r=-31^*$). Поверхностное самодовольство, отрицание проблем, менее конфликтное собственное Я связано с подчеркиванием у себя качеств надежный, общительный, счастливый, умный, оптимистичный.

Показатель «Самообвинение» обратно коррелирует с показателями «Я счастливый» ($r=-23^*$), «Я оптимист» ($r=-23^*$), «Я человек надежный» ($r=-29^{**}$), «Я хороший друг» ($r=-23^*$), «Я общительный» ($r=-24^*$), «Я умный» ($r=-31^{**}$), «Меня это радует» ($r=-27^{**}$). Положительная связь обнаружена с показателями «У меня ничего не ладится» ($r=22^*$), «Я неудачник» ($r=21^*$). Способность считать себя неудачником, человеком, у которого нечего не ладится связана с отрицательными эмоциями в адрес Я, интрапунитивностью, готовностью поставить в вину свои промахи и неудачи, собственные недостатки. Осужденные не согласны со своей виной в силу того, что они считают себя умными, общительными, надежными, счастливыми, оптимистичными и положительно к себе относятся.

Анализируя корреляционные связи Я-высказываний и показателей самоотношения (см. таблицу 6), можно отметить, чем больше у осужденных встречается высказываний положительного отношения к себе, тем выше показатели «Самоценность» ($r=21^*$), «Самопринятие» ($r=26^{**}$): ощущение ценности собственной личности, способности вызывать в других глубокие чувства, принятие себя таким, какой есть, чувство симпатии к себе.

Таблица 6

Корреляции показателей самоотношения и категорий Я-высказываний

Показатели самоотношения	Категории Я-высказываний					
	Положительное отношение к себе	Отрицательное отношение к себе	Субъект осуждения	Объективные описания	Субъективные описания	Интеллектуальные характеристики
Открытость		-19	-26			
Самоуверенность		-25				
Отраженное самоотношение		-25				
Самоценность	21					
Самопривязанность		-26	-29	-20		
Самообвинение		27				-25
Самопринятие	26				20	

Высказывания отрицательного, критического отношения к себе связаны с низкими показателями «Открытости» ($r=-19^*$), «Самоуверенности» ($r=-25^{**}$), «Отраженное самоотношение» ($r=-25^{**}$), «Самопривязанность» ($r=-26^{**}$) и с высоким показателем «Самообвинение» ($r=27^{**}$). Осужденные с критической настроенностью к себе характеризуются внутренней честностью для признания у себя негативных черт характера, меньшей уверенностью; убеждением, что они могут вызывать у других людей антипатию, неодобрение, непонимание, неуважение; сомневаются в ценности собственной личности, недооценивают или безразличны к себе; соглашаются с собственными промахами и недостатками.

Наличие в самоописаниях осужденных упоминаний о себе как о субъекте осуждения связано с глубоким осознанием себя, внутренней честностью, критичностью (показатель «Открытость» ($r=-26^*$)); неудовлетворенностью собой, сильным желанием изменений (показатель «Самопривязанность» ($r=-29^{**}$)).

Объективные высказывания, т. е. те, которые касаются отнесения себя к группе или классу, имеют отрицательную корреляционную связь с показателем «Самопривязанность» ($r=-20^{**}$). Осужденные, объективно относящие себя к определенной группе или классу, характеризуются неудовлетворенностью собой, тягой к соответствию идеальным представлениям. *Субъективные высказывания*, т. е. характеристики соотношения себя с другими людьми, связаны со шкалой «Самопринятие» ($r=27^{**}$), с принятием себя таким, каков есть, с одобрением своих планов и желаний, снисходительным, дружеским отношением к себе.

Наличие в высказываниях осужденных о себе интеллектуальных характеристик отрицательно связано с показателем «Самообвинение» ($r=-25^{**}$). Это означает, что осужденные, отмечая у себя интеллектуальные характеристики, недостаточно ставят себе в вину свои промахи и неудачи.

Анализируя корреляционные связи показателей самоотношения и категорий Я-высказываний с типами психологических защит (см. таблицу 7), можно заметить, что Я-высказывания отрицательного отношения к себе и субъективные самоописания отрицательно коррелируют с типами психологической защиты «проекция» ($r=-24^*$; $r=-20^*$), «замещение» ($r=-28^{**}$; $r=-23^*$), «рационализация» ($r=-31^{**}$; $r=-22^*$), «фантазирование» ($r=-27^{**}$; $r=-22^*$) и «уход» ($r=-35^{***}$; $r=-33^{**}$). Это означает, что, применяя различные психологические защиты, осужденные меньше отмечают у себя отрицательные качества и меньше описывают себя субъективными характеристиками. Чем больше осужденные свои собственные нежелательные черты приписывают другим и таким путем защищают себя от осознания этих черт в себе, тем меньше они отмечают у себя отрицательные качества характера и меньше дают субъективных описаний себя. Те отрицательные эмоции, которые направлялись бы против себя («чувство вины»), теперь направляются на других. Кроме этого, посредством рационализации дается логически связанное и морально приемлемое объяснение иррациональной установке, поступку, чувству, идее и т. п., подлинные мотивы которых остаются в тени, а осужденным удается таким путем сохранить высокий уровень самоуважения.

Корреляции показателей самоотношения и категорий Я-высказываний с типами психологических защит

		Типы психологических защит					
		Проекция	Замещение	Рационализация	Компенсация	Фантазирование	Уход
<i>Категории Я-высказываний</i>	Положительное отношение к себе						-22
	Отрицательное отношение к себе	-24	-28	-31		-27	-35
	Объективные описания себя				20		
	Субъективные описания себя	-20	-23	-22		-22	-33
<i>Показатели самоотношения</i>	Внутренняя конфликтность			-20			
	Самообвинение			-27			

Тип психологической защиты «компенсация» коррелирует с объективными описаниями себя ($r=20^*$): сознательно, защищаясь от тревоги, неполноценности, осужденные дают себе объективные характеристики (например, «Я зек на данный момент», «Я прежде всего человек»).

Рассматривая проблемы самоотношения, С. Р. Пантилеев отмечает, что уже в самом его строении существуют защитные возможности, и поднимает вопрос о конкретных механизмах поддержания самоотношения. Об этой проблеме говорили многие исследователи, в том числе Д. Майерс (мотив поддержать и повысить самооценку), В. В. Столин (расщепление негативного и позитивного аспектов самоотношения как механизма его защиты) и др. По данным нашего исследования, показатели самоотношения также имеют корреляции с механизмами психологической защиты. Тип психологической защиты «рационализация» отрицательно коррелирует с показателями самоотношения «внутренняя конфликтность» ($r=-20^*$) и «самообвинение» ($r=-27^{**}$). Чем выше искусственность приводимых объяснений, чем больше осужденные используют рациональные мотивировки с обоснованными ссылками на факты, тем меньше внутренняя конфликтность и больше склонность обвинять других в своих промахах и неудачах.

Рассматривая корреляционные связи показателей самоотношения и суверенности психологического пространства (см. таблицу 8), можно заметить, что у исследуемой группы осужденных чем выше показатель закрытости, тем выше показатель суверенности ценностей ($r=19^*$). Это означает, что чем больше развиты навыки рефлексии и обладания определенной честностью для их признания, тем больше выражена свобода вкусов и мировоззрения. Чем выше показатель свободы вкусов и мировоззрения, тем более выражено представление о том, что его личность, характер и деятельность способны вызывать у других уважение, симпатию, одобрение, понимание (показатель

«Отраженное самоотношение» ($r=27^{**}$); ценность собственного Я ($r=26^{**}$), тем меньше выражена внутренняя конфликтность, т. е. меньше сомнений, несогласий с собой, положительного отношения к себе ($r=-44^{***}$) и склонности обвинять себя в своих промахах ($r=-33^{***}$).

Òààèèòà 8

Корреляции показателей самоотношения, типа психологической защиты с показателями суверенности психологического пространства

<i>Nàì ìòííòáíèy</i>	Показатели						
	<i>Nóàààí ìíòè ìèòíèíàè-àíèíà ìòíòòáííòàà</i>						
	Физического тела	Территории	Мира вещей	Привычек	Социальных связей	Ценностей	Общий балл
Открытость						19	
Самоуверенность			22				
Саморуководство		19	26				20
Отраженное самоотношение		21	24			27	27
Самоценность			22		23	26	26
Самопринятие	-24				18		
Самопривязанность		29	25				27
Внутренняя конфликтность		-23	-21	-23		-44	-35
Самообвинение			-23			-33	-28
Вытеснение				-21			

С повышением показателя «суверенность мира вещей», т. е. уважения к личной собственности человека, распоряжаться которой может только он, повышается отношение к себе как уверенному, самостоятельному, волевому и надежному человеку, которому есть за что себя уважать (показатель «Самоуверенность» ($r=22^*$)); больше убежденность о том, что основным источником активности и результатов является он сам (показатель «Саморуководство» ($r=26^{**}$), что его характер, деятельность способны вызывать у других уважение, симпатию, одобрение, понимание («Отраженное самоотношение» $r=24^*$); выше ценность своего Я («Самоценность» $r=22^*$), ярче консервативная самодостаточность, отрицание возможности и желательности развития собственного «Я» («Самопривязанность» $r=25^{**}$); ниже показатели «Внутренняя конфликтность» ($r=-21^*$) и «Самообвинение» ($r=-23^{**}$).

Суверенность привычек отрицательно коррелирует с показателем «Внутренняя конфликтность» ($r=-23^*$) и типом психологической защиты «Вытеснение» ($r=-21^*$). Чем больше принимается временная форма организации жизни, тем меньше сомнений у осужденных, несогласий с собой, меньше внутренние конфликты вытесняются из сознания.

Выявлены положительные корреляции суверенности социальных связей с самооценностью ($r=23^*$) и с самопринятием ($r=18^*$). Право иметь друзей или знакомых предполагает ценность своего Я для других, способность вызывать в других глубокие чувства.

Установлены различные по знаку связи суверенности ценностей с показателями самоотношения: открытость ($r=19^*$), отраженное самоотношение ($r=27^{**}$), самооценность ($r=26^{**}$), внутренняя конфликтность ($r=-44^{***}$), самообвинение ($r=-33^{***}$). Свобода вкусов и мировоззрения связана с внутренней честностью, с предвосхищаемым положительным отношением других людей, ценностью своего Я для других, а насильственное принятие неблизких ценностей – с наличием внутренних конфликтов, отрицательными эмоциями в адрес собственного Я.

Положительные связи суммарного балла по суверенности и саморуководства ($r=20^*$), отраженного самоотношения ($r=27^{**}$), самооценности ($r=26^{**}$), самопривязанности ($r=27^{**}$); отрицательные – с показателями внутренняя конфликтность ($r=-35^{***}$), самообвинение ($r=-28^{**}$) объясняют прочность границ психологического пространства, переживание собственного Я, возможности противостоять разрушающим влияниям.

Корреляционный анализ шкалы самовосприятия, категорий Я-высказываний, показателей суверенности психологического пространства и типов психологических защит выявил следующие взаимосвязи. У осужденных Я-высказывания положительного отношения к себе (см. таблицу 9) связаны с выбором у себя таких качеств, как: «Я хороший друг» ($r=31^{**}$), «Я человек надежный» ($r=19$), и положительным отношением к себе (корреляция с показателем «Меня это радует» ($r=19^*$)). У тех, в чьих высказываниях о себе присутствуют отрицательные, критические суждения (например, «Я вспыльчивый», «Я неудачлив», «Я не достигаю своих целей», «Я не из хороших», «Я совершил огромную ошибку в жизни», «Я раздражительный» и др.), меньше выбор качеств «Я хороший друг» ($r=-21^*$), «Я общительный» ($r=-24^*$), «Я умный» ($r=-24^*$), но они отмечают у себя качество «Я слабовольный» ($r=28^{**}$). Субъективные описания себя связаны с выбором качеств «Я фантазер» ($r=20^*$), «Я хороший друг» ($r=20^*$), отрицательно коррелируют с показателем «У меня ничего не ладится» ($r=-20^*$). Высказывания родственников уз и семейных отношений связаны с выбором категории «Я умный» ($r=22^*$). Рассуждения о жизни, выражение отношения к ней связаны с выбором качества «Я оптимист» ($r=21^{**}$). Можно заметить, что и в самих рассуждениях о жизни осужденных присутствует оптимизм (например, «Я человек, сбившийся с пути, но не потерявший надежды», «Я не безразличен к этой жизни, но передержанный в этих местах человек», «Я не жалею о своей судьбе! Все замечательно, жизнь прекрасна, даже в черном тоне», «Я имею огромное желание направить собственную жизнь в правильном направлении» и др.)

Корреляции шкалы самовосприятия с Я-высказываниями

<i>Шкала самовосприятия</i>	<i>Корреляции с Я-высказываниями</i>				
	Положительное отношение к себе	Отрицательное отношение к себе	Субъективные описания	Родственные узы и семейные отношения	Стиль жизни, отношение к ней
У меня ничего не ладится			-20		
Я фантазер			20		
Я оптимист					21
Я человек надежный	19				
Я хороший друг	31	-21	20		
Я общительный		-24			
Я умный		-24		22	
Я слабовольный		28			
Комплексный показатель «Меня это радует»	19				

Кроме корреляций шкалы самовосприятия с категориями Я-высказываний, были выявлены связи и с показателями суверенности психологического пространства и типами психологических защит (см. таблицу 10).

Корреляции шкалы самовосприятия с показателями суверенности психологического пространства и типами психологических защит

Шкалы самовосприятия	<i>Корреляции с показателями суверенности психологического пространства и типами психологических защит</i>								
	Суверенности					Типов психологических защит			
	Мира вещей	Привычек	Физического тела	Ценностей	Общий балл	Вытеснение	Проекция	Компенсация	Фантазирование
Я счастливый				20	19		25		
Я зануда			-26						
Я неуклюжий								-19	
Я неудачник	-21			-23	-21				-28
Я интроверт		19							
Я фантазер									-25
Я оптимист		26		20					
Я человек надежный	19			19	20				-19
Я хороший друг				21	21				
Я подвержен настроению		19				-23		-20	
Я общительный	25								

Показатель суверенности мира вещей связан с характеристиками себя «Я человек надежный» ($r=19^*$), «Я общительный» ($r=25^*$) и отрицательная связь с показателем «Я неудачник» ($r=-21^*$). Это означает, что уважение личной собственности человека связано с оценкой себя как надежного и общительного человека, а непризнание права иметь личные вещи с оценкой себя как неудачника.

Суверенность привычек коррелирует с качествами «Я интроверт» ($r=19^*$), «Я оптимист» ($r=26^{**}$), «Я подвержен настроению» ($r=19^*$). Принятие временной формы организации жизни человека связано с выделением у себя таких качеств, как оптимизм, подверженность настроению и интровертированность.

Суверенность физического тела отрицательно связана с показателем «Я зануда» ($r=-26^*$). Переживание дискомфорта сочетается с выбором у себя качества «Я зануда».

Суверенность ценностей соотносится с качествами «Я счастливый» ($r=20^*$), «Я оптимист» ($r=20^*$), «Я человек надежный» ($r=19^*$), «Я хороший друг» ($r=21^*$), отрицательная связь – с качеством «Я неудачник» ($r=-23^*$). Свобода вкусов и мировоззрения сочетается с выбором качеств «Надежность», «Оптимистичность», «Хороший друг», «Счастливый». Насильственное принятие неблизких ценностей, переживание собственного бессилия (корреляция показателей «Я неудачник» и общего балла по суверенности $r=-21^*$) сочетается с оценкой себя как неудачника.

Суммарный показатель суверенности психологического пространства связан с показателями «Я счастливый» ($r=19^*$), «Я человек надежный» ($r=20^*$), «Я хороший друг» ($r=19^*$). Чувство уверенности, безопасности собственного Я, доверия к миру у осужденных связано с ощущение счастья, с выбором у себя таких качеств, как «Надежность» и «Хороший друг».

Проекция как своеобразная психологическая защита для борьбы со страхом коррелирует с выбором качества «Я счастливый» ($r=25^{**}$). Тип психологической защиты вытеснение препятствует осознанию неприемлемых мыслей, воспоминаний, которые могут стать угрожающими представлениям осужденных о самом себе, отрицательно связан с выбором качества «Я подвержен настроению» ($r=-23^*$). Механизм психологической защиты компенсация не способствует признанию у осужденных таких качеств, как «Я неуклюжий» ($r=-19^*$), «Я подвержен настроению» ($r=-20^*$). Тип психологической защиты фантазирование отрицательно связан с выбором качеств «Я неудачник» ($r=-28^{**}$), «Я фантазер» ($r=-25^{**}$), «Я человек надежный» ($r=-19^*$).

Показатели суверенности психологического пространства имеют значимые взаимосвязи с категориями Я-высказываний (см. таблицу 11).

Корреляции Я-высказываний и показателей суверенности психологического пространства

Категории Я-высказывания	Показатели суверенности			
	Физического тела	Территории	Социальных связей	Общий балл
Положительное отношение к себе			0,19	
Отрицательное отношение к себе		-0,19		
Объективные описания себя				-0,21
Субъективные описания себя			0,23	
Увлечения, интересы	-0,20			

Чем выше показатель суверенности физического тела у исследуемой группы осужденных, тем ниже показатель категории Я-высказываний «увлечений, интересов» ($r=-20^*$). Суверенность территории отрицательно коррелирует с категорией Я-высказываний «Отрицательного отношения к себе» ($r=-19^*$), показатель суверенности социальных связей имеет значимые корреляции с категориями Я-высказываний «Положительного отношения к себе» ($r=19^*$) и «Субъективные описания себя» ($r=23^*$). Чем выше суммарный балл по суверенности психологического пространства, тем меньше в самоописаниях осужденных встречаются объективные описания себя ($r=-21^*$).

Корреляционный анализ типов Я-концепции осужденных с составляющими Я-концепции. Выделенные на основании анализа типы Я-концепций осужденных имеют следующие корреляции с показателями самоотношения, суверенности психологического пространства и категориями Я-высказываний (см. таблицу 12).

Корреляции типов Я-концепций осужденных с показателями самоотношения, суверенности психологического пространства и категориями Я-высказываний

Показатели		Типы Я-концепции		
		позитивная	самодостаточная	компенсирующая
<i>Самоотношения</i>	Самоуверенность	38	36	28
	Саморуководство	22		
	Отраженное самоотношение	25		
	Самоценность	45	47	34
	Самопринятие	25	19	
	Самопривязанность	32	20	
	Внутренняя конфликтность	-28	-27	-28
	Самообвинение	-33	-19	

<i>Я-высказывания</i>	Высказывания положительного отношения к себе	23		
	Высказывания отрицательного отношения к себе	-22		
<i>Суверенность</i>	Мира вещей	20		
	Привычек			21

Позитивный тип Я-концепции осужденных имеет корреляционные связи с большинством показателей самооотношения: самоуверенность ($r=38^{***}$), саморуководство ($r=22^*$), отраженное самооотношение ($r=25^{**}$), самоценность ($r=45^{***}$), самопринятие ($r=25^{**}$), самопривязанность ($r=32^{**}$), внутренняя конфликтность ($r=-28^{**}$), самообвинение ($r=-33^{***}$). Позитивный тип Я-концепции соответствует высокому самооотношению, волевому и надежному человеку, которому есть за что себя уважать, одобряющему свои планы и желания; сопровождается низким уровнем внутренней конфликтности, но неудачи приписываются некоторым неподвластным обстоятельствам. Кроме этого, выявлены связи позитивного типа Я-концепции с показателями суверенности мира вещей ($r=20^*$), высказываниями положительного ($r=23^*$) и отрицательного ($r=-22^*$) отношения к себе.

Самодостаточный тип Я-концепции осужденных имеет значимые корреляционные связи с показателями самооотношения: самоуверенность ($r=36^{***}$), самоценность ($r=47^{***}$), самопринятие ($r=19^*$), самопривязанность ($r=20^*$), внутренняя конфликтность ($r=-27^{**}$), самообвинение ($r=-19^*$).

Компенсирующий тип Я-концепции осужденных связан с показателями самооотношения самоуверенность ($r=28^{**}$), самоценность ($r=34^{***}$), внутренняя конфликтность ($r=-28^{**}$) и показателем суверенности привычек ($r=21^*$).

Связь компонентов Я-концепции личности осужденных с ответственностью и формально-динамическими свойствами. Анализируя корреляционные связи показателей ответственности и шкалы самовосприятия (см. таблицу 13), можно предположить следующее. Динамический компонент ответственности по параметру эргичности сочетается с выбором осужденными у себя таких качеств, как «Я человек надежный» ($r=26^{**}$), «Я хороший друг» ($r=20^*$), «Я общительный» ($r=33^{***}$), «Меня это радует» ($r=22^*$). Параметр эргичности сочетается с минимальным выбором качества «Я оптимист» ($r=-19^*$). Самостоятельное, тщательное выполнение трудных и ответственных заданий осужденными сочетается с надежностью, общительностью, положительным эмоциональным отношением. Решительность и обязательность, поведенческая активность связаны с показателем оптимизма.

Коэффициенты корреляций шкалы самовосприятия с показателями ответственности личности

N=112

Показатели ответственности		У меня ничего не ладится	Я тугодум	Я неуклюжий	Я зануда	Я неудачник	Я обманщик	Я интроверт	Я фантазер	Я оптимист	Я человек надежный	Я раздражительный	Я хороший друг	Я подвержен настроению	Я общительный	Я религиозный	Я умный	Я слабовольный	Я опрометчивый	«меня это радует»	«мне это безразлично»	«мне это неприятно»	сумма я-концепции
<i>éîì ïîíáí òù</i>	<i>í áðáì áí í ùá</i>																						
динамический	эргичность										26		20		33					22			
	аэргичность									-19													
мотивационный	социоцентричность		19				-23															20	
	эгоцентричность								22														
когнитивный	осмысленность									22						21						31	19
	осведомленность				20	20																26	19
результативный	предметность						-22								27								
	субъектность								21	25				20		25	19			29		23	26
эмоциональный	стеничность						-19															24	
	астеничность														20		22					20	
регуляторный	интернальность												26									26	
	экстернальность		29	36	21	24									21		22				26	19	24
трудности																						22	
операционный	гармоничность						-20				20		26		28					23		22	
	агармоничность	20	23	23	19	20		31								21		19			29		19
содержательный	гармоничность						-21															27	
	агармоничность							19	23					27		21	19	22				24	26
активность	гармоничность						-20						20		34					20			
	агармоничность										23		22		25		22					27	24
направленность	гармоничность									20												27	
	агармоничность								19					19								21	21
регуляция	гармоничность						-21						22							19		28	
	агармоничность		23	29		20	21								25		27				19	23	24
Комплексный параметр ответственности							-30				20		20		19						-28		

операционный	гармоничность		25			
	агармоничность				23	24
содержательный	гармоничность				19	
	агармоничность	23			21	
активность	гармоничность		21			
	агармоничность					20
направленность	гармоничность				21	
	агармоничность	21				
регуляция	агармоничность	24				28
Комплексный параметр ответственности						-24

Я-концепция обманщика связана с показателями астенической эмоциональности ($r=20^*$), регуляторной экстернальности ($r=28^{**}$), агармоничными показателями: а) регуляторно-динамического компонента ($r=24^*$), б) активностной стороны ответственности ($r=20^*$), в) регулирующей стороны ответственности ($r=28^{**}$). Отрицательная корреляционная связь Я-концепции обманщика выявлена с комплексным показателем ответственности ($r=-24^*$). Можно сказать, что Я-концепция обманщика отличается отрицательными эмоциями при необходимости выполнения, в ходе реализации и при неуспехе в ответственном деле, а также переложением ответственности на других людей и обстоятельства.

Заметно отличается от Я-концепций неудачника и обманщика корреляционными связями позитивная Я-концепция. Положительные корреляции обнаружены с показателями динамическая эргичность ($r=24^*$), субъектная результативность ($r=21^*$), регуляторная интернальность ($r=20^*$), гармоничностью регуляторно-динамического компонента ($r=25^*$) и активностной стороны ($r=21^*$). Для позитивной Я-концепции характерны самостоятельность; тщательное выполнение трудных и ответственных заданий; завершение ответственных дел, связанных с личностным благополучием, самореализацией, развитием различных сторон и качеств личности; самостоятельность, самокритичность, независимость при выполнении ответственных дел, способности брать ответственность на себя.

Компенсирующая Я-концепция отличается корреляционными связями как в гармоничных компонентах ответственности, так и агармоничных. Гармоничность: мотивационно-смысловой компонент ($r=19^*$) и направленность ответственности ($r=21^*$). Агармоничность: регуляторно-динамический компонент ($r=19^*$) и направленность ответственности ($r=21^*$). Кроме этого, характерны зависимости с когнитивной осмысленностью ($r=23^*$), субъектной результативностью ($r=26^{**}$).

Для самодостаточной Я-концепции характерна корреляционная связь с субъектной результативностью ($r=23^*$) – завершение ответственных дел, связанных с личностным благополучием.

Из таблицы 15 можно заметить, что у тех осужденных, в чьих высказываниях встречается категория интеллектуальных характеристик себя, имеется значительное количество только отрицательных связей с различными компонентами и категориями ответственности. Причиной этого может быть недостаточная сформированность качества ответственности (как внутренней необходимости), непредвиденные препятствия и трудности, лежащие за пределами возможностей осужденных.

Таблица 15

Корреляции категорий Я-высказываний с показателями ответственности личности

<i>Категории Я-высказываний</i>		<i>Показатели ответственности личности</i>	
компоненты	переменные	родственные узлы и семейные отношения	интеллектуальные характеристики
		динамический	эргичность
мотивационный	социоцентричность		-26
	эгоцентрическая		-21
когнитивный	осмысленность	21	-34
	осведомленность		-23
результативный	предметность		-27
	субъектность	19	-23
эмоциональный	астеничность		-27
регуляторный	интернальность	21	-27
	экстернальность		-20
трудности			-19
операционный	гармоничность		-27
содержательный	гармоничность		-33
	агармоничность		-25
активность	гармоничность		-28
	агармоничность		-22
направленность	гармоничность		-31
	агармоничность		-25
регуляция	гармоничность	19	-25
	агармоничность		-30

Категория Я-высказываний родственных узлов и семейных отношений имеет корреляционные связи с показателями когнитивная осмысленность ($r=21^*$), субъектная результативность ($r=19^*$), регуляторная интернальность ($r=21^*$), гармоничный показатель регуляторной стороны ответственности ($r=19^*$).

Из корреляций показателей ответственности и самооотношения (см. таблицу 16) можно выделить связи динамической эргичности и самоуверенности ($r=34^{***}$), саморуководства ($r=26^{**}$), отраженного самооотношения ($r=31^{**}$),

самоценности ($r=19^*$), самопринятия ($r=21^*$), самопривязанности ($r=30^{**}$), внутренней конфликтности ($r=-19^*$). Самостоятельное, тщательное выполнение трудных и ответственных заданий осужденных сочетается с уверенностью в себе, умением руководить своими действиями, низкой внутренней конфликтностью. Показатели самоотношения «саморуководство» и «самопринятие» имеют значительное количество связей с гармоническими показателями ответственности.

Таблица 16

Корреляции показателей самоотношения и ответственности личности

<i>Исходные переменные</i>		<i>Исходные переменные</i>								
		Открытость	Самоуверенность	Саморуководство	Отраженное самоотношение	Самоценность	Самопринятие	Самопривязанность	Внутренняя конфликтность	Самообвинение
компоненты	переменные									
динамический	эргичность		34	26	31	19	21	30	-19	
	аэргичность								29	
мотивационный	социоцентричность			20						24
	эгоцентрическая				19		19			
когнитивный	осмысленность	21		20			22			
	осведомленность						20			
результативный	предметность		25	21			21			
	субъектная		27	27		31	30			
эмоциональный	стеническая		25			20	26			
	астеническая				-23			-19	34	32
регуляторный	интернальность	24	24				24			
	экстернальность				-29				42	36
трудности							21		38	27
операционный	гармоничность		34	24	22	24	29			
	агармоничность						21			
содержательный	гармоничность		21	24		19	24			
	агармоничность			20			21			
активность	гармоничность		33	25	26	21	23			
	агармоничность		19	27			29			
направленность	гармоничность			19			20			19
	агармоничность						23			
регуляция	гармоничность		26			20	27			
	агармоничность	-21			-31				45	41
Комплексный показатель ответственности			25						-23	

Значимые корреляции выявлены между следующими параметрами ответственности и суверенности психологического пространства (см. таблицу 17): прочность границ психологического пространства, дающая возможность

осужденным переживать суверенность собственного Я, чувство уверенности, безопасности, доверия к миру повышает ответственность ($r=20^*$). Переживание собственного бессилия повышает проявление отрицательных эмоций в реализации ответственных дел ($r=-35^{***}$), позволяет перекладывать ответственность на других людей и обстоятельства ($r=-26^{**}$).

Таблица 17

Корреляции показателей суверенности психологического пространства и ответственности личности

Компоненты		Показатели						
		Физического тела	Территории	Мира вещей	Привычек	Социальных связей	Ценностей	Общий балл
динамический	эргичность				20			
когнитивный	осмысленность				21	21		
эмоциональный	астеническая		-28	-25	-21		-27	-35
регуляторный	интернальность						22	
	экстернальность	-21	-19	-21			-24	-26
операционный	гармоничность						21	
	агармоничность						-19	
активность	гармоничность				21			
регуляция	гармоничность						20	
	агармоничность	-22	-27	-27	-20		-31	-36
Комплексный параметр ответственности					24		25	20

Насильственное принятие неблизких ценностей также связано с появлением отрицательных эмоций ($r=-27^{**}$) и перекладыванием ответственности на других людей ($r=-24^*$). Право иметь друзей, которые могут не одобряться другими людьми, связано с проявлением когнитивной осмысленности ($r=21^*$), соотношением общих знаний о сущности и представлений о конкретных нормах ответственного поведения. Принятие временной формы организации жизни повышает самостоятельность выполнения ответственных заданий ($r=20^*$), понижает проявление отрицательных эмоций ($r=-21^*$).

Непризнание права иметь личные вещи связано с появлением отрицательных эмоций ($r=-25^{**}$) и переложением вины на обстоятельства ($r=-21^*$).

Из данных таблицы 18 можно заметить, что типы психологических защит (за исключением компенсации) имеют отрицательные корреляционные связи с когнитивным (вытеснение $r=-24^*$, рационализация $r=-19^*$, фантазирование $r=-22^*$) и эмоциональным (вытеснение $r=-21^*$, рационализация $r=-24^*$, уход $r=-22$) компонентами ответственности. Действием психологических механизмов защиты объясняются различные формы самооправдания криминального поведения, уменьшение ответственности за совершенное преступление, благородное освящение поступка, альтруистическая его интерпретация.

**Корреляции показателей ответственности личности
и типов психологических защит**

<i>Í íeáçàò àèè íò ààòíò àáí íííòè</i>		<i>Òèí ú ííèòíéíä: àíèèõ çàìèò</i>				
компоненты	переменные	вытеснение	рациона- лизация	компенса- ция	фантазиро- вание	уход
мотивационный	эгоцентричность			21		
когнитивный	осмысленность	-24	-19		-22	
эмоциональный	стеничность	-21	-24			-22
направленность	гармоничность	-20	-19		-20	
регуляция	гармоничность	-19	-22			-23

Рассмотрим корреляционные связи компонентов Я-концепции с формально-динамическими свойствами.

Выбор отрицательных характеристик себя («Я тугодум» ($r=-26^{**}$), «Я неуклюжий» ($r=-31^{**}$), «Я неудачник» ($r=-22^*$), «У меня ничего не ладится» ($r=-36^{***}$) связан с заторможенностью психомоторики, низкой скоростью в психомоторной сфере (см. таблицу 19). Выбор качеств «Я общительный», «Я оптимист», «Меня это радует» связан с повышением показателей эргичности, пластичности, скорости, общей активности в коммуникативной сфере. Выбор положительных характеристик себя («Я умный», «Я хороший друг», «Я оптимист», «Я счастливый» и других повышает общую адаптивность осужденных.

Корреляции показателей шкалы самовосприятия с формально-динамическими свойствами индивидуальности

0101 2222 1-221 21 2-2222 221 210 22		02222 221 1 2222 221022																
		Я счастливый	У меня ничего не ладится	У меня все получается	Я тугодум	Я неуклюжий	Я неудачник	Я фантазер	Я оптимист	Я человек надежный	Я раздражительный	Я хороший друг	Я общительный	Я религиозный	Я умный	Я слабовольный	Я опрометчивый	Меня это радует
Психомоторная сфера	Эргичность							21									24	
	Пластичность	19	-23					26	33							24	26	
	Скорость		-36		-26	-31	-22	31	24		19	22		23			27	-22
	Эмоциональность							23		19								
	Индекс активности	20	-30					32	30					26		20	32	
Интеллектуальная сфера	Эргичность	21		19				25			21	20		19	-20	19	32	
	Пластичность							21								19		
	Скорость							43	24		23	19		21		29	38	
	Индекс активности	21						39	19			22	21			31	37	
Коммуникативная сфера	Эргичность	21			-23							33						-19
	Пластичность		-29									19						
	Скорость							30				24				27		
	Индекс активности		-21		-19			19				36					22	
Индекс общей активности		23	-21					36				29		24		28	35	
Индекс общей эмоциональности							21											
Индекс общей адаптивности		23	-21					33			23	34		22		23	31	

Позитивную, самодостаточную и компенсирующую Я-концепции осужденных отличают корреляционные связи с формально-динамическими свойствами (см. таблицу 20):

а) в интеллектуальной сфере: с показателями эргичность ($r=24^*$, $r=21^*$, $r=25^{**}$), скорость ($r=28^{**}$, $r=22^*$, $r=36^{***}$), индекс активности ($r=25^{**}$, $r=23^*$, $r=36^{***}$);

б) в психомоторной сфере: с показателями пластичность ($r=22^*$, $r=19^*$, $r=25^{**}$), индекс активности ($r=26^{**}$, $r=24^*$, $r=24^*$);

в) индекс общей активности ($r=23^*$, $r=27^{**}$, $r=31^{**}$) и индекс общей адаптивности ($r=27^{**}$, $r=25^{**}$, $r=25^{**}$). Предполагается, что эти типы Я-концепций отличает хороший уровень интеллектуальных возможностей, способность к обучению, стремление к деятельности, связанной с умственным напряжением, легкость умственного побуждения, скорость умственных процессов при осуществлении интеллектуальной деятельности, гибкость при переключении с одних форм двигательной активности на другие, высокое стремление к разнообразным способам физической деятельности, плавность движений. Кроме этого, для позитивного и самодостаточного типов Я-концепции характерны корреляционные связи с психомоторной скоростью ($r=22^*$, $r=19^*$) – высокий темп психомоторного поведения, высокая скорость в различных видах двигательной активности. Самодостаточному и компенсирующему типам Я-концепций осужденных присуща корреляционная связь с коммуникативной скоростью ($r=19^*$, $r=25^{**}$) – легкая и плавная речь, быстрая вербализация, высокая скорость речевой активности. Для компенсирующего типа Я-концепции характерна зависимость с интеллектуальной пластичностью ($r=23^*$) – гибкость мышления, легкий переход с одних форм мышления на другие, постоянное стремление к разнообразию форм интеллектуальной деятельности, творческий подход к решению проблем.

Òàáèèòà 20

Корреляции типов Я-концепции с формально-динамическими свойствами индивидуальности

<i>Óìòì àëíí î-àèí àì è-áíèèá ñíí èíò àà</i>		<i>Òèí ù Ñ-èíí òäí òèé</i>				
		Неудачника	Позитивная	Самодостаточная	Компенсирующая	Обманщика
Интеллектуальная сфера	Эргичность		24	21	25	
	Пластичность				23	
	Скорость		28	22	36	
	Индекс активности		25	23	36	
Психомоторная сфера	Эргичность					
	Пластичность		22	19	25	

	Скорость	-19	22	19		-19
	Индекс активности		26	24	24	
Коммуникативная сфера	Эргичность	-19				
	Скорость			19	25	
	Индекс активности			19		
Индекс общей активности			23	27	31	
Индекс общей адаптивности			27	25	25	

Типы Я-концепций неудачника и обманщика отличает низкая психомоторная скорость ($r=-19^*$, $r=-19^*$) – заторможенность психомоторики, низкая скорость двигательных операций при выполнении ручного труда. Для Я-концепции неудачника характерен и низкий уровень коммуникативной эргичности ($r=-19^*$): низкая потребность в общении, социальная пассивность, «узкий» круг контактов, уход от социальных мероприятий, замкнутость.

Критичные высказывания по отношению к себе (см. таблицу 21) имеют корреляционные связи с низкой коммуникативной скоростью ($r=-20^*$), коммуникативной эмоциональностью ($r=19^*$), индексом общей эмоциональности ($r=19^*$). Чем больше встречается в самооценке осужденных отрицательных характеристик себя, тем ниже речевая активность, медленнее вербализация, имеется речевая заторможенность, выше чувствительность (ранимость) в случае неудач в общении, ощущение постоянного беспокойства в процессе социального взаимодействия; неуверенность, раздражительность в ситуации общения.

0àáèèöà 21

Корреляции Я-высказываний с формально-динамическими свойствами индивидуальности

<i>0îðì àèüü î-àèí àì è-:àñèèá ñàí èñò àà</i>		<i>Èàò àñ ðèè ß-àñèèá àìí èè</i>				
		Положительное отношение к себе	Отрицательное отношение к себе	Родственные узлы и семейные отношения	Увлечения, интересы	Интеллектуальные характеристики
Коммуникативная сфера	Пластичность			30		
	Скорость		-20			
	Эмоциональность		19			-27
Эмоциональность психомоторная		-20			-23	
Индекс общей эмоциональности			19			-19

Чем больше значимы для осужденных интеллектуальные характеристики себя, тем ниже коммуникативная эмоциональность ($r=-27^*$) – низкая чувствительность к неудачам в общении, ощущение радости и уверенности в себе в процессе взаимодействия с другими людьми.

Показатели самоотношения (см. таблицу 22) имеют значительное количество корреляционных связей с формально-динамическими свойствами.

**Корреляции показателей самоотношения
и формально-динамических свойств индивидуальности**

<i>Ôîðî àëüü î-àèí àì è-:áñèá ñîéñòáà</i>		<i>Ï êàçàòàèè ñàì ñòîíîáíèý</i>							
		Самоуверенность	Саморуководство	Отраженное самоотношение	Самоценность	Самопринятие	Самопривязанность	Внутренняя конфликтность	Самообвинение
Психомоторная сфера	Эргичность	21	20						
	Пластичность	25	21					-20	
	Скорость	35		-20	32			-25	-27
	Эмоциональность						-24		31
	Индекс активности	33	22			25		-24	
Интеллектуальная сфера	Эргичность	32		25	29			-34	-19
	Пластичность			19			20		
	Скорость	45		31	37	26		-29	-22
	Эмоциональность			-23				22	19
	Индекс активности	42		32	39	25		-33	-20
Коммуникативная сфера	Эргичность	19		39	23	27	34		-30
	Пластичность				22		25		
	Скорость	35		24	33	22	20	-26	-23
	Эмоциональность	-23		-31			-24	35	33
	Индекс активности	28	23	35	31	23	34		-25
Индекс общей активности		37	25	28	40	21	23	-27	
Индекс общей эмоциональности				-29			-25	27	32
Индекс общей адаптивности		46	27	42	41	22	35	31	-32

Достаточное число положительных связей с формально-динамическими свойствами выявлено у показателей «Самоуверенность», «Саморуководство», «Самоценность», «Самопринятие», а отрицательных – у показателей «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение».

Привычки осужденных (см. таблицу 23) связаны с эргичностью, пластичностью, скоростью, активностью в психомоторной сфере ($r=29^{**}$, $r=28^{**}$, $r=22^*$, $r=32^{**}$). Принятие временной формы организации жизни у осужденных зависит от психомоторной сферы.

Корреляции показателей суверенности психологического пространства и опросника формально-динамических свойств индивидуальности

<i>Ôîðî àèüü î-àèí àì è-:àíèèá ñâè éíö àâ</i>		<i>Ï íåàçàð àèè ñâàððàí í ííðèè</i>				
		Территории	Привычек	Социальных связей	Ценностей	Общий балл
Психомоторная сфера	Эргичность		29	24		26
	Пластичность		28			19
	Скорость		22			
	Индекс активности		32			24
Коммуникативная сфера	Эргичность	20				
	Эмоциональность	-22				
Эргичность интеллектуальная					19	
Индекс общей активности			23			
Индекс общей эмоциональности		-20				
Индекс общей адаптивности			23			23

Безопасность физического пространства зависит от коммуникативной эргичности ($r=20^*$) и эмоциональности ($r=-22^{**}$). Чем выше потребность в общении, тяга к людям, легкость в установлении социальных связей, стремление к лидерству, шире круг контактов, ниже чувствительность к неудачам в общении, ощущение радости и уверенности в себе в процессе взаимодействия с другими людьми, тем выше безопасность физического пространства – того места, где осужденный отбывает наказание.

На основании полученных корреляционных связей формально-динамических свойств и типов психологических защит (см. таблицу 24) можно предположить, что для осужденных характерно сужение альтернатив поведения, в силу чего противоправный характер действий представляется единственно возможным, искажено представление реальной ситуации.

Корреляции формально-динамических свойств индивидуальности и типов психологических защит

<i>Ôîðî àèüü î-àèí àì è-:àíèèá ñâè éíö àâ</i>		<i>Ðèí ù ííèðîíèíèè-:àíèèð çàùèèð</i>				
		Вытеснение	Замещение	Рационализация	Компенсация	Уход
Психомоторная сфера	Эргичность	22		21		
	Пластичность	20				
	Индекс активности	20				

Коммуникативная сфера	Эргичность					-22
	Пластичность		-19			
	Скорость		-20		-22	
Пластичность интеллектуальная					-19	
Индекс коммуникативной активности			-22		-21	
Индекс общей адаптивности					-21	

§ 3. Οὰέοίδηύ πòδύέòòδà Β-έίί öäí öèè ίηηεääí ί ύò

Для подтверждения предположения о структурном единстве компонентов Я-концепции был проведен попарный факторный анализ составляющих Я-концепции осужденных (шкала самовосприятия, категории Я-высказываний, показатели методики самоотношения, суверенности психологического пространства, типы психологических защит) по методу главных компонент.

Факторный анализ показателей шкалы самовосприятия и показателей самоотношения выявил следующую структуру (см. таблицу 25) (в интерпретации данных факторов мы исходили из наибольших факторных весов).

Οὰάέέöà 25

Факторное отображение структурной организации шкалы самовосприятия и показателей самоотношения (после вращения)¹

N=112

<i>Γέεαò äèè</i>		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
<i>Ναί ηòί ηεάέü</i>	Открытость		45	-23		22
	Самоуверенность		70		25	
	Саморуководство		77			
	отраженное самоотношение		62		46	
	Самоценность		62	25	39	
	Самопринятие		66			
	Самопривязанность		68	25		
	Внутренняя конфликтность				-80	
	Самообвинение				-73	
<i>Οέάü ηαί ηάí δέüöü</i>	Я счастливый	19		45	38	31
	У меня ничего не ладится	49			-27	49
	У меня все получается			29	21	56
	Я тугодум	83				
	Я неуклюжий	79				
	Я зануда	66		29		
	Я неудачник	73			-30	
	Я добросовестный			57		
	Я обманщик	53			28	-19
	Я интроверт	62			19	
	Я фантазер	30		45		-19

¹ В этой и последующих таблицах указаны только значимые факторные веса.

Я оптимист	29		22	40	-25
Я человек надежный			71		
Я раздражительный	45		41		-38
Я хороший друг	19	24	54		28
Я подвержен настроению	46		37		-20
Я общительный		38	58		23
Я религиозный	47		29		-25
Я умный	26		60	29	
Я слабовольный	43		25	-22	-41
Я опрометчивый	55		28		-25
Комплексный показатель «Меня это радует»			88		
Комплексный показатель «Мне это безразлично»	76				
Комплексный показатель «Мне это неприятно»	54		21		19
ДОД, %	17	10	13	08	05

В первый фактор, описывающий 17 % объяснимой дисперсии, вошли показатели шкалы самовосприятия. Среди них с наибольшими факторными весами – отрицательные характеристики себя (неуклюжий, неудачник, тугодум, зануда и др.) Появляется измерение, связанное с автономно функционирующей отрицательной самооценкой.

Во второй фактор вошли показатели положительного самоотношения, что свидетельствует об единстве методических приемов при диагностике самоотношения.

Третий фактор составили показатели шкалы самовосприятия и самоотношения, связанные с положительной оценкой себя, которые стоят в оппозиции с показателем открытости: положительное самоотношение и самовосприятие осужденных закрыто для окружающих.

Фактор отрицательных характеристик себя шкалы самовосприятия (неудачник, ничего не ладится) и показатели отрицательного самоотношения (внутренняя конфликтность, самообвинение) противостоят показателю оптимистичности.

В факторе отрицательного самовосприятия отрицательные характеристики себя (обманщик, раздражительный, слабовольный, опрометчивый и др.) противостоят показателям «У меня все получается», открытости.

Таблицы факторного отображения составляющих Я-концепции осужденных представлены в приложении 1. Проанализируем попарное сопоставление составляющих.

В факторной структуре шкалы *самовосприятия и показателей самоотношения* положительное восприятие себя осужденными объединено с самооценностью, самопривязанностью на фоне общей закрытости к окружающим. Фактор оптимистичного восприятия себя объединен с низкой внутренней конфликтностью и обвинением в неудачах других людей и обстоятельств.

Факторный анализ показателей шкалы *самовосприятия* и показателей *суверенности психологического пространства* (см. приложение 5 таблица 41) выявил, что в первом факторе объединены показатели шкалы самовосприятия на основе отрицательных самохарактеристик, таких как: у меня ничего не ладится, тугодум, неуклюжий, зануда, неудачник, обманщик, раздражительный, подвержен настроению, слабовольный, опрометчивый и др. Кроме того, они сопровождаются безразличным эмоциональным отношением к этим качествам.

Второй фактор объединил показатели суверенности психологического пространства, которые соотносятся показателем «я неудачник» с отрицательным факторным весом.

Третий фактор составили показатели положительных характеристик себя (счастливый, добросовестный, надежный, хороший друг, общительный, умный, и др.), сопровождаемые и позитивным эмоциональным отношением.

Привычки, суверенность физического тела находятся в четвертом факторе вместе с показателями оптимистичного самовосприятия (счастливый, добросовестный, оптимист, религиозный, слабовольный, опрометчивый).

Пятый фактор составили показатели позитивного самовосприятия (счастливый, все получается, общительный, умный и др.), которые соотносятся с показателями эмоциональной неустойчивости (неудачник, раздражительный, слабовольный) с отрицательным факторным весом.

Факторный анализ показателей шкалы *самовосприятия и типов психологических защит* выявил следующую структуру (см. приложение 1 таблица 43). Второй фактор объединил типы психологических защит, противопоставив их показателю «я фантазер» шкалы самовосприятия. В четвертом факторе показатели шкалы самовосприятия, связанные с демонстративностью (обманщик, зануда, оптимист, фантазер, опрометчивый, подвержен настроению и др.), находятся в оппозиции с показателями «ничего не ладится», «хороший друг».

Пятый фактор составили показатели шкалы самовосприятия, связанные с самодостаточностью (счастливый, все получается, умный), которые соотносятся с качествами, связанными с неустойчивостью в эмоциональной сфере (раздражительный, слабовольный, неудачник) с отрицательным факторным весом.

Факторный анализ показателей шкалы самовосприятия и категорий Я-высказываний выявил следующую структуру (см. приложение 1 таблица 45):

В первый фактор вошли показатели отрицательного самовосприятия: ничего не ладится, тугодум, неуклюжий, зануда, неудачник, обманщик, раздражительный, подвержен настроению и др.

Во втором факторе все категории Я-высказываний осужденных объединены с показателем «добросовестный» и противопоставлены показателю «я обманщик».

В третьем факторе положительное самовосприятие (счастливый, все получается, добросовестный, надежный, хороший друг, общительный, умный, и др.) находится в оппозиции категории Я-высказываний отрицательного отношения к себе.

В четвертом факторе показатели раздражительный, слабовольный и категории Я-высказываний (объективные описания себя, субъект осуждения, родственные узы и семейные отношения, увлечения и интересы) противопоставляются показателям добросовестный и характеристикам интеллектуальной сферы категорий Я-высказываний.

В пятом факторе объединены показатели эмоциональных состояний (раздражительный, подвержен настроению, слабовольный, оптимист), высказывания интеллектуальных характеристик себя стоят в оппозиции показателям счастливый, показателям действий (ничего не ладится, все получается) и категории Я-высказываний увлечений и интересов.

Факторный анализ показателей самоотношения и суверенности психологического пространства (см. приложение 1 таблица 44) выявил следующую структуру:

В первом факторе показатель суверенности социальных связей объединяется с показателями положительного самоотношения (открытость, самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение, самооценность, самопринятие, самопривязанность).

Второй фактор объединил показатели суверенности, что говорит о единстве методических приемов при диагностике суверенности психологического пространства.

В третьем факторе объединены показатели положительного самоотношения (открытость, самоуверенность, отраженное самоотношение, самооценность) с показателями суверенности территории и ценностей; показатели отрицательного самоотношения (внутренняя конфликтность, самообвинение) входят в данный фактор с отрицательным весом.

Факторы, объединяющие показатели самоотношения и суверенности, определяются по содержанию шкалами, выражающими оценку собственного Я по отношению к некоторым социально-значимым критериям.

Факторный анализ показателей выявил следующую структуру самоотношения и типов Я-концепций осужденных (см. приложение 1 таблица 42).

Первый фактор составляют позитивный тип Я-концепции и показатели позитивного самоотношения (открытость, самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение, самооценность, самопринятие, самопривязанность).

Во втором факторе типы Я-концепций объединены с показателем самооценности на фоне закрытости самоотношения.

В третьем факторе позитивный и самодостаточный типы Я-концепции объединены с показателями положительного самоотношения (открытость, самоуверенность, отраженное самоотношение, самооценность); находятся в оппозиции с показателями «внутренняя конфликтность» и «самообвинение». Можно говорить, что в положительном и самодостаточном типах Я-концепции осужденных отсутствуют внутренняя конфликтность и обвинение себя в неудачах.

Факторная структура типов Я-концепции и самоотношения отображает самоценность типов на фоне общей закрытости.

Факторный анализ показателей самоотношения и категорий Я-высказываний (см. приложение 1 таблица 47) выявил следующую структуру.

Первый фактор составляют показатели позитивного самоотношения (открытость, самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение, самоценность, самопринятие, самопривязанность) и категория увлечений и интересов из Я-высказываний противопоставляются показателям отрицательного самоотношения (внутренняя конфликтность, самообвинение) и высказываниям отрицательного отношения к себе как субъекту осуждения.

Второй фактор объединил категории Я-высказываний, что говорит о единстве методических приемов при отнесении высказываний осужденных о себе к определенному типу.

В третьем факторе показатели отрицательного самоотношения (внутренняя конфликтность, самообвинение), высказывания отрицательного отношения к себе, объективные описания, упоминания родственных уз и семейных отношений, увлечений и интересов, стиля жизни и отношения к ней соотносятся с отрицательным факторным весом положительного самоотношения (открытость, отраженное самоотношение) и высказываниям интеллектуальных характеристик.

Факторный анализ показателей самоотношения и типов психологических защит (см. приложение 1 таблица 48) выявил следующую структуру.

В первый фактор вошли типы психологических защит. Второй фактор объединил показатели самоотношения. Третий фактор объединил показатели положительного самоотношения (открытость, самоуверенность, отраженное самоотношение, самоценность), противопоставив им показатели отрицательного самоотношения (внутренняя конфликтность, самообвинение) и тип психологической защиты «рационализация».

Факторный анализ показателей типов Я-концепций и категорий Я-высказываний (см. приложение 1 таблица 46) осужденных выявил следующую структуру.

Первый фактор составляют типы Я-концепций. Второй фактор объединяет категории Я-высказываний с позитивным типом Я-концепции. В третий фактор входят категории Я-высказываний. В четвертом факторе позитивный и самодостаточный типы Я-концепций соотносятся с высказываниями отрицательного отношения к себе, об отношении к жизни с отрицательным факторным весом.

Факторный анализ показателей суверенности психологического пространства и категорий Я-высказываний (см. приложение 5 таблица 49) осужденных выявил следующую структуру.

Первый и третий факторы объединяют категории Я-высказываний. Второй фактор составляют показатели суверенности психологического пространства. В четвертом факторе привычки осужденных, высказывания о жизни и отрицательного отношения к себе, субъективные описания противопоставляются высказываниям интеллектуальных характеристик, суверенности территории и миру вещей.

Пятый фактор объединил показатели суверенности физического тела, территории, привычек и высказывания о себе как о субъекте осуждения, об отношении к жизни, увлечениях и интересах, интеллектуальных характеристик себя.

Факторный анализ категорий Я-высказываний и типов психологических защит (см. приложение 5 таблица 50) осужденных выявил следующую структуру.

В первом факторе типы психологических защит объединены с объективными высказываниями о себе и противопоставлены высказываниям отрицательного отношения к себе и субъективным самоописаниям.

Во втором факторе категории Я-высказываний стоят в оппозиции с типом психологической защиты «уход».

При диадном сопоставлении компонентов Я-концепции осужденных существует единство и взаимное дополнение показателей: 1) шкалы самовосприятия и самоотношения, 2) шкалы самовосприятия и суверенности психологического пространства, 3) шкалы самовосприятия и категорий Я-высказываний, 4) самоотношения и суверенности психологического пространства, 5) самоотношения и типов Я-концепций, 6) самоотношения и категорий Я-высказываний, 7) самоотношения и типов психологических защит, 8) типов Я-концепций и категорий Я-высказываний, 9) суверенности психологического пространства и категорий Я-высказываний, 10) категорий Я-высказываний типов психологических защит. Типы психологических защит не входят в диадное единство многих составляющих, поэтому исключим его из дальнейшего анализа.

Проведем факторный анализ показателей суверенности психологического пространства, самоотношения, типов Я-концепций и категорий Я-высказываний. Факторный анализ показателей выявил следующую структуру Я-концепции осужденных (см. таблицу 26).

Таблица 26

Факторное отображение структурной организации составляющих Я-концепции осужденных

Показатели методик		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Суверенности психологического пространства	Физического тела				58	
	Территории				67	
	Мира вещей	23			72	
	Привычек				69	
	Социальных связей				67	
	Ценностей				75	
Самоотношения	Открытость	38		-19		-19
	Самоуверенность	78				
	Саморуководство	65				19
	Отраженное самоотношение	66			21	-26
	Самоценность	73				
	Самопринятие	62				
	Самопривязанность	70				
	Внутренняя конфликтность	-37			-32	47
Самообвинение	-38			-22	48	

Типы Я-концепций	Неудачника			85		
	Позитивная	39	19	65		
	Самодостаточная	30		71		
	Компенсирующая			79		
	Обманщика			80		
Категории Я-высказываний	Положительное отношение к себе		90			
	Отрицательное отношение к себе	-39	34			
	Объективные описания себя					74
	Субъективные описания себя		92			
	Субъект осуждения	-21	56			
	Родственные узы и семейные отношения					68
	Увлечения, интересы	23	45			25
	Стиль жизни, отношение к ней		49			23
	Интеллектуальные характеристики		51			-32
ДОД, %		14	10	11	11	07

Первый фактор объединил показатели позитивного самоотношения, суверенность мира вещей, позитивный и самодостаточный типы Я-концепций и высказывания своих интересов и увлечений; показатели «внутренняя конфликтность», «самообвинение», высказывания отрицательного отношения к себе как субъекту осуждения входят в данный фактор с отрицательным весом.

Второй фактор самоописаний объединил категории Я-высказываний (положительное и отрицательное отношение к себе, субъективные описания, субъект осуждения, увлечения и интересы, стиль жизни и отношение к ней, интеллектуальные характеристики) с позитивным типом Я-концепции.

В третьем факторе типы Я-концепций стоят в оппозиции с показателем открытости. Типы Я-концепций выражают поверхностное проникновение в себя, закрытое (защитное) отношение к себе.

В четвертый фактор суверенности входят показатели суверенности психологического пространства, отраженное самоотношение; они соотносятся с показателями «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение» с отрицательными факторными весами. Содержание данного фактора отражает представление прочности границ психологического пространства, низкую внутреннюю конфликтность, способность вызывать у других уважение, понимание, обвинение в неудачах и промахах других людей или обстоятельств.

Пятый фактор объединил показатели «внутренняя конфликтность», «самообвинение», объективные описания себя, высказывания родственных уз и семейных отношений, увлечений и интересов, стиля жизни и отношения к ней, противопоставив их показателям положительного самоотношения (открытость, отраженное самоотношение) и упоминаниям интеллектуальных характеристик в самоописаниях.

Факторный анализ составляющих Я-концепции, показателей ответственности и формально-динамических свойств индивидуальности. Проанализируем факторную структуру типов Я-концепций и ответственности (см. таблицу 27).

0ààèèòà 27

Факторный анализ показателей ответственности и типов Я-концепций

<i>Ī īēāçïòāēē</i>			<i>Ōāēòīōū īīñēā ādāuīāī ēÿ</i>				
Опросник	Компоненты	Параметры	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Ответственность	Динамический	Эргичность	58	-23			40
		Аэргичность				83	
	Мотивационный	Социоцентричность	79				
		Эгоцентричность			76	42	20
	Когнитивный	Осмысленность	78		21		
		Осведомленность			75		
	Результативный	Предметность	80				
		Субъектность	46		67		
	Эмоциональный	Стеничность	78				
		Астеничность	25		23	51	
	Регуляторный	Интернальность	77				21
		Экстернальность		27	26	72	
	Трудности	31			57		
Типы Я-концепций	Неудачника			87			
	Позитивная			36		81	
	Самодостаточная			42		72	
	Компенсирующая			77		22	
	Обманщика			80		19	
ДОД, %			22	14	10	12	09

В первый фактор с наибольшими факторными весами входят гармонические составляющие всех компонентов ответственности (динамического, мотивационного, когнитивного, результативного, эмоционального и регуляторного).

Второй фактор объединяет типы Я-концепций с регуляторным компонентом ответственности – экстернальность, показатель динамическая эргичность входит в данный фактор с отрицательным факторным весом. Выделенные типы Я-концепций характеризуются с позиции переложения ответственности на других людей и обстоятельства при поведенческой активности осужденных.

Третий фактор с наибольшим факторным весом составляют агармонические компоненты ответственности (мотивационная эгоцентричность, когнитивная осведомленность, результативная субъектность, эмоциональная астеничность и регуляторная экстернальность)

Пятый фактор говорит о том, что позитивный и самодостаточный типы Я-концепций осужденных соотносятся с динамической эргичностью, мотивационной эгоцентричностью, регуляторной интернальностью в ответственности.

Данные факторной структуры типов Я-концепций и показателей ответственности позволяют говорить нам о взаимосвязанности и дополнении типов показателями ответственности.

Проанализируем факторную структуру типов Я-концепций и формально-динамических свойств.

Из данных таблицы 28 можно заметить, что в первом факторе компенсирующий тип Я-концепции объединен со скоростью, пластичностью и эргичностью в психомоторной и интеллектуальной сферах формально-динамических свойств индивидуальности. В четвертом факторе позитивный и самодостаточный типы Я-концепции объединены с показателями пластичности в психомоторной и коммуникативной сферах; им противопоставлен тип Я-концепции неудачника с отрицательными факторными весами. В пятом факторе компенсирующий тип Я-концепции осужденных соотносится с пластичностью в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах формально-динамических свойств индивидуальности.

Table 28

Факторный анализ типов Я-концепций и формально-динамических свойств

<i>Ί γένεση</i>			<i>Οαέοίθυ ί γένεση</i>				
			Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Формально-динамические свойства	<i>Психомоторная сфера</i>	Эргичность	68		30	19	
		Пластичность	68				20
		Скорость	51			63	23
		Эмоциональность			84		
	<i>Интеллектуальная сфера</i>	Эргичность	75		-24		
		Пластичность	33				72
		Скорость	67				22
		Эмоциональность			84		
	<i>Коммуникативная сфера</i>	Эргичность				76	
		Пластичность			31	30	70
		Скорость	39		-19	39	52
		Эмоциональность			86		
		Неудачника		87		-20	
		Позитивная		66		42	
		Самодостаточная		71		40	
		Компенсирующая	25	77			23
		Обманщика		83			
ДОД, %			15	18	15	10	09

Итак, типы Я-концепций у осужденных связаны с формально-динамическими свойствами индивидуальности.

Соотношение отдельных составляющих Я-концепции позволяет проанализировать общую факторную структуру (см. таблицу 29).

Факторный анализ составляющих Я-концепции, показателей ответственности и формально-динамических свойств

<i>Í íéáçò áëë</i>		<i>Óáëóíðí ííëá áðáíáíéç</i>					
		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	
Суверенности психологического пространства	Физического тела				-22	46	
	Территории					64	
	Мира вещей					72	
	Привычек					61	
	Социальных связей					69	
	Ценностей					77	
Самоотношения	Открытость	21		-20		30	
	Самоуверенность	67					
	Саморуководство	36	21			28	
	Отраженное самоотношение	62				29	
	Самоценность	59			27	23	
	Самопринятие	36	23		24		
	Самопривязанность	50		-29	22	22	
	Внутренняя конфликтность	-55	20			-34	
	Самообвинение	-52	26			-31	
Опросник ответственности	Динамический компонент	Эргичность	37	46			
		Аэргичность	-29	24	-39		
	мотивационный	Социоцентричность		75			
		Эгоцентричность		24	-29	33	
	когнитивный	Осмысленность		73			23
		Осведомленность		38		29	
	результативный	Предметность	24	74			
		Субъектность		60		24	
	эмоциональный	Стеничность		71			
Астеничность		-33	48			-35	

	регуляторный	Интернальность		65			
		Экстернальность	-38	32	-21	39	-22
	трудности		-33	41	-25	20	
Формально-динамические свойства	Психомоторная сфера	Эргичность	34	39			
		Пластичность	47	21			
		Скорость	65	28			
		Эмоциональность	-27	44			-30
	Интеллектуальная сфера	Эргичность	56	13			
		Пластичность	45	12			
		Скорость	68	21			
		Эмоциональность	-21	45			-22
	Коммуникативная сфера	Эргичность	45		-19		
		Пластичность	24	26			
		Скорость	65				-20
		Эмоциональность	-46	46			-24
Типы Я-концепций		Неудачника				81	
		Позитивная	38			66	
		Самодостаточная	33			69	
		Компенсирующая	21			69	
		Обманщика				78	
Категории Я-высказываний		Положительное отношение к себе			77		
		Отрицательное отношение к себе	-32	25	39		
		Объективные описания себя		21	38		
		Субъективные описания себя			80		
		Субъект осуждения			59		
		Родственные узы и семейные отношения		27	35		
		Увлечения, интересы			39		
		Стиль жизни, отношение к ней			47		
		Интеллектуальные характеристики		-38	38		

Первый фактор, условно назовем «Идеальное Я», включает показатели:

1. Позитивного самоотношения (открытость, самоуверенность, саморукводство, отраженное самоотношение, самооценność, самопринятие, самопривязанность); показатели внутренней конфликтности и самообвинения входят в данный фактор с отрицательным факторным весом;

2. Позитивный, самодостаточный, компенсирующий типы Я-концепций;

3. Высказывания отрицательного отношения к себе с отрицательным факторным весом;

4. Компоненты ответственности:

гармонические – динамическая эргичность, результативная предметность; агармонические компоненты с отрицательным факторным весом – динамическая аэргичность, эмоциональная астеничность, регуляторная экстернальность, трудности;

5. Показатели формально-динамических свойств: эргичность, пластичность, скорость в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах; эмоциональность с отрицательным факторным весом.

Фактор «Идеального Я» осужденных включает предпочитаемые типы Я-концепций (позитивный, самодостаточный и компенсирующий), положительное самоотношение, правильное понимание ответственности, формально-динамические свойства индивидуальности. Можно предполагать единство компонентов самоотношения, типов Я-концепций, категорий Я-высказываний, показателей ответственности, формально-динамических свойств индивидуальности.

Второй фактор – «Ответственное Я» – составили показатели положительного самоотношения (саморукводство, самопринятие, внутренняя конфликтность, самообвинение); категории Я-высказываний (отрицательное отношение к себе, объективные описания себя, родственные узы и семейные отношения, интеллектуальные характеристики с отрицательным факторным весом); все показатели ответственности; составляющие психомоторной сферы (эргичность, пластичность, скорость, эмоциональность); интеллектуальной сферы (скорость, эмоциональность); коммуникативной (пластичность, эмоциональность) формально-динамических свойств индивидуальности. Фактор «Ответственное Я» у осужденных характеризует осмысленность ответственности с одновременным амбивалентным сочетанием гармонических и агармонических составляющих на фоне раздражительности, ранимости, неуверенности. Фактор отражает единство компонентов ответственности, формально-динамических свойств индивидуальности, показателей самоотношения, связанных с контролем, и категорий Я-высказываний.

В третьем факторе – «Самоописания Я» – категории Я-высказываний соотносятся с показателями самоотношения (открытости и самопривязанность), ответственности (агармоническими составляющими – динамическая аэргичность, мотивационная эгоцентричность, регуляторная экстернальность, трудности), и коммуникативной эргичностью из формально-динамических свойств индивидуальности с отрицательным факторным весом. Самоописа-

ния осужденных строятся в соответствии с поверхностным пониманием ответственности, привязанности к себе и закрытости от окружающих.

Четвертый фактор – «Эгоистическое Я» – представлен типами Я-концепций, показателями самоотношения (самоценность, самопринятие, самопривязанность), показателями ответственности (мотивационная эгоцентричность, когнитивная осведомленность, результативная субъектность, регуляторная экстернальность, трудности). В оппозиции ко всем вышеперечисленным показателям стоит суверенность физического тела. В факторе «Эгоистическое Я» эгоцентрические показатели соотносятся с суверенностью физического тела с отрицательным факторным весом.

В пятый фактор – «Суверенное Я» – вошли показатели суверенности психологического пространства; показатели положительного самоотношения (открытость, саморуководство, отраженное самоотношение, самоценность, самопривязанность); когнитивная осмысленность ответственности. Этим показателям противостоят показатели отрицательного самоотношения (внутренняя конфликтность, самообвинение); показатели ответственности (эмоциональная астеничность, регуляторная экстернальность) и формально-динамические свойства (эмоциональность, коммуникативная скорость). Фактор «Суверенное Я» включает оценки осужденных, которые способствуют пониманию себя и помогают ясно осознать границы, отделяющие их Я от других.

Таким образом, факторный анализ составляющих Я-концепции, показателей ответственности и формально-динамических свойств позволил подтвердить существование и взаимодополнение компонентов Я-концепции с показателями ответственности и формально-динамическими свойствами. Разные факторы структуры Я-концепции осужденных связаны с показателями ответственности и формально-динамическими свойствами.

Итак, результаты исследования показали, что значимое содержание и общий уровень итоговой Я-концепции осужденных определяется уровнем самоотношения, самовосприятием и пониманием ответственности.

§ 4 Nōāāī āī ēā mñōāāēūrūēō B-ēīī ōāī ōēē īñēāāī ī ūō ē çāēīī īī īñēōōī ūō ēēō

Сравнительный анализ корреляционных связей у осужденных и законопослушных лиц. При сопоставлении корреляционных связей осужденных и законопослушных лиц обнаружилось много различий, некоторые единичные связи, характеризующие только осужденных или только законопослушных лиц, не рассматривались; анализировались, преимущественно, противоположные корреляционные связи.

Сравнивая корреляционные связи показателей самоотношения и шкалы самовосприятия (см. таблицу 30) можно заметить, что выбор у законопослушных лиц отрицательных характеристик себя (тугодум, неуклюжий, зануда, неудачник, слабовольный, раздражительный и др.) коррелирует с показа-

телем самоуверенность с отрицательным знаком, т. е. с неудовлетворенностью своими возможностями, ощущением слабости, сомнением в способности вызывать самоуважение, чего не отмечается у осужденных. Но выбор осужденными положительных характеристик себя (например, «Я хороший друг», «Я общительный» и др.) связан с отношением к себе как уверенному, самостоятельному, волевому человеку. Кроме этого, обнаружены отрицательные корреляционные связи у законопослушных лиц показателей самовосприятия, характеризующих эмоциональную сферу и отношение к другим со шкалой самопринятия: выбор качеств раздражительный, слабовольный, оптимист, обманщик, хороший друг, общительный и других – связан с непринятием своих отрицательных эмоциональных качеств и критичным отношением к себе.

Òààèèöà 29

Коэффициенты корреляции шкалы самовосприятия с показателями самоотношения у осужденных и законопослушных лиц¹

<i>Òèàèà îàì îàîîî ðèÿòèÿ</i>	Показатели самоотношения															
	Самоуверенность		Саморуководство		Отраженное самоотношение		Самоценность		Самопринятие		Самопривязанность		Внутренняя конфликтность		Самообвинение	
	ос	з	ос	з	ос	з	ос	з	ос	з	ос	з	ос	з	ос	з
Я счастливый			21	55		46	40	41			21		-29		-23	
У меня ничего не ладится				-43								-40			22	
Я тугодум		-59		-42		-41										
Я неуклюжий		-59														
Я зануда		-54				-42										
Я неудачник		-60										-45			21	
Я добросовестный									-49							
Я обманщик		-59					-50		-45							
Я интроверт		-58														

¹ *Примечание:* Здесь и в последующих таблицах:

1. Приведены условные обозначения: ОС – осужденные; З – законопослушные лица.
2. Корреляционные связи осужденных выделены жирным шрифтом.
3. Нули и запятые опущены.
4. Указаны только значимые корреляции, начиная с 5 % уровня значимости для законопослушных:
  - ≥ 40 – 5 % уровень значимости;
  - ≥ 51 – 1 % уровень значимости;
  - ≥ 62 – 0,1 % уровень значимости.

Я фантазер		-49						-51							
Я оптимист	27				26		36			-42			-31	-42	-23
Я раздражительный		-53		-41						-40		-65			
Я хороший друг	37						30			-43	22				-23
Я подвержен настроению		-57													
Я общительный	47		27		33		45		27	-43	38		19	-51	-24
Я религиозный	21	-45					29	-48							
Я слабовольный		-59						-45		-45					
Я опрометчивый	-19	-82	28					-55	24						45
Комплексный показатель «меня это радует»						65		44							-42
Комплексный показатель «мне это безразлично»		-62				-63									
Комплексный показатель «мне это неприятно»		-67						-53		-43					
Сумма Я-концепции		-63								-50		-44			

Чувство обоснованности и последовательности как у осужденных, так и у законопослушных лиц связано с выбором качества «Я счастливый», но у осужденных саморуководство сопряжено еще и с общительностью, и с выбором качества «Я опрометчивый».

Сомнение в ценности собственной личности у законопослушных лиц связано с выбором качества «Я религиозный», у осужденных – наоборот, с выбором качества «Я религиозный» связано ощущение ценности собственной личности. Кроме этого, ценность своего Я для других у осужденных отражает выбор качеств оптимист, общительный, хороший друг, чего нельзя сказать про законопослушных лиц.

Выбор качества «Я общительный» у осужденных связан с самопринятием и внутренней конфликтностью, у законопослушных – наоборот, общительность связана с низким уровнем внутренней конфликтности.

У осужденных не выявлено, как у законопослушных лиц, значимых корреляционных связей (см. таблицу 31) суверенности физического тела и социальных связей с положительными характеристиками себя (счастливый, все получается, общительный, оптимист). Кроме этого, у законопослушных имеются корреляционные связи со знаком «минус» отрицательных характеристик себя (неуклюжий, зануда, неудачник) с показателями суверенности территории и социальных связей.

**Корреляции шкалы самовосприятия
с показателями суверенности психологического пространства**

Шкала самовосприятия	Показатели суверенности психологического пространства												
	Физического тела		Территории		Привычек		Социальных связей		Ценностей		Сумма		
	ос	з	ос	з	ос	з	ос	з	ос	з	ос	з	
Я счастливый		53								20		19	
У меня все получается								45					
Я неуклюжий				-48				-43					
Я зануда	-26			-43									-47
Я неудачник	-21			-45				-43	-23			-21	
Я интроверт					19	43							
Я оптимист		49			26				20				
Я подвержен настроению					19	56							
Я общительный		56											
Я опрометчивый										59			
Комплексный показатель «Меня это радует»		52						44					45
Комплексный показатель «Мне это безразлично»				-47				-46					-47

Сравним корреляционные связи показателей самооотношения и суверенности психологического пространства.

Из табл. 32 можно увидеть, что у осужденных нет корреляционных связей показателей открытости с суверенностью физического тела, мира вещей и социальных связей. Кроме этого, нет корреляций показателей внутренней конфликтности с суверенностью физического тела, отраженного самооотношения с суверенностью социальных связей.

**Сравнение коэффициентов корреляций показателей самооотношения
и суверенности психологического пространства осужденных
и законопослушных лиц**

Nài ñòííòáíèá	Nòáàðáí í ñòüí ñèòèíáè-áíèíá í ðíñò ðáíñò áá								
	Физического тела		Мира вещей		Социальных связей		Общий балл		
	ос	з	ос	з	ос	з	ос	з	
Открытость		56		63		52			
Саморуководство			26	58			20	55	
Отраженное самооотношение			24			47	27	64	
Самопринятие	-24	-53			18				
Внутренняя конфликтность		-43	-21				-35		

Сравнивая корреляционные связи показателей самооотношения и типов психологических защит, можно отметить, что контрольную группу отличает корреляционная связь показателя открытости и механизма психологической защиты «замещение» ($r=50^*$)¹. Больше корреляционных связей с показателями самооотношения у контрольной группы не обнаружено.

Сравним различия корреляционных связей осужденных и законопослушных лиц показателей самооотношения и типов Я-концепции.

Группа осужденных (см. таблицу 33) отличается корреляционными связями позитивного типа Я-концепции с показателями самооотношения:

самоуверенность ($r=38^{***}$), отраженное самооотношение ($r=25^{**}$), самооценность ($r=45^{***}$), самопринятие ($r=25^{**}$), самопривязанность ($r=32^{**}$). Позитивный тип Я-концепции осужденных отличает самостоятельность, надежность, ощущение силы своего Я, чувство симпатии к себе, чего не наблюдается в корреляционных связях законопослушных лиц. В позитивном типе Я-концепции у законопослушных лиц противоположно группе осужденных наблюдается отрицательная корреляционная связь с самопринятием, т. е. позитивный тип связан с критичностью в своих планах. Тип Я-концепции неудачника у законопослушных лиц отличается неудовлетворенностью своими возможностями, сомнениями в ценности в собственной личности. Есть отличия в наличии корреляционных связей у законопослушных лиц в типе Я-концепции обманщика: она связана с неуверенностью ($r=-65^{***}$), с неприятием себя ($r=-47^*$). Компенсирующий тип Я-концепции осужденных связан с самоуверенностью ($r=28^{**}$) и самооценностью ($r=34^{***}$), у законопослушных лиц наоборот – с неуверенностью ($r=-63^{***}$) и сомнениями в собственной личности ($r=-48^*$). У законопослушных лиц, кроме этого, присутствует корреляционная связь компенсирующего типа Я-концепции с показателем самопринятие ($r=-47^*$).

Таблица 33

Сравнение коэффициентов корреляций показателей самооотношения и суверенности психологического пространства осужденных и законопослушных лиц

<i>Показатели самооотношения</i>	<i>Типы Я-концепции</i>							
	Позитивная		Неудачника		Обманщика		Компенсирующая	
	ос	з	ос	з	ос	з	ос	з
Самоуверенность	38			-78		-65	28	-63
Отраженное самооотношение	25					-45		
Самоценность	45			-42			34	-48
Самопринятие	25	-46				-47		-47
Самопривязанность	32			-43				

¹ Примечание: 1. Нули и запятые опущены.

2. * – $p \geq 5\%$; ** – $p \geq 1\%$; *** – $p \geq 0,1$.

У законопослушных лиц самооценку коррелирует с субъективными высказываниями о себе ($r=52^{**}$). Высказывания об увлечениях и интересах связаны с выбором качеств «Я зануда» ($r=50^*$), «У меня ничего не ладится» ($r=-43^*$), «Я оптимист» ($r=-60^{**}$). Высказывания отрицательного отношения к себе связаны с опрометчивостью ($r=56^{**}$). Механизм психологической защиты «компенсация» коррелирует с выбором качеств тугодум ($r=-44^*$), зануда ($r=-44^*$), интроверт ($r=-52^{**}$).

Чем больше депривированность привычек у законопослушных лиц, тем чаще проявляются механизмы психологической защиты проекция ($r=-67^{***}$), рационализация ($r=-43^*$) и компенсирующий тип Я-концепции ($r=47^*$), чего не наблюдается у осужденных.

Сопоставления факторных структур составляющих Я-концепции осужденных и законопослушных лиц. В факторной структуре шкалы самовосприятия осужденных и законопослушных лиц (см. таблицу 34) обнаруживается достаточно много сходных моментов. В первом факторе как у осужденных, так и у законопослушных, с наибольшими факторными весами объединены отрицательные оценки себя; во втором – положительные. Можно предположить, что самооценки законопослушных лиц и осужденных по выбору у себя положительных и отрицательных качеств, эмоциональному отношению к ним одинаковы. Различия имеются в третьем факторе эмоциональных качеств: у осужденных наибольшими факторными весами вошли качества «раздражительный», «слабовольный», «подвержен настроению» и показатель «все получается» с отрицательным знаком; у законопослушных фактор представлен показателями «раздражительный», «ничего не ладится», «оптимист» с отрицательным факторным весом.

Таблица 34

Факторная структура шкалы самовосприятия у осужденных и законопослушных лиц¹

<i>Осужденные</i>	Фактор 1		Фактор 2		Фактор 3	
	ос	з	ос	з	ос	з
Я счастливый	19		55	46	-28	
У меня ничего не ладится	56			57	-40	43
У меня все получается			35	85	-54	
Я тугодум	84	71				
Я неуклюжий	80	90				
Я зануда	61	80	25			
Я неудачник	72	86				
Я добросовестный			54	56		
Я обманщик	45	88			31	
Я интроверт	60	63				

¹ В таблицах указаны только значимые факторные веса

Я фантазер	30	50	40		28	
Я оптимист	22		29		28	-70
Я человек надежный			69	87		
Я раздражительный	42	46	28		54	56
Я хороший друг	21		57	86	-19	
Я подвержен настроению	46		29		31	
Я общительный			67	40		
Я религиозный	40	47	35		25	
Я умный	25		71			
Я слабовольный	39	92			50	
Я опрометчивый	49	89	27		28	
Комплексный показатель «Меня это радует»			88	94	23	
Комплексный показатель «Мне это безразлично»	76	82				
Комплексный показатель «Мне это неприятно»	61	75	22			
Суммарный балл шкалы самовосприятия	82	85	53	51		

Сопоставляя факторные структуры шкалы самовосприятия и суверенности психологического пространства¹ видно, что у законопослушных лиц положительные характеристики себя находятся в одном факторе с суверенностью социальных связей, чего нет у осужденных. Факторное единство показателей шкалы самовосприятия и показателей суверенности психологического пространства шире у законопослушных лиц, чем у осужденных.

В факторной структуре законопослушных лиц положительное самоотношение находится в одном факторе с показателями суверенности психологического пространства, у осужденных – в положительном самоотношении имеют факторный вес только показатели суверенности территории и ценностей.

В факторной структуре показателей самоотношения и типов Я-концепций типы Я-концепций у законопослушных противопоставлены самопринятию и самопривязанности. Опираясь на этот факт, типы Я-концепций у законопослушных лиц сочетаются с желанием изменяться, тягой к соответствию с идеальным представлением о себе. У осужденных – предполагают ценность для себя и закрытость для окружающих. Кроме этого, у законопослушных лиц положительное самоотношение находится в оппозиции к типам Я-концепции неудачника и обманщика.

У законопослушных лиц типы Я-концепций находятся в одном факторе с отрицательными высказываниями о себе, у осужденных – лишь позитивный тип Я-концепции находится в одном факторе с отрицательными высказываниями о себе.

¹ Таблицы факторных структур законопослушных лиц не приводятся.

Факторные структуры составляющих Я-концепции (см. таблицу 35) у осужденных и законопослушных лиц различны. В первый фактор положительного самоотношения у осужденных включаются позитивный и самодостаточный типы Я-концепций, у законопослушных лиц – положительному самоотношению противостоят типы Я-концепций неудачника и обманщика; кроме этого, в фактор входит больше показателей суверенности психологического пространства.

Таблица 35

Факторное отображение структурной организации составляющих Я-концепции осужденных и законопослушных лиц

<i>Ίεάσθάέε ι άόΊάέέ</i>		Фактор 1		Фактор 2		Фактор 3		Фактор 4		Фактор 5	
		ос	з	ос	з	ос	з	ос	з	ос	з
Суверенности психологического пространства	Физического тела		43		58			58			
	Территории		56					67			
	Мира вещей	23	39					72			
	Привычек							69			44
	Социальных связей		62					67			47
	Ценностей							75			91
Самоотношения	Открытость	38	59			-19	51			-19	
	Самоуверенность	78	78								
	Саморуководство	65	48				56			19	
	Отраженное самоотношение	66	84					21		-26	
	Самоценность	73	67				-54				
	Самопринятие	62			-82						
	Самопривязанность	70			-63						
	Внутренняя конфликтность	-37	-71		-46			-32		47	
	Самообвинение	-38	-73					-22		48	
Типы Я-концепций	Неудачника		-66		52	85					
	Позитивная	39		19	68	65					
	Самодостаточная	30			63	71					39
	Компенсирующая				69	79					
	Обманщика		-70		52	80					
Категории Я-высказываний	Положительное отношение к себе			90			-88				
	Отрицательное отношение к себе	-39		34							80
	Объективные описания себя							90	74		
	Субъективные описания себя			92			-85				
	Родственные узы и семейные отношения							80	68		
	Увлечения, интересы	23		45				81	25		
	Интеллектуальные характеристики			51			-64			-32	

Второй фактор у осужденных объединил высказывания осужденных о себе с позитивным типом Я-концепции; у законопослушных в четвертом факторе есть объединение некоторых категорий Я-высказываний, но нет объединения с типами Я-концепций.

Третий фактор у осужденных представлен типами Я-концепций на фоне закрытости от окружающих, у законопослушных лиц есть объединение во втором факторе типов Я-концепций с низкой внутренней конфликтностью, самопринятием, самопривязаностью; т. е. типы Я-концепций у законопослушных связаны с изменением себя.

Четвертый фактор «суверенного Я» у осужденных объединил показатели суверенности психологического пространства с показателями положительного самоотношения; у законопослушных – в пятом факторе есть объединение показателей суверенности психологического пространства с самодостаточным типом Я-концепции и высказываниями отрицательного отношения к себе. Значит, у законопослушных лиц отрицательные высказывания о себе имеют ценность для себя и окружающих.

Пятый фактор у осужденных объективных описаний себя представлен показателями низкой внутренней конфликтности, обвинением в неудачах других, закрытостью, саморуководством, неспособностью вызывать у других уважение (низкое отраженное самоотношение). У законопослушных похожей структуры не выявлено.

В результате сопоставления факторных структур, составляющих Я-концепции осужденных и законопослушных лиц, необходима наиболее детальная проработка и выявление частных составляющих.

При сопоставлении факторных структур составляющих Я-концепции, показателей ответственности и формально-динамических свойств индивидуальности осужденных и законопослушных лиц обнаружены непохожие 5-ти факторные модели Я (см. таблицы 36, 37).

Соотношение факторных структур осужденных и законопослушных лиц требует более тщательного анализа.

Сопоставление составляющих Я-концепции, показателей ответственности и формально-динамических свойств осужденных и законопослушных лиц с помощью t-критерия Стьюдента. При сопоставлении осужденных и законопослушных лиц по суммарным баллам составляющих Я-концепции, показателей ответственности и формально-динамическим свойствам, подавляющее большинство параметров имеют достоверные отличия менее чем на 0,1 % уровня значимости. Осужденные и законопослушные лица не имеют значимых различий в большинстве типов психологической защиты, позитивном, самодостаточном, компенсирующем типах Я-концепций и др. (показатели представлены в приложении 2 таблице 51).

Давая сравнительную характеристику осужденным и законопослушным лицам (см. таблицу 38), можно выделить значимые отличия всех составляющих Я-концепции, а также показателей ответственности и формально-динамических свойств индивидуальности.

Факторный анализ составляющих Я-концепции, показателей ответственности и формально-динамических свойств

		<i>Γεααδαιε</i>	Факторы после вращения									
			Фактор 1		Фактор 2		Фактор 3		Фактор 4		Фактор 5	
			ос	з	ос	з	ос	з	ос	з	ос	з
Суверенности психологического пространства	Физического тела			-69					-22		46	
	Территории								42		64	54
	Мира вещей			-71							72	
	Привычек							51			61	
	Социальных связей								48		69	58
	Ценностей					47		52			77	
Самоотношения	Открытость		21	-46			-20			44	30	43
	Самоуверенность		67									78
	Саморуководство		36	-57	21					42	28	
	Отраженное самоотношение		62								29	60
	Самоценность		59		17				27	-51	23	61
	Самопринятие		36		23				24			45
	Самопривязанность		50				-29		22		22	76
	Внутренняя конфликтность		-55	49	20	-41					-34	
	Самообвинение		-52		26						-31	-55
Опросник ответственность	Динамический компонент	Эргичность		37		46			-82			
		Аэргичность		-29		24		-39	55			
	мотивационный	Социоцентричность				75			-74			
		Эгоцентричность				24	-74	-29		33		
	когнитивный	Осмысленность				73			-76		23	
		Осведомленность				38				29		51
	результативный	Предметность		24		74			-52			
		Субъектность				60			-82	24		
эмоциональный	Стеничность				71			-64				

	регуляторный	Астеничность	-33		48						-35	
		Интернальность		82	65			-80				
		Экстернальность	-38		32		-21	76	39		-22	
ТР трудности			-33	62	41		-25		20			
Формально-динамические свойства	Психомоторная сфера	Эргичность	34	-61	39	43						
		Пластичность	47		21			-39				
		Скорость	65	-66	28			-43				
		Эмоциональность	-27	49	44			55			-30	
	Интеллектуальная сфера	Эргичность	56			75						
		Пластичность	45	-54								
		Скорость	68		21	87						
		Эмоциональность	-21	60	45						-22	
	Коммуникативная сфера	Эргичность	45	-86			-19					
		Пластичность	24	-51	26							
		Скорость	65	-48				-43			-20	
		Эмоциональность	-46	59	46						-24	
Типы Я-концепций		Неудачника						81			-82	
		Позитивная	38			71			66			
		Самодостаточная	33			63			69			
		Компенсирующая	21					59	69			-50
		Обманщика							78			-84
Категории Я-высказываний		Положительное отношение к себе					77			-82		
		Отрицательное отношение к себе	-32		25	41	39	49				
		Объективные описания себя			21		38					
		Субъективные описания себя					80				-80	
		Родственные узы и семейные отношения			27		35				40	
		Увлечения, интересы		67			39					
		Интеллектуальные характеристики			-38		38				-70	

Модели Я осужденных и законопослушных лиц

<i>0àèò íðí</i>	<i>Ñíð0ááèÿpùèá 0àèò íðíá</i>	
	<i>Íñèäáí íúá</i>	<i>Çàèííííñè0óí úá</i>
Первый фактор	« Идеальное Я »: показатели позитивного самоотношения; позитивный, самодостаточный, компенсирующий типы Я-концепции	« Ранимое Я »: взятие ответственности на себя соотносится с пассивностью в коммуникативной сфере, отрицательными эмоциями и депривацией пространства личности, способствует трудностям в работе
Второй фактор	« Ответственное Я »: осмысленность ответственности и достигаемого ответственного результата с одновременным амбивалентным сочетанием гармонических и агармонических составляющих на фоне раздражительности, ранимости, неуверенности	« Самодостаточное Я »: позитивный и самодостаточный типы Я-концепций, показатели эргичности в психомоторной и интеллектуальной сферах, низкая внутренняя конфликтность, низкая мотивационная эгоцентричность, суверенность ценностей
Третий фактор	« Самоописывающее Я »: категории Я-высказываний; показатели самоотношения (открытости и самопривязанность); агармонические составляющие ответственности и коммуникативная эргичность формально-динамических свойств индивидуальности с отрицательным факторным весом. Самоописания осужденных строятся в соответствии с поверхностным пониманием ответственности, привязанности к себе и закрытости от окружающих	« Агармоническое, компенсирующее Я »: компенсирующий тип Я-концепции, высказывания отрицательного отношения к себе, показатели суверенности ценностей и привычек, агармонические компоненты ответственности (динамическая аэргичность, регуляторная экстернальность), гармонические компоненты представлены отрицательным факторным весом (динамическая эргичность, мотивационная социоцентричность, когнитивная осмысленность, результативная предметность, эмоциональная стеничность, регуляторная интернальность)
Четвертый фактор	« Эгоистическое Я »: эгоцентрические показатели ответственности и самоотношения, суверенность физического тела с отрицательным факторным весом	« Открытое Я »: показатели самоотношения (открытость, саморуководство, самооценность с отрицательным факторным весом), суверенности социальных связей и территории, категории высказываний о себе
Пятый фактор	« Суверенное Я »: оценки осужденных, которые способствуют пониманию себя (показатели положительного самоотношения агармонические показатели ответственности, эмоциональность, коммуникативная скорость, формально-динамических свойств) и помогают ясно осознать границы, отделяющие их Я от других (показатели суверенности психологического пространства)	« Положительное Я »: показатели положительного самоотношения, суверенность социальных связей и мира вещей, с противоположным факторным весом типы Я-концепций неудачника, компенсирующий и обманщика

t-критерий составляющих Я-концепции, показателей ответственности и формально-динамических свойств у осужденных и законопослушных лиц

Показатели		ОС	З	t-критерий ¹	Значимость %
Суверенности психологического пространства	Физического тела	8,15	9,14	-1,94	10
	Территории	8,99	10,05	-2,03	5
	Привычек	8,19	9,09	-1,65	10
	Ценностей	9,38	10,59	-2,11	5
	Общая сумма суверенности	49,71	54,73	-2,31	5
Самоотношения	Самоуверенность	9,60	11,23	-2,71	1
	Отраженное самоотношение	5,50	6,86	-2,58	1
	Внутренняя конфликтность	8,47	4,59	4,45	0,1
	Самообвинение	6,22	4,55	3,00	1
Ответственности	Динамическая эргичность	24,13	26,23	-1,79	10
	Динамическая аэргичность	19,66	15,64	3,44	1
	Мотивация социоцентрическая	22,54	25,18	-2,10	5
	Мотивация эгоцентрическая	19,57	16,32	2,63	1
	Когнитивная осведомленность	21,20	18,23	2,15	5
	Эмоциональность астеническая	20,69	18,00	2,19	5
	Регуляторная экстернальность	19,85	14,73	4,37	0,1
	Трудности	21,10	18,14	2,68	1
	Мотивационно-смысловой компонент (гармоничность)	73,31	79,82	-2,05	5
	Активная сторона ответственности (гармоничность)	49,10	53,14	-1,95	10
	Активная сторона ответственности (агармоничность)	43,35	40,36	1,68	10
	Направленность ответственности (гармоничность)	48,94	52,91	-1,71	10
	Направленность ответственности (агармоничность)	40,78	34,55	2,77	1

¹ Знак «-» перед t-критерием говорит о большем среднем значении показателей законопослушных лиц по сравнению с осужденными.

	Регулирующая сторона ответственности (агармоничность)	40,50	34,18	3,09	1
	Комплексный параметр ответственности	235,19	262,27	-4,22	0,1
Формально-динамические свойства	Эргичность психомоторная	31,30	33,55	-1,78	10
	Эргичность интеллектуальная	30,49	32,76	-2,15	5
	Пластичность коммуникативная	29,39	25,86	2,85	1
	Скорость интеллектуальная	31,04	33,73	-2,07	5
	Эмоциональность психомоторная	29,78	26,41	2,58	1
	Эмоциональность коммуникативная	29,54	25,91	2,54	1
	Индекс интеллектуальной активности	90,15	95,95	-2,02	5
	Индекс общей эмоциональности	91,44	82,55	2,32	5
	Индекс общей адаптивности	190,75	207,50	-1,90	10
Типы психологических защит	Вытеснение	2,09	3,27	-2,02	5
	Уход	2,34	4,32	-3,04	1
Шкала самовосприятия	У меня ничего не ладится	0,96	0,59	2,60	1
	Я неудачник	0,65	0,19	3,11	1
	Я обманщик	0,82	0,32	2,47	5
	Я фантазер	1,90	0,86	3,50	1
	Я оптимист	1,62	2,32	-2,20	5
	Я раздражительный	0,93	0,55	1,91	10
	Я подвержен настроению	1,51	0,64	3,19	1
	Я слабовольный	0,90	0,36	2,52	1
	Комплексный показатель «мне это неприятно»	3,83	2,55	2,03	5
	Общее количество выбранных шкал	12,99	10,55	1,86	10
Типы Я-концепций	Неудачник	17,80	10,64	2,31	5
	Обманщик	20,01	9,82	2,82	1
Категории Я-высказываний	Объективные описания	0,08	0,19	-2,20	5
	Интеллектуальные характеристики	0,02	0,04	-1,66	10

Исследуемую группу осужденных характеризуют значимые отличия в показателях *суверенности психологического пространства*. У осужденных ниже показатели суверенности физического тела, территории, привычек, ценностей. Сильнее, чем у группы законопослушных лиц, осужденными переживается дискомфорт, вызванный запахами, принуждением в физиологических потребностях. У осужденных фрустрированы базовые потребности – в пище или комфорте, они могут проявляться в насильном кормлении, неудобной позе, жестоком обращении. Непринятие временной формы организации жизни осужденными выражается в насильственных попытках изменить распорядок жизни, проявлениях агрессии по отношению к сотрудникам, неповиновении существующему режиму в исправительном учреждении. Депривированность суверенности ценностей может проявляться в насильственном принятии неблизких криминальных ценностей, господствующих в местах лишения свободы.

Суммарный показатель суверенности у осужденных также имеет значимые отличия от законопослушных лиц: менее прочны у осужденных границы психологического пространства, дающие человеку переживание суверенности собственного «Я», чувство уверенности, безопасности, доверия к миру. Осужденным приходилось больше переживать собственное бессилие в попытке отстоять границы личности, они меньше могут противостоять разрушающим влияниям извне или избегать их. Размерность внутреннего мира осужденных меньше, «контурные точки» описания личности проще устроены, чем у законопослушных лиц.

Самоотношение осужденных имеет значимые отличия по следующим показателям: самоуверенность, отраженное самоотношение, внутренняя конфликтность, самообвинение. Больше, чем законопослушные лица, осужденные не удовлетворены своими возможностями, ощущают слабость, сомнения в способностях. Осужденным характерны представления о том, что их характер и деятельность способны вызывать у других неодобрение, непонимание, неприятие. Более высокий показатель внутренней конфликтности говорит о том, что у осужденных много внутренних сомнений, несогласий с собой на фоне негативного эмоционального фона. Более низкая шкала самообвинения говорит о том, что в своих промахах и неудачах осужденные склонны обвинять окружающих и обстоятельства больше, чем самих себя.

В *типах психологических защит*, в основном, не выявлено значимых отличий. Выборку осужденных отличает использование механизмов психологической защиты «вытеснение» и «уход». У осужденных происходит отстранение и удержание неприемлемого психического содержания вне сознания. Вытесненное содержание ускользает от субъекта и в качестве отдельной категории подчиняется собственным законам.

По шкале *самовосприятия* выявлены значимые отличия по отрицательным оценкам себя. Осужденные более критично, по сравнению с законопослушными лицами, относятся к себе. Имеются значимые отличия по следующим параметрам оценки себя: «у меня ничего не ладится», «я обманщик», «я

неудачник», «я фантазер», «я раздражительный», «я подвержен настроению», «я слабовольный», осужденные меньше, по сравнению с законопослушными лицами, считают себя оптимистами.

У осужденных и законопослушных лиц не выявлено значимых отличий в *типах Я-концепций* – позитивная, самодостаточная, компенсирующая. Выше показатели, чем у законопослушных лиц – в типах Я-концепций неудачника и обманщика: надо полагать, что эти типы у осужденных представлены больше.

В сравнении *категорий Я-высказываний* осужденные меньше дают объективных описаний себя и отмечают интеллектуальные характеристики.

Сопоставляя показатели *ответственности*, можно отметить, что в тех шкалах, где имеются значимые отличия осужденных от законопослушных лиц (в основном, в агармонических составляющих), гармонические компоненты у законопослушных лиц больше, агармонические же больше у осужденных. Комплексный параметр ответственности выше у законопослушных лиц (0,1 % уровень значимости). Осужденные менее ответственны, менее добросовестны, ориентированы на внешнюю реальность, невнимательны к деталям, дают волю эмоциям, не стараются все делать правильно, следуют не общепринятым нормам, а нормам уголовной среды. Можно предположить, что осужденные менее способны брать ответственность за самих себя, не способны полностью принять на себя ответственность за свои чувства, мысли, поступки; другими словами, не способны принять ответственность за свое Я.

Согласно проведенному анализу t-критерия *формально-динамических свойств индивидуальности*, можно отметить, что для осужденных характерны более низкие значения эргичности психомоторной и интеллектуальной скорости; более высокие, чем у законопослушных лиц, значения коммуникативной пластичности, психомоторной и коммуникативной эмоциональности. Для осужденных свойственна более узкая сфера психомоторной деятельности, низкий мышечный тонус, нежелание физического напряжения, низкая вовлеченность в процесс деятельности, избегание работы, двигательная пассивность. Кроме этого, можно еще отметить низкий уровень интеллектуальных возможностей, нежелание умственного напряжения, низкую вовлеченность в процесс, связанный с умственной деятельностью, узкий круг интеллектуальных интересов, невысокую скорость умственных процессов, замедленность выполнения операций при осуществлении интеллектуальной деятельности. Наряду с этим у осужденных отмечается высокая чувствительность (сильное эмоциональное переживание) по поводу расхождения между ожидаемым и реальным результатом, постоянное ощущение неполноценности продукта физической работы, высокая чувствительность (ранимость) в случае неудач в общении, ощущение постоянного беспокойства в процессе социального взаимодействия; неуверенность, раздражительность, легкость вступления в новые социальные контакты переключения в процессе общения, импульсивность.

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПРЕСТУПНИКОВ

Особенности социально-психологической адаптации личности преступников можно рассматривать с различных позиций, выделяя адаптацию к ближайшему социальному окружению, к традициям и нормам общества, к особенностям межличностных отношений, сложившихся в конкретном коллективе.

Социально-психологическая адаптация – это «приведение индивидуального и группового поведения в соответствие с господствующей в данном обществе, классе, социальной группе системой норм и ценностей». В научной литературе пока нет такого определения понятия «социальная адаптация», которое учитывало бы всю сложность и противоречивость процесса и было бы раскрыто и исследовано с позиции социологических, психологических, профессиональных и культурно-идеологических видов адаптивной деятельности человека. Употребление понятия «адаптация» в отечественной литературе связано с определенными периодами развития и направлениями исследований, например, по проблемам трудовой деятельности и, в частности, особенностей приспособления личности преступников к существующим общественным отношениям, нормам, ценностям, традициям общества, в котором живет и действует человек.

Важное теоретическое значение имеет выяснение вопроса о соотношении понятий «социализация» и «адаптация». Д. А. Андреева отмечает, что термин «социализация» более позднего происхождения и является собственным приобретением социологии и социальной психологии.

Социальная адаптация и социализация тесно связаны между собой и характеризуют единый процесс взаимодействия личности и общества. Однако по своему содержанию эти понятия существенно отличаются одно от другого. Первое выражает приспособление, «приноравливание» человека к новым для него условиям деятельности, второе – процесс становления личности.

Адаптация, приобретаемая в ходе индивидуальной жизни, формируется в процессе взаимодействия с окружающей средой и нередко обеспечивается глубокими структурными изменениями организма, который таким образом приобретает отсутствовавшую ранее устойчивость к определенному фактору среды и, следовательно, получает возможность жить в условиях, ранее не совместимых с жизнью, решать задачи, ранее не разрешимые.

При изменении привычных условий жизни появляются факторы, вносящие дезорганизацию в психическую деятельность, регулирующую поведение человека. Возникает необходимость в новых психических реакциях на раздражители, вызванные изменившимися условиями. Относительная дезорганизация психических функций является сигналом для включения механизма регуляции и компенсации, конечный результат действия которого – организация нового уровня психической деятельности в соответствии с изменившимися условиями среды, т. е. включается механизм переадаптации.

Деструктивные последствия фрустрации и конфликта между потребностями личности и ограничениями в их удовлетворении проявляются в двух формах – агрессии и бегстве от ситуации.

Отбытие наказания в местах лишения свободы предполагает изменение правового статуса гражданина, имеет своим следствием резкую перемену условий жизни. Обуславливается это тем, что, находясь в условиях изоляции, осужденные утрачивают постоянные контакты с родственниками, сослуживцами, т. е. изменяются их социальные роли как члена семьи, члена трудового коллектива. Позже это предстоит восстанавливать, налаживать, входить в ритм жизни в условиях свободы. В местах лишения свободы жизнь отбывающих наказание строго регламентирована, многочисленные повседневные нужды решаются с помощью или под контролем администрации, т. е. в известной мере отпадает потребность самостоятельного решения многих повседневных вопросов. Освободившись, каждый должен будет решать их самостоятельно, восстанавливая имеющийся стереотип поведения, руководствуясь представлениями о дозволенных способах удовлетворения потребностей. Практически перед каждым освобождающимся из мест лишения свободы встает вопрос о том, где он будет жить и работать, на чью помощь и поддержку в решении первоочередной важности проблем он сможет рассчитывать и т. п.

Социальная адаптация представляет собой не только процессы приспособления к новой социальной среде после освобождения, освоения новых социальных ролей и функций свободных членов общества, но и исправление и перевоспитание осужденного во время отбывания наказания, которые являются в конечном итоге процессом их нравственной, психологической и организационной подготовки к жизни на свободе, т. е. создаются предпосылки успешного процесса ресоциализации и препятствования возможности рецидиву противоправного поведения.

§ 1. Дієві і дієприслів'я в мові: їхня роль у побудові речення

Не отрицая важную роль природных задатков, современная психология показала, что человек не рождается ни эгоистом, ни альтруистом, ни хулиганом. Все психические свойства личности образуются и проявляются в процессе деятельности, в которой индивид не только самостоятельно познает окружающий мир, но и усваивает опыт предшествующих поколений, их достижения.

Подчеркивая поведенческие характеристики, обозначаются поступки человека в конкретных условиях. Возможны и такие ситуации, в которых «выстрелит» именно особенность психического склада человека (возбудимость, астеничность и т. д.). На этом основан институт «смягчающих обстоятельств (уменьшения ответственности), в том числе и «совершение преступления в состоянии сильного душевного волнения».

Криминологические и психологические исследования свидетельствуют, что большая часть правонарушителей находится на определенной социаль-

но-психологической дистанции от общества и его ценностей. Они отстранены, отчуждены от общества и малых социальных групп.

Отчуждение – это объективный социальный процесс, уходящий корнями в историю разделения труда и выражающийся в деформирующем господстве общественного труда над трудом индивидуальным, общественных отношений над человеком.

Тема отчуждения широко освещается в современной западной философии, где она обычно связывается с научно-техническим прогрессом, урбанизацией, миграцией населения, атеистическим миропониманием.

В западной философии 20-х гг., часто без употребления самого термина «отчуждение», был проанализирован такой аспект как «социальная аномия». Это понятие выражает отношение человека к социальным нормам и ценностям, утрату их значимости, что ведет к отклоняющемуся поведению. Аномия обозначает отсутствие эталонов, стандартов сравнения с другими людьми, которые бы позволили оценить свое место в социальной структуре, выбрать образцы поведения, без чего оно становится неопределенным, колеблясь от нормы к патологии.

Э. Дюркгейм рассматривал аномию как постоянное и нормальное состояние общества. По его мнению, индивиды, лишённые богатства, власти, престижа, неизбежно вступают в конфликт с обществом, пытаясь достичь этих целей и приобрести необходимые для них ценности преступным путем. Р. К. Мертон, пытаясь найти социальные истоки преступного поведения, приходит к тому, что определенные фазы общественного развития порождают такие обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой «нормальный ответ» на возникающую ситуацию.

Американский ученый В. Фокс рассматривает отчуждение как крайнюю форму выражения аномии, как отход от нормального общества и, быть может, как вступление в контакт с другими людьми и целыми группами лиц, сходным образом отстранившимися от общества. Отчуждение не обязательно приводит к преступлению. Оно способно породить и не преступные формы поведения.

Отчуждение личности, прежде всего, проявляется в общении и представляет собой (в психологическом плане) как бы уход человека из межличностного взаимодействия.

Отчуждение (в психологии) – это проявление таких жизненных отношений человека с миром, при которых продукты его деятельности, он сам, а также другие индивиды и социальные группы, являясь носителями определенных норм, установок и ценностей, осознаются как противоположные ему самому (от несходства до неприятия и враждебности). Это выражается с соответствующих переживаниях субъекта: в чувстве обособленности, одиночества, отвержения, потери «Я». В психологии понятие «отчуждение» впервые было использовано З. Фрейдом для объяснения патологического развития личности в чуждой и враждебной его естественной природе культуре. Феноменологически отчуждение выражалось в невротической потере субъектом чувства реаль-

ности происходящего (дереализация) или в утрате своей индивидуальности (деперсонализация). Э. Фромм существенно расширил сферу применения этого понятия. Согласно его представлениям, отчуждение проявляется в 5 формах (от ближнего, от работы, от потребностей, от государства и от себя).

В современной социальной психологии понятие «отчуждение» используется при характеристике межличностных отношений, при которых индивид противопоставляется другим индивидам, группам, обществу в целом, испытывая ту или иную степень своей изолированности. Подобные конфликтные отношения в группе связаны с нарушением опосредованности ценностным содержанием совместной деятельности, с утратой чувства солидарности, когда человек в группе воспринимает остальных как чуждых и враждебных себе, отвергая при этом нормы группы, законы и предписания. Границы между криминальным и некриминальным поведением в обыденной жизни оказываются размытыми. Причиной является не столько незнание большинством людей тонкостей уголовного законодательства, сколько реальное отсутствие четких ориентиров, которые позволяли бы в каждом конкретном случае (особенно если это промежуточные, пограничные варианты) «отделить» поведение нестандартное, контрнормативное, маргинальное от криминального, социально опасного, наказуемого. Не существует ни четко установленного определения абсолютной поведенческой нормы, ни абсолютного понимания девиации. Множественность социумов и соответственно систем социальных ценностей (а также норм и правил поведения) порождает великое множество представлений о том, что именно является девиацией, то есть отклонением от нормы.

Девиантное поведение есть «поведение, отличающееся от норм или принятых в обществе стандартов... которое не удовлетворяет социальным ожиданиям». Девиантность, таким образом, заключается не в самом поведении, а в том факте, что это поведение приходит в столкновение с установившимися в обществе правилами.

Наиболее убедительно эта точка зрения изложена в теории «ярлыков» Г. Беккера. Ряд авторов предлагают различать «первичную» и «вторичную девиации». «Первичная девиация – это собственно ненормативное поведение, имеющее различные причины. Вторичная девиация – это подтверждение (вольное или невольное) того ярлыка, которым общество отметило ранее имевшее место поведение».

Подчеркнем, что речь идет не об отдельных поступках, а о более или менее стабильном выработанном стереотипе поведения или даже о «стиле жизни», тесно связанными с устойчивыми личностными особенностями субъектов такого поведения. На более глубоком собственно психологическом уровне также существует сплошной континуум личностных особенностей, внутри которого крайне трудно провести границу с тем, чтобы отделить личность, тяготеющую к маргинальному, девиантному поведению (от контрнормативного до грубо криминального), от личности, к такому поведению не тяготеющей. Интересной является проблема выявления таких индивидуально-

психологических особенностей, которые определяют способность субъекта, допускающего нестандартное, контр нормативное поведение, все же не выходить за рамки социально приемлемого.

Таким образом, с проблемой социального отчуждения возникает проблема «готовности» к криминальному поведению, выявления своего рода «группы риска», выработки соответствующих критериев – неочевидных, поскольку очевидных критериев нет.

§ 2 Í ðè:éíú, í ðáíÿòñòáíþùèá óñíáóííé áááí òàòèè çàèèþ:áííúõ è æèçíè í à ññíáíää

Особо следует обратить внимание на сложность процесса адаптации лиц, освобождающихся из исправительных учреждений. Рассмотрим ряд причин психологического характера.

- Освобождение не только восстанавливает у осужденного правовой статус свободного гражданина, но и влечет за собой существенное расширение его социальных ролей и функций, например, роль главы семьи со всеми вытекающими отсюда обязанностями и заботами, общественные функции в трудовом коллективе после устройства на работу и т. д. Но в период отбывания наказания он в значительной мере утратил способность выполнять многие обязанности, так как осужденные лишаются необходимой для свободного человека самостоятельности в решении различных повседневных вопросов: распределения заработка и личного времени, заботы о питании и одежде, о различного рода оплатах и т. д. Поэтому у них вырабатывается постепенно жизненная пассивность, притупляющая адаптивные способности, и после освобождения они не всегда могут сразу активно включиться в жизнь общества, которая постоянно требует решения множества вопросов в быту, преодоления трудностей, соблазнов, отрицательных влияний.

- Трудности социальной адаптации лиц, освобожденных от наказания, объясняются также некоторыми их специфическими состояниями, которые особенно влияют на поведение лиц после их выхода на свободу. На первый взгляд было бы логично ожидать от освобожденных радостного, оптимистичного настроения, состояния удовлетворенности, приподнятости. Однако нередко для них более характерно состояние ожидания, тревоги. Этим можно объяснить резкую смену настроения, эмоциональную напряженность, которые возникают нередко под влиянием второстепенных жизненных ситуаций. Такие состояния у освобожденных вполне объяснимы: неуверенность в будущем, тревога о том, как их примут семья и знакомые.

- Психологические трудности социальной адаптации освобождающихся из мест лишения свободы объясняются также тем, что у них значительно и резко расширяются рамки общения. В период отбывания наказания они взаимодействуют в основном только с администрацией исправительного учреждения, с различными группами осужденных, представителями общест-

венных организаций и трудовых коллективов, а также с узким кругом родственников. После освобождения сфера общения расширяется, а это требует определенных социальных позиций. К этому, как показывает практика, бывшие заключенные нередко психологически бывают не подготовлены. Они оказываются не готовыми к быстрому выполнению разнообразных ролей и функций в условиях свободы, в соответствии с требованиями тех социальных групп, с которыми они общаются. Такое психологическое противоречие между степенью готовности индивида к выполнению различных ролей и функций и социальным ожиданием может явиться причиной возникновения конфликтных ситуаций и способствовать отчуждению личности от благоприятного социального окружения. Следовательно, успех социальной адаптации освобожденных будет во многом зависеть от того социального окружения, в котором они окажутся после освобождения, т. е. от многих микрогрупп, в которых они должны выполнять свои социальные роли и функции.

- Важно также учитывать и субъективный фактор: после отбытия уголовного наказания освобождаются лица, разные по степени исправленности, социально-нравственной испорченности, возрасту, состоянию здоровья. Для каждой из этих категорий лиц процесс социальной адаптации будет проходить по-разному. Те бывшие заключенные, которые получили в исправительном учреждении необходимую нравственную и психологическую подготовку к жизни на свободе, не потеряли полезных социальных связей с обществом, могут достаточно быстро и успешно вернуться к полезной деятельности, войти в новую среду, освоить социальные роли. Для других освобожденных, например, отбывших длительные сроки лишения свободы, утративших социально полезные связи, не имеющих достаточной подготовки к жизни на свободе, адаптация к новым социальным условиям более трудна и противоречива. Они, как правило, испытывают трудности в бытовом и трудовом устройстве, налаживании взаимоотношений с ближайшим социальным окружением. В отношении данной категории лиц требуется более активное руководство процессом их социальной адаптации со стороны государственных органов и общественных организаций. Встречается и такая категория бывших заключенных, которые не желают возвращаться к общественно полезной деятельности. Это в основном лица, не вставшие на путь исправления, запущенные в социально-нравственном отношении.

Таким образом, успех социально-психологической адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, зависит от комплекса объективных и субъективных факторов. Прежде всего, он зависит от того, какое влияние на личность освобожденного оказал сам факт отбывания им наказания и применения к нему воспитательных мер; во-вторых, насколько он нравственно и психологически подготовлен к жизни в новых социальных условиях; в-третьих, насколько эффективно государственные органы, трудовые коллективы и общественные организации организуют их трудовое и бытовое устройство, осуществляют контроль за их поведением, проводят воспитательную работу с ними.

Кроме этого, на успешность социально-психологической адаптации бывших заключенных будут влиять три комплекса психологических характеристик, описанных Ф. Б. Березиным:

- 1) определяющие уровень эмоционального напряжения и устойчивость к стрессу;
- 2) особенности микросоциального взаимодействия и степень адекватности межличностных отношений;
- 3) энергетический потенциал и способность к логическому структурированию ситуации.

Положительный эффект социально-психологической адаптации – относительное соответствие состояния и поведения условиям новой среды. Полнота и прочность адаптации характеризуется внутренним равновесием и эффективным функционированием организма, личности. Если же адаптация не наступает, возникают дополнительные затруднения и даже нарушения в регуляции деятельности.

Психологическая и социальная адаптация связаны с волевыми действиями, мышлением, знаниями, мотивами поведения, установками человека. Н. Ф. Феденко определяет социально-психологическую адаптацию как активное установление гармонического равновесия личности с изменяющейся средой на основе перестройки ранее сложившихся навыков, привычек и стиля поведения, формирования нового образа действий и отношений соответствующих требованиям новой обстановки, новой социальной среды и деятельности.

§ 3. Διατάξεις αορών για τη διεξαγωγή έρευνας επί των αλλαγών στην κοινωνική προσαρμογή των κρατούμενων: έρευνα σχετικά με την κοινωνική προσαρμογή των κρατούμενων: έρευνα σχετικά με την κοινωνική προσαρμογή των κρατούμενων

В исследовании особенностей социально-психологической адаптации преступников участвовало 52 мужчины, отбывающих наказание в исправительных колониях сроком от 3 до 5 лет.

Для решения задачи изучения особенностей социально-психологической адаптации осужденных были использованы следующие методики:

Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ), разработанный Маклаковым А. Г. и Чермяниным С. В. Опросник предназначен для оценки адаптивных возможностей личности с учетом социально-психологических и некоторых психофизиологических характеристик, отражающих обобщенные особенности нервно-психического и социального развития. В основу методики положено представление об адаптации как о непрерывном процессе активного приспособления человека к постоянно меняющимся условиям социальной среды и профессиональной деятельности. Эффективность адаптации во многом зависит от того, насколько реально человек воспринимает себя и свои социальные связи, точно соизмеряет свои потребности с имеющимися возможностями и осознает мотивы своего поведения. Искаженное или недостаточно развитое представление о себе ведет к на-

рушению адаптации, что может сопровождаться повышенной конфликтностью, нарушением взаимоотношений, понижением работоспособности и ухудшением состояния здоровья. Случаи глубокого нарушения адаптации могут приводить к грубым нарушениям дисциплины, правопорядка суицидальным поступкам, срыву профессиональной деятельности и развитию болезни.

Опросник содержит 165 вопросов и имеет следующие шкалы:

- «достоверность»;
- «нервно-психическая устойчивость»;
- «коммуникативные способности»;
- «моральная нормативность»;
- «личностный адаптивный потенциал».

Шкала социально-психологической адаптированности (СПА). Шкала социально-психологической адаптированности была разработана известными американскими психологами К. Роджерсом и Р. Даймондом (1954) и адаптирована кандидатом психологических наук Т. В. Снегиревой, членом АПН СССР (1978). С помощью шкалы изучались особенности формирования самосознания в процессе адаптации к новым условиям. В качестве одного из методических инструментов шкала СПА применялась также для измерения адаптации-дезадаптации в связи с изучением эмоционального самочувствия (А. М. Прихожан). Использовалась она и в диагностике и изучении структуры эмоционально-поведенческих нарушений у так называемых трудных детей в условиях массовой школы (В. А. Мурзенко). Как измерительный инструмент шкала СПА обнаружила высокую дифференцирующую способность в диагностике не только состояний адаптации – дезадаптации, но и особенностей представления о себе, особенностей перестройки в возрастные критические периоды развития и в критических ситуациях, побуждающих к переоценке себя и своих возможностей.

Модель отношений человека с социальным окружением и с самим собой, заложенная в основу этого инструмента, исходит из концепции личности как субъекта собственного развития, способного отвечать за свое поведение.

Метод незаконченных предложений. Метод «Незаконченные предложения» применяется в экспериментально-психологической практике изучения личностных свойств человека и, прежде всего, его установок, ценностных ориентаций, отношения к окружающей действительности. Данный тест является разновидностью проективных методов. Он основан на особенностях словесной ассоциации (К. Юнг). Существуют различные варианты теста незаконченных предложений. В основу этого варианта положена методика, предложенная Саксом и Леви. Тест включает 60 незаконченных предложений, которые характеризуют 15 сфер жизнедеятельности человека. В отличие от традиционного варианта, в предложенной модификации было заменено 15 предложений, исключены 3 сферы, незначимые для заключенных и введены новые: отношение к вышестоящим людям, к нормам в преступной среде и другим гражданам. Нами были введены еще 7 незаконченных предложений (см. номера 61–67 на бланке ответов Приложения 3) для оценки отношения к

жизни и собственной судьбе. Каждое предложение, в зависимости от того, как его продолжил испытуемый, оценивается по трем показателям: положительное, отрицательное, нейтральное. Обработка полученных данных была как качественной, так и количественной.

При сопоставлении показателей осужденных и законопослушных лиц по суммарным баллам составляющих социально-психологической адаптации подавляющее большинство параметров имеют достоверные отличия менее, чем на 0,1 % уровня значимости.

Негативное изменение моральных ценностей и морально-психологических качеств являются результатом низкого уровня адаптационных способностей. На социально-психологическую дезадаптацию оказывают влияние три основных фактора:

1. Недостаточная нравственно-психологическая устойчивость к воздействию неблагоприятных факторов внешней среды и ближайшего окружения.

2. Негативное явление, связанное с субкультурой уголовного мира (уголовные обычаи, жаргон, жесты и т. д.) и их проявления в процессе общения со спецконтингентом.

3. Отрицательные явления в организации труда и формировании общественного мнения (неопределенность должностного положения, попустительское отношение к росту профессиональной подготовленности терпимое отношение к ряду правонарушений и их укрытие от учета).

Изменения межличностных контактов, социального статуса, жизненного стереотипа, сложившейся системы взаимодействия с окружением неизбежно требуют пересмотра установок, отношений, представлений о социальных ролях таким образом, чтобы они были адекватны сложившимся условиям. Оценка роли этого процесса в достижении сбалансированности в системе «человек–среда» дала основание рассматривать социально-психологическую адаптацию как самостоятельный аспект психической адаптации.

Поскольку установки, отношения, ролевые структуры представляют собой важные уровни интеграции поведения, нарушения их адекватности у заключенных неизбежно сопровождается ухудшением качества психической адаптации. Наконец, различия показателей у законопослушных лиц и заключенных могут неблагоприятно влиять на целостность сложившихся представлений индивидуума о собственной личности, т. е. на Я-концепцию, сохранение или целесообразное изменение которой является существенной предпосылкой дезадапционного поведения.

Присутствие рассогласованных элементов личностных особенностей заключенных и соотнесение их с характером прохождения адаптационного процесса показало, что успешно адаптирующиеся мужчины отличаются решительностью, устойчивостью к стрессам, расчетливостью, открытостью в общении. Большинство заключенных же характеризуются робостью, неустойчивостью поведения в условиях стресса, завышенной мнительностью, высокой тревожностью в ситуации конфликта.

С одной стороны, социально-психологическая адаптация связана с тенденцией к самореализации, к удовлетворению личностью своих ожиданий. С другой – со стремлением соответствовать тем требованиям, которые к личности предъявляют структура и специфика деятельности, условия ее осуществления, и те социальные группы, под контролем и участием которых эта деятельность протекает. Сбалансированность названных тенденций можно рассматривать как признак социально-психологической адаптации. В условиях мест лишения свободы наличие рассогласованных проявлений в психике заключенных проявляется в дезадаптации к условиям жизни на свободе.

При адаптации к жизни на свободе у заключенных возникают проблемы овладения конкретной профессией, приобретения опыта самостоятельного выполнения профессиональной деятельности. Центральной психологической проблемой на этой стадии является выработка первоначального опыта выполнения профессиональной деятельности. В отечественной психологии почти нет исследований по формированию первоначального профессионального опыта.

По данным исследования, наибольшим препятствием для эффективной адаптации являются следующие особенности личности:

- несформированность высших социальных мотивов, низкий уровень развития нравственных качеств личности, асоциальные тенденции;
- снижение волевого контроля над аффектом и над побуждениями, зависимость от внешних влияний;
- склонность к паническим реакциям, к аффективной дезорганизации деятельности;
- выраженная дисгармоничность личности.

Изучение особенностей адаптации дает нам возможность полагать, что для установления социально полезных отношений, формирования планов профессионального роста заключенным необходимо:

- профессиональное образование (правовая грамотность, владение мерами личной безопасности, освоение тактик поведения в различных ситуациях и пр.);
- знание своих психологических особенностей и проблем;
- умение психологически грамотно взаимодействовать с другими людьми;
- представление о наиболее распространенных вариантах индивидуальных стилей профессиональной деятельности;
- умение самостоятельно выходить из неблагоприятных в психологическом смысле состояний (стресс, страх и пр.). Нравственное, психологическое воздействие на осужденных служит в конечном итоге задаче социальной адаптации, возвращению их к полезной деятельности.

Разговаривая с родственниками о причинах преступного поведения члена семьи и возможных вариантах на будущее, складывается впечатление, что вместе с осужденным отбывали наказание и они. Только наказание для членов семьи складывалось из необходимости иметь какие-либо отношения с исправительным учреждением (приходить на свидания, на встречу с сотрудниками по определенным дням).

Полученные данные нашего исследования позволяют говорить о низких адаптивных возможностях заключенных, что указывает на необходимость разработок индивидуальных психологических программ повышения адаптационного потенциала преступников. Большое место должно отводиться показу перспективы жизненных планов, предостережению о возможных трудностях объективного и субъективного порядка и выработке установки готовности к их определению, подборка специальной литературы по определенной тематике, письма бывших осужденных, успешно прошедших период адаптации после освобождения, просмотр и обсуждение видеофильмов высокого художественного, нравственного содержания с охватом жизненно важных вопросов, проведение тренингов по вопросам социальной психологической адаптации к полной свободе и т. п. Все это должно сводиться к показу перспективы жизненных планов, предостережению о возможных трудностях и выработке установки готовности к их преодолению.

Необходимым условием успешной адаптации заключенных является изменение самооценки и уровня притязаний. У лиц, привыкших «ходить в авторитетах», уровень притязаний и самооценка чаще всего завышены, а у заключенных, стоящих на низших ступенях иерархии, – занижены. Поэтому в первом случае их необходимо снижать, а во втором – повышать. Следует показать пути восстановления социального статуса, трудности, которые при этом ему придется преодолеть, не допустить спекуляции при этих трудностях, развенчать в его глазах идею об искуплении вины перенесенными тяготами и страданиями в колонии.

Итак, перечень базовых задач для успешной социально-психологической адаптации заключенных выглядит следующим образом:

1. Соблюдение требований закона и других, принятых в обществе, правил поведения и гражданского общежития; выработка привычки и привитие навыков к соблюдению порядка и дисциплины, что формирует определенные способности осужденных к выполнению норм и правил поведения после освобождения: в трудовых коллективах, семье, в общественных местах.

2. Достижение необходимого уровня нравственного и правового сознания как наиболее общего показателя ресоциализации личности. Это позволяет осужденным вернуться в общество с наилучшими шансами, после освобождения вести самостоятельную жизнь, активно участвовать в общественной жизни.

3. Воспитание у осужденных чувства позитивной ответственности за свои поступки и порученное дело, такого отношения к отбываемому наказанию, которое адекватно по своему содержанию требованиям норм общечеловеческой морали.

4. Развитие у правонарушителя полезной для общества инициативы, пробуждения чувства самоуважения и уверенности в своих силах, стимулирование заинтересованности в собственном исправлении.

5. Образование и самообразование; повышение общеобразовательного и культурного уровня; сохранение здоровья.

6. Формирование и воспитание навыков сознательного и добросовестного отношения к труду.

7. Закрепление социально значимых межличностных и ролевых отношений, трудовое и бытовое устройство после освобождения. Многие осужденные вследствие неоднократного и длительного пребывания в местах лишения свободы настолько адаптируются к условиям исправительного учреждения, что естественное стремление человека к свободе у них гипертрофируется и принимает порой уродливые формы. Подобное состояние возникает главным образом от того, что изоляция и сроки наказания вызывают ослабление и потерю заключенными социально полезных связей с трудовыми коллективами, общественными организациями, с семьей. Потеря таких связей порождает духовную изоляцию личности, что неизбежно влечет социальное отчуждение индивида от принятых в обществе традиций, норм социального поведения.

При решении подобных задач требуется помощь многих квалифицированных специалистов, в том числе и психологов

ГЛАВА IV. ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

§ 1. I ðíáéäì à áéîéîîæ:áîéèõ ääòäðì èí àí ò èè:íîèè íðáîóííèèà

Рассматривая причины преступлений на различных уровнях, нельзя обойти вниманием вопрос о роли биологических факторов в поведении человека. Дискуссии по этому вопросу активно велись в 60–80-е гг. прошлого столетия, но сейчас они возникают вновь, главным образом в связи с исследованиями ученых-генетиков.

Человек, как известно, существо и биологическое, и социальное. Многочисленными исследованиями достаточно убедительно доказана ведущая роль социальных элементов поведения. Но так же как функционирование любой системы зависит не только от отношений между ее элементами, но и от устройства самих элементов, так и в человеческом поведении необходимо принимать во внимание не только социальные связи и отношения, но и психофизиологические механизмы, реализующие социальное содержание поступков. Это не должно приводить к переоценке знания указанных механизмов, потому что решающую роль выполняют не они, а содержание той информации, которую эти механизмы перерабатывают и реализуют.

Концепции биологической природы преступности сложились в XIX в. как реакция на прежнее теологическое объяснение причин противоправного поведения и доктрину ничем не обусловленной «свободы воли». Это был механический материализм, который вскоре сблизился с позитивизмом, а затем и заменился им. Когда в области социальных наук стало развиваться материалистическое понимание истории и все большее распространение получил социальный анализ общества и происходящих в нем процессов, биокриминологические концепции начали все более заметно отставать от развития науки, приобретая реакционное содержание. Если их основоположники, пусть еще не имея для этого достаточных возможностей и научных оснований, стремились преодолеть идеалистические средневековые представления об извечном предопределении человеческого поведения, показать, что человек – природное существо, действующее по естественным законам, то последователи этих биокриминологических теорий прямо встали на идеалистическую точку зрения, отрицая социальную природу человека и обусловленность его поступков закономерностями общественного развития, классовой и социальной структурой общества. И сейчас, в современных условиях, преодоление биологизаторских представлений о причинах правонарушений имеет важное значение в борьбе демократического направления с реакционным.

Для того чтобы ясно представить позиции обоих направлений, необходимо прежде всего уточнить понятие биологического (естественного) в поведении человека. Нельзя отрицать, что в поведении человека (в том числе и ан-

тиобщественном, преступном), безусловно, имеют место биологические элементы. Таковы, например, некоторые потребности и интересы личности в питании, одежде, отдыхе, воспроизведении потомства и т. д. В современном обществе все эти потребности и интересы имеют несомненную социальную окраску, а их содержание зависит от образа жизни человека, его представлений, взглядов, привычек, обусловленных воспитанием и социальным окружением. Очевидно, что в основе указанных потребностей лежит биологическая необходимость сохранения организма и поддержания рода. Да ведь и сам организм есть биологическая особь, часть живой природы. Биологическое, естественное начало тесно переплетается с социальным в таких свойствах человеческой личности, как эмоции, черты характера, особенности нервной системы и типы реакций на внешние ситуации, воля, память, уровень интеллекта, способности и т. д. Не вызывает сомнения биологическая природа половых и возрастных различий, физического, а иногда и психического состояния индивида. Но биологические свойства личности или поколения в целом могут рассматриваться как причины правонарушений так же, как мы не признаем причиной кражи руку карманного вора, а причиной убийства – пистолет, так и упомянутые природные свойства личности, будучи необходимым условием ее существования и поведения, не являются причинами антиобщественного поведения. А. Н. Леонтьев писал: «Агрессивность как черта личности, конечно, будет представляться у холерика иначе, чем у флегматика, но объяснять агрессивность особенностью темперамента так же научно бессмысленно, как искать объяснение войн в свойственном людям инстинкте драчливости».

Чтобы признать биологические свойства личности причиной правонарушений, необходимо было бы доказать их дифференцирующее влияние, а именно то, что наличие таких свойств вызывает правонарушения, а отсутствие – ведет к общественно полезному поведению. На это в основном и были направлены многочисленные попытки сторонников биологических теорий в криминологии, однако они так и не увенчались успехом. Американский криминолог Ф. Танненбаум, пытаясь найти причины упорной живучести биокриминологических теорий, не без основания утверждал, что объяснение преступности такими чертами личности, как «физические «стигматы», умственная недоразвитость, эмоциональная нестабильность, плохая наследственность, устройство желез внутренней секреции» и т. п., несет идеологическую нагрузку; оно выгодно, ибо «оставляет незатронутым наши установившиеся каноны как теоретического, так и практического характера»¹.

В наше время биокриминологические теории связаны главным образом с концепциями генетики. Основываясь на данных этой науки, установившей существование различных отклонений в хромосомной структуре половых клеток, некоторые биокриминологии связывают преступное поведение с эти-

---

¹ Цит. по: Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. М., 1971. С. 26.

ми нарушениями. Еще в начале XX в. стремились доказать наследственный характер преступности на основе анализа поведения так называемых однойцевых близнецов, характеризующихся полной идентичностью наследственных признаков. Исследования показали, что у них вдвое чаще (72 % против 34 %) встречались случаи сходного поведения (социально полезного или антиобщественного), чем у близнецов неидентичных, а тем более чем у братьев и сестер, не являющихся близнецами. Некоторые исследователи на этом основании делали выводы, что тем самым доказывалась наследственная передача «склонности к преступлению».

Вместе с тем напрашивается иной вывод. У идентичных близнецов наиболее сходны не только условия воспитания в семье, но и индивидуальные психофизиологические особенности. Естественно, что одинаковые социальные (положительные или отрицательные) воздействия, падающие на одинаковую «почву», дают более сходный результат, чем в случаях, когда индивидуальности различны.

Что же касается хромосомных отклонений, то по этому вопросу проведено достаточно большое число исследований. Американский национальный институт психического здоровья, в котором имеется Центр по изучению преступности, еще в 1970 г. опубликовал доклад, содержащий обзор 45 исследований относительно связи хромосомных аномалий с преступностью. Всего было обследовано 5342 преступника, содержащихся в различных исправительных учреждениях США, Англии, Шотландии, Швеции, Австралии, Дании, Канады и Италии. При этом в соответствии с хромосомной теорией была специально подобрана группа лиц высокого роста, что якобы чаще связано с агрессивным поведением при хромосомном нарушении. Из этих специально подобранных лиц указанные нарушения обнаружены у 2 % обследованных, а среди преступников любого возраста – 0,7 %.

Контрольные группы (неправонарушители) составляли новорожденные США и Англии (всего 9700 человек). Среди них хромосомные нарушения обнаружены у 15 человек (0,13 %). Кроме того, было обследовано 9327 человек взрослого населения (непреступников). Аномалии в хромосомах установлены у 9 человек (0,1 %).

Криминогенными признаются пока две хромосомные аномалии: синдром Клайнфельтера (хромосомное половое нарушение у мужчин типа 47/XXY) и синдром «У-дисомии» (хромосомное половое нарушение у мужчин: типа 47/XYU). Заметим, что нормальный набор половых хромосом у мужчин – 46/XY.

Впервые обнаруженная Л. А. Сандбергом в 1961 г. лишняя У-хромосома после исследования в 1965 г. на умственно отсталых 197 преступниках, проведенном Р. А. Джекобс, стала связываться с криминальной предрасположенностью и агрессией ее обладателей. Несмотря на крайнюю спорность по существу и весьма слабую эмпирико-статистическую обоснованность, утверждения буржуазных авторов о криминогенности синдрома Клайнфельтера и «У-дисомии» некритически воспроизводятся некоторыми отечественными генетиками и отдельными криминологами как доказанные.

Подводя итоги исследований, авторы доклада писали: «Несмотря на пространенное мнение, не было установлено, что люди с хромосомными аномалиями ХУУ являются более агрессивными, чем выборочно обследованные преступники с нормальным хромосомным набором».

Более того, представляется маловероятным, чтобы такие разнородные, социально определяемые и предопределяемые проблемы, как делинквентность и преступность, главным образом и непосредственно были связаны с обладанием добавочной хромосомой У. При некоторых условиях черты неконформности и агрессивности, гипотетически приписываемые индивидам с генотипом ХУУ, могут получить социальное одобрение; при других условиях и в другом социальном контексте такое поведение может быть признано абсолютно социально неприемлемым. Вполне возможно, однако, что в отдельных случаях эти и другие хромосомные отклонения и связанные с ними черты генотипа могут повысить уязвимость применительно к развитию социально неприемлемых образцов поведения.

Господствующее мнение участников конференции подчеркивает необходимость получения дополнительных данных, которые могут быть результатом обширных и скрупулезных исследований. До получения такого рода данных какие-либо социальные решения относительно ХУУ индивидов, основанные на их хромосомной конституции, являются неоправданными¹.

Основные закономерности правонарушений не имеют непосредственной связи с какими-либо биологическими свойствами человека. Когда мы говорим о преступности или правонарушениях, то эти явления, видимо, необходимо анализировать по меньшей мере на фоне человеческой популяции, населяющей соответствующую территорию, т. е. целого поколения людей. А такой анализ приводит к выводу, что территориальные, структурные и динамические изменения в правонарушениях и преступности, наблюдаемые за короткое или за более продолжительное время, не находятся в каком-либо соответствии с биологическими, в том числе генетическими, изменениями состава населения.

Иначе быть и не могло. Генотип человека существует фактически без изменений около миллиона лет, физические данные людей, тип нервной системы и другие природные свойства меняются очень медленно, а преступность изменяется самым резким образом не за столетия, а за десятилетия и годы.

К тому же выводу приводит изучение «географии», т. е. территориального распределения, преступности. Например, в двух государствах, населенных немцами, уровень преступности различался: уровень преступности в ГДР превышал уровень преступности в ФРГ в 4 раза. Неужели генотип жителей ГДР после войны стал отличаться от генотипа жителей ФРГ? В разных ре-

---

¹ Цит. по: Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Причины преступности в России: Криминологический анализ. М., 2006.

гионах нашей страны, даже среди русского населения, имеющего одинаковое генетическое происхождение, уровень преступности различается в 4–5 раз. Все это свидетельствует о том, что генетические различия действительно встречающиеся у отдельных людей, практически не оказывают на уровень правонарушений в целом никакого влияния.

Такой вывод неизбежно вытекает уже из того, что нам известно о природе и нормах права, а также и правонарушениях. Признавая, что это явления правовые и социальные, мы тем самым утверждаем их определенную относительность и историческую условность. Если Уголовный и Гражданский кодексы – дело рук человека, а в их основе лежат социальные потребности общества, то было бы странно ожидать биологических изменений в природе человека всякий раз, когда эти кодексы меняются. Только какой-то фантастический механизм мог бы изменять биологические причины нарушений уголовных и гражданских законов.

Биологические и биодемографические «объяснения» преступности и правонарушений связаны и с еще одной концепцией, которую можно назвать концепцией «человеческого разнообразия». Она восходит к известной статье Э. Дюркгейма, утверждавшего, что преступность есть результат естественных отклонений поведения от «среднего типа», характеризующегося соблюдением норм поведения. Эти отклонения, по его мнению, объясняются различиями в человеческой индивидуальности. «Чтобы был возможен прогресс, индивидуальность должна иметь возможность выразить себя», – замечал автор. Но из этого почти бесспорного положения он делал неожиданный вывод: «Чтобы получила возможность выражения индивидуальность идеалиста, чьи мечты опережают время, необходимо, чтобы существовала и возможность выражения индивидуальности преступника, стоящего ниже уровня современного ему общества. Одно немыслимо без другого».

Этот парадокс лишь на первый взгляд кажется пустой абстракцией. На самом деле он демонстрирует глубокую пропасть между подлинной свободой личности и нормами правопорядка, которые существуют в современных обществах. Чтобы выразить свою индивидуальность, человек вынужден выйти за рамки господствующих норм поведения. Э. Дюркгейм не представляет себе такого положения, когда индивидуальность получает полную свободу выражения в условиях соответствующей общественно-экономической формации. Кроме того, само понятие индивидуальности автор толкует в примитивном смысле, имея в виду не всестороннее развитие социально полезных свойств личности, а простое любое отклонение поведения от нормы.

Развивая свою концепцию, Э. Дюркгейм доходит до признания полезности преступности в процессе социальной эволюции. Автор делает еще один парадоксальный вывод: «Итак, преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна... И само преступление уже нельзя понимать как зло, которое необходимо подавлять всеми возможными средствами. Если преступность падает

заметно ниже среднего уровня, нам не с чем поздравлять себя, ибо мы можем быть уверены в том, что такой кажущийся прогресс связан с определенной социальной дезорганизацией».

Статья Э. Дюркгейма написана давно, но содержащиеся в ней идеи находят отражение в зарубежной криминологии и сегодня. Дело в том, что тезис о вечности преступности дает возможность наиболее общим образом «оправдать» ее существование. Некоторые теоретики, сглаживая крайности Э. Дюркгейма, объясняют «вечное» существование преступности просто тем, что человеческая популяция велика и разнообразна. Так же как в природе один и тот же вид растений или животных состоит из массы особей, отличающихся в некотором отношении друг от друга, так и среди людей статистически неизбежны крайние типы: умного и глупца, храброго и труса, правопослушного и преступника. Однако это лишь плоская констатация факта без какой-либо попытки его научного объяснения. Конечно, во всяком обществе есть разные люди. Но если мы отрицаем, что преступники являются таковыми от рождения, то, очевидно, должны найти объяснение, почему они такими стали. А этого-то объяснения и не дают биокриминологические концепции¹.

Динамика преступности совершенно не сопоставима по своим темпам с генетической эволюцией человека. Генотип современного человека сложился еще 40 тыс. лет назад. Конечно, это не означает, что естественный отбор уже окончен. Развитие, в том числе генетическое, – процесс бесконечный, но очень медленный. Преступность же изменяется буквально за годы и десятилетия.

Современная генетика установила, что приобретенные при жизни признаки, даже многие физиологические, не говоря уже о нравственных или правовых особенностях личности, наследовать невозможно. Еще в прошлом веке П. Лафарг отмечал: если признать доказанным фактом, что преступления совершаются лицами, имеющими особую биологическую структуру, то нельзя объяснить ни ежегодных колебаний преступности, ни ее роста².

И. С. Ной, не приводя каких-либо теоретических и эмпирических доказательств, заявлял, что поскольку антисоциальное поведение – поведение специфическое, в его генезисе проявляют себя и определенные гены. Он писал также о генах, программирующих склонность к определенному поведению³. Соглашался с ним К. Чапек и также без результатов каких-либо исследований утверждал, что «в совокупность воздействующих факторов входят и гены, программирующие склонность к преступлению ... социальные инстинкты, с которыми человек уже появляется на свет... доброта, злоба, совесть и т. п. физиологические основы нравственности»⁴.

---

¹ См.: Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность. М., 1982.

² См.: Лафарг П. Соч. М.; Л., 1928. Т. 11. С. 376.

³ См.: Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 144–145.

⁴ Чапек К. Новые задачи и направления марксистской криминологии // Социалистическая законность. 1976. № 2. С. 29.

В отношении такого рода высказываний криминологов вполне можно ограничиться указанием на их голословность и некомпетентность в специальных областях знаний.

Достижения генетики поставили на повестку дня разработку сложной проблемы – генетики поведения. Для всех социальных наук, к которым относятся и науки об антиобщественном поведении, современное «биологическое мышление» обретает новую черту, ибо речь идет о соединении в биологическом познании социологического и морально-этического аспектов. Уточняются и расширяются представления о генетической обусловленности психических явлений, признаваемых ранее сформированными средой. Происходит определенная переоценка соотношения социального и биологического в поведении человека.

Генеалогическая теория (теория семейного дерева) пытается доказать наличие наследственной предрасположенности к преступлениям посредством изучения родословной преступников в нескольких поколениях. В родословной преступников, по данным зарубежных криминологов, всегда много членов семьи, судимых за преступления.

В основе теории конституционального предрасположения лежат взгляды Э. Кречмера (1924), который обосновывал связь между строением тела и психологическими чертами личности. Отсюда, по его мнению, и антисоциальное поведение обуславливается физической конституцией человека.

Кречмеризм было воспринято рядом американских биосоциологов, например У. Шелдоном. По соотношению мышечной, жировой и костной ткани он подразделял людей на три соматических типа, которым, по его мнению, соответствуют три вида темперамента и характера. От отрицательных черт характера У. Шелдоном проводится причинная связь с преступностью.

Последователями Э. Кречмера являлись супруги Глюк, утверждавшие, что так называемый «мезоморфный» тип (с сильным развитием мышц и костей) чаще встречается у преступников, чем у лиц, не совершающих преступлений. Эти статистические выкладки, полностью опровергнуты рядом криминологов. Так, Д. Гиббонс отмечал: «В преступных субкультурах новые члены рекрутируются выборочно, при этом главное внимание обращается на подвижных и мускулистых парней... Слишком толстые или чрезмерно худые и болезненные юноши будут плохими кандидатами для той трудной жизни, которую ведут ее члены; поэтому таких туда не допускают... а если это так, то это уже социальный процесс, а не биологически детерминированный тип поведения»¹.

Расовые теории утверждают, что некоторые расы, например, негров, относительно больше предрасположены к антиобщественному поведению и его определенным видам. В Америке активным сторонником этой теории был Хутон. Криминологи-расисты ссылаются на сравнительный уровень стати-

---

¹ *Gibbans D. Society, Crime and Criminal // Engleword Cliff. 1968. P. 134.*

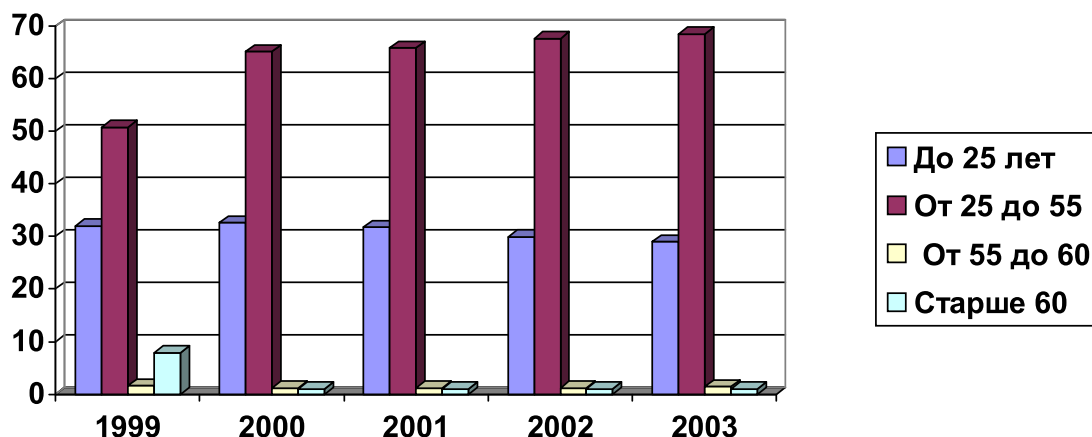
стики судимости негров и белых, «забывая», что это различие связано с экономической и духовной эксплуатацией негритянского населения в США, в результате которой доля лиц, доходы которых ниже официально определенной черты бедности, лиц без образования, безработных, живущих в трущобах, среди негров значительно выше. Не учитывается и расистская ориентация многих судей, прокуроров, работников полиции.

§ 2. Социально-демографическая характеристика преступников

Социально-демографическая характеристика предполагает классификацию по полу, возрасту, семейному положению, трудоспособности и состоянию здоровья, образованию, роду занятий преступников.

Анализ ежегодной (с 1999 г.) среднесписочной численности осужденных позволяет отметить, что в 2003 г. произошло снижение доли осужденных мужчин с одновременным увеличением доли осужденных женщин¹.

Больше половины осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, в настоящее время имеют возраст 25–55 лет (67,7 %). Начиная с 1999 г., таких осужденных стало больше. Осужденных в возрасте от 18 до 25 лет – 29 %. Средний возраст осужденных – 35,6 года (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1. Распределение осужденных по возрасту, находящихся в исправительных учреждениях (%)

Выборочное исследование показывает, что в настоящее время средний возраст осужденных мужчин, поступивших в исправительные колонии строгого режима, составляет 33 года. В исправительных колониях общего режима – 31 год. Средний возраст осужденных женщин – 36,5 лет (2003 г.).

¹ Характеристика личности осужденного (социально-психологический портрет): Учеб.-метод. пособие. М., 2004.

Таким образом, осужденные, отбывающие наказание в ИК, «стареют», а в воспитательных колониях, наоборот, наблюдается тенденция «омоложения» спецконтингента. Самой многочисленной возрастной группой в воспитательных колониях являются осужденные 16–17 лет (68,9 %). Вторая по количеству возрастная группа – 18–19 лет (18,5 %). Доля осужденных этого возраста за последнее время снизилась почти на 3 %. Средний же возраст осужденных, находящихся в воспитательных колониях, составляет 16 лет.

Свыше 60 % осужденных мужчин, находящихся в исправительных колониях, в браке не состоят. Тем не менее, в настоящее время наблюдается некоторое повышение доли осужденных, состоящих в браке (на 9,1 % по сравнению с 1999 г.). Особенно это заметно среди осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях строгого режима.

Обращает на себя внимание тот факт, что у осужденных женщин семьи распадаются в два раза чаще, чем у осужденных мужчин.

Анализируя семейное положение несовершеннолетних осужденных, целесообразно рассмотреть показатель наличия или отсутствия у них родителей или опеки, поскольку в браке из них состоят единицы.

Около 90 % осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях – это подростки, которые воспитывались в семье (зачастую, неполной) или находились на попечении. Доля осужденных несовершеннолетних, являющихся сиротами или лишенных родительского попечения, в последние годы растет. В 1999 г. их было 8,6 %, а в 2003 г. – 10 %.

Большинство осужденных, находящихся в исправительных и воспитательных колониях, являются трудоспособными. Количество таких осужденных, в сравнении с данными переписи 1999 г., возросло.

В последние годы в исправительных учреждениях отмечается улучшение эпидемиологической обстановки, связанной с заболеваниями туберкулезом. Количество больных активными формами туберкулеза по сравнению с 1999 г. снизилось: с 80,5 тысяч до 73 тысяч в 2003 г. (см. диаграмму 2).

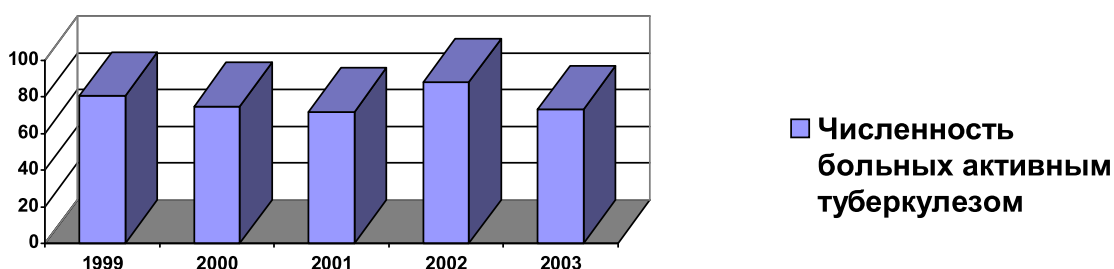

Диаграмма 2. Количество осужденных, находящихся в исправительных колониях и больницах, больных активными формами туберкулеза

Однако число ВИЧ-инфицированных в сравнении с 1999 г. значительно возросло: с 673 человек до 30 тыс. человек в 2003 г. (см. диаграмму 3).

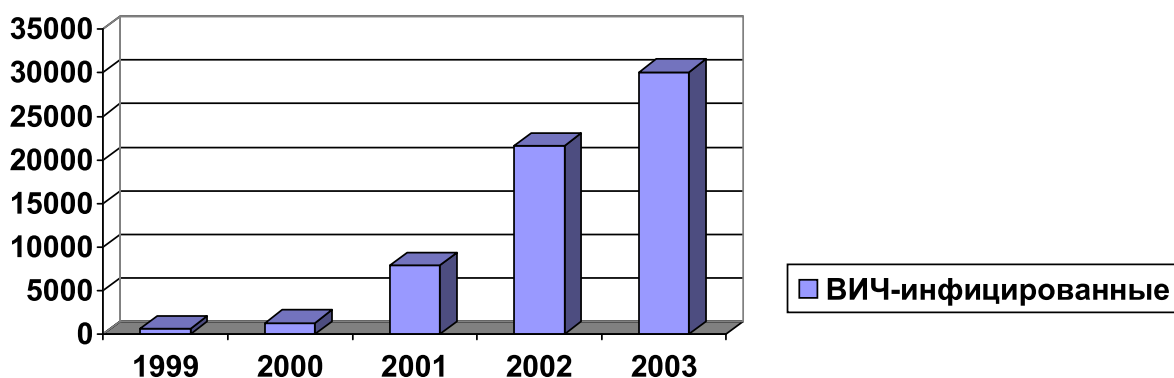

Диаграмма 3. Количество ВИЧ-инфицированных осужденных, находящихся в исправительных колониях

Отмечается некоторая стабилизация осужденных, больных наркоманией, и небольшое повышение доли осужденных, имеющих психические отклонения. В настоящее время в исправительных учреждениях находятся более 100 тыс. осужденных, имеющих психические расстройства, больных наркоманией 102 тыс. человек. Больных алкоголизмом в исправительных учреждениях – 55 тыс. человек.

Анализ показателей образовательного уровня осужденных позволяет сделать вывод об определенной стабильности в этом вопросе на протяжении последних 4–5 лет. Однако по двум показателям – наличие высшего и незаконченного высшего (4,7 % осужденных) и среднего профессионального образования (18,7 % осужденных) – наметилась тенденция увеличения. Доля осужденных, имеющих среднее общее (44,6 %) и неполное среднее (32 %), несколько снизилась. В целом, более 60 % осужденных имеет законченное среднее образование. Прогнозируется дальнейшее повышение образовательного уровня осужденных.

Противоположная тенденция наблюдается в воспитательных колониях. Здесь происходит рост неграмотных и малограмотных осужденных. Кроме того, несколько увеличилась доля воспитанников, которые до совершения преступления учились в специальных школах и специальных профессиональных училищах для несовершеннолетних правонарушителей (на 0,6 % по сравнению с 1999 г.). Показатель учащихся вспомогательных школ, т. е. подростков с недостаточным уровнем интеллекта, знаний и умений, необходимых в этом возрасте, остался на уровне 5 %.

Полученные данные о роде занятий осужденных, находящихся в исправительных колониях, до ареста свидетельствуют о том, что больше половины принадлежит к группе лиц трудоспособных, но без определенных занятий (51 %). По сравнению с 1999 г. их доля снизилась на 5,8%, однако продолжает оставаться высокой.

Следующей по величине является группа осужденных – рабочие (25,7 %). По сравнению с 1999 г. их доля уменьшилась на 3,6 %. Осужденные – служащие коммерческих и частных предприятий составили 4,1 %, работавшие в сельском хозяйстве – 3 %, а учащиеся – 8 %.

Показатели распределения осужденных женщин по роду занятий не намного отличаются от показателей общего состава осужденных, находящихся в исправительных колониях. Так доля не работавших и не учившихся составила – 56 %, рабочих – 25 %, служащих – 7 %, работников частных предприятий – 7 %, учащихся – 3 %, работавших в сельском хозяйстве – 2 %.

В воспитательных колониях в настоящее время почти половина осужденных относится к категории лиц без определенных занятий (49 %). С 1999 г. их количество увеличилось. Одновременно с этим повысилась доля осужденных, которые до направления в воспитательные колонии учились.

Таким образом, практически половина осужденных до ареста нигде не училась и не работала. Образовательный ценз среднего российского осужденного сегодня достаточно низкий и имеет тенденцию к понижению – особенно среди лиц несовершеннолетнего и молодого возраста. Фактически каждый второй из несовершеннолетних осужденных не учился, многие не умеют даже писать и читать. Мы пожинаем плоды реформ, отразившихся на «рыночном» поколении: когда конституционное требование всеобщего полного среднего образования ушло в историю, и законодатель признал достаточность существенно низшего, неполного образования. Абсолютная свобода выбора учиться либо нет до получения полноценного аттестата при снижении государственного контроля за этим процессом привела к безграмотности огромных масс подростков, к тому же резко снизилась и контрольная функция школ и органов образования на местах за посещаемостью детьми учебных заведений. Фактически отсутствует работа с родителями по взаимодействию в воспитании трудных подростков.

Высшее образование «уживается» с изощренными преступлениями, совершенными его обладателями; в первую очередь это представители так называемой «беловоротничковой», должностной преступности. Этому виду преступности не свойственны так называемые «примитивные» общеуголовные преступления (грабежи, разбои, убийства и т. п.), зато по уровню экономической преступности и ущерба, причиненного хищениями, российская коррупция занимает одно из первых мест в мире.

Изучение и учет социально-демографических особенностей личности позволяет установить отличие преступников от не преступников, выявить факторы, влияющие на совершение преступлений¹.

---

¹ Левина Е. А. Социально-психологическая работа с осужденными в зависимости от вида преступления: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2004.

Так, если рассматривать социально-демографические факторы, то криминологи отмечают, что среди преступников значительно больше мужчин, чем женщин. Однако некоторые виды преступлений значительно чаще совершают женщины: хищения чужого имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным полномочиим и некоторые другие.

Данные о социальном положении и роде занятий лиц, совершивших преступления, позволяют сделать выводы о том, в каких социальных слоях и группах, в каких сферах жизнедеятельности наиболее распространены те или иные преступления.

Изучение этих вопросов показывает, что, например, почти половина преступников к моменту совершения преступления не состояли в браке, что вдвое выше, чем число не состоявших в браке среди всего населения. При этом коэффициент преступности среди не состоящих в браке почти в два раза выше, чем среди состоящих в браке. В немалой степени это объясняется тем, что среди совершивших преступления значительную долю составляют молодые люди, не успевшие создать семью.

Интересно отметить, что семьи лиц, состоявших в зарегистрированном браке, прочнее, чем у тех, кто состоял в фактических брачных отношениях.

Существует и другая закономерность: с ростом числа судимостей увеличивается количество лиц, не состоявших в зарегистрированном браке.

Подавляющее большинство лиц, совершающих преступления, участвовали в общественно полезном труде, однако многие из них часто меняли место работы, имели перерывы, иногда значительные в своей трудовой деятельности. Среди не работающих достаточно велика доля преступников-рецидивистов.

Больше всего среди лиц, совершающих преступления, рабочих, значительно меньше крестьян, служащих и учащихся, что повторяет структурное распределение в населении.

На поведение, сферу интересов, круг общения, выбор способа реализации жизненных целей оказывает влияние образование. Данные свидетельствуют о том, что уровень образования лиц, совершающих преступления, ниже, чем других граждан. Самый низкий уровень образования зарегистрирован у лиц, виновных в совершении насильственных, насильственно-корыстных преступлений, хулиганства, наиболее высокий – у совершивших должностные преступления и хищения.

Криминологией давно установлено, что лица молодого возраста чаще совершают преступления агрессивного и импульсивного характера. Противоправное же поведение лиц старших возрастов менее импульсивно, более обдуманно, в том числе и с точки зрения возможных последствий такого поведения. Наконец, возраст во многом определяет потребности, жизненные цели людей, круг их интересов, образ жизни, что не может не сказываться на противоправных действиях.

Возрастные особенности личности преступника можно рассматривать как предрасположенность к совершению преступления, то есть как свойства инди-

вида, понижающие криминогенный порог. Однако реализация этой предрасположенности зависит и от других факторов. Наибольшей криминогенной активностью отличаются представители возрастных групп от 25 до 29 лет, затем следуют 18–24-летние, после них идут 14–17-летние и, наконец, 30–45-летние. Основная масса таких преступлений, как убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, разбои, грабежи, кражи, хулиганства, изнасилования совершаются лицами до 30 лет.

В возрасте от 30 до 55–60 лет у осужденных отмечаются сложившиеся жизненные планы и жизненные смыслы¹. Эта возрастная категория отличается положением, занятым как в обычной жизни, так и тюремной. У них происходит перестройка социальных ролей в связи с разрывом связей с семьей, внуками, или, наоборот, их активизация. Одни ценности начинают доминировать, другие ослабляются или исчезают. Осужденные этого возраста чаще задумываются над своей прошлой жизнью, они самокритичны в оценках окружающих и самих себя. Они более охотно проявляют позитивную направленность, менее склонны создавать группировки и стремиться к занятию более высокого статуса в среде осужденных. Основные ценности сводятся к материальному благополучию, к заботе о здоровье, семье и детях. Имеются особенности у этих возрастных категорий в зависимости от пола. Ценностями для категории осужденных женщин зрелого и пожилого возраста является материальное благополучие. Встречаются и женщины алкоголички, наркоманки, бомжи, бродяги и др.

Осужденные зрелого возраста нередко имеют две и более судимости. Для неоднократно судимых характерно пессимистическое отношение к жизни, недоверие к окружающим, озлобленность и агрессивность (А. Д. Глоточкин, В. Ф. Пирожков, 1975). Они быстрее и прочнее адаптируются в среде осужденных, поскольку знают порядки, обычаи и правила жизни в колонии. Многие из них отличает низкий уровень интеллекта, наличие примитивных представлений и интересов. Длительное пребывание в местах лишения свободы повлияло на то, что они утратили навыки самим решать житейские вопросы. Некоторые, длительно бродяжничавшие, морально деградированы.

Осужденные женщины этого возраста, впервые отбывающие наказание, обычно имеют средний уровень образования, а нередко семью и профессию. Они зачастую заинтересованы в досрочном освобождении и стараются хорошо работать, вести себя примерно, не нарушать режима, менее склонны к гомосексуальным связям (И. В. Михалева, 1997). Часть таких женщин участвует в работе самодеятельных организаций, но мотивы их обычно меркантильны: показать себя администрации, получить льготы, перевестись на улучшенные условия, получить краткосрочный отпуск и т. п. Часть имеющих особо опасный рецидив характеризуется отрицательно. Они агрессивны, неуравновешенны, вспыльчивы, циничны, стараются придерживаться «тюремных» традиций.

---

¹ Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Основы пенитенциарной психологии. Рязань, 2001.

В настоящее время исправительные колонии в основном пополняются людьми трудоспособного возраста, имеющими в большинстве своем среднее образование, наполовину без определенных занятий и не состоящих в браке. Доля осужденных женщин остается практически постоянной на протяжении последних лет. Доля осужденных с ВИЧ-инфекцией значительно выросла.

В воспитательных колониях отбывают наказание осужденные с недостаточным уровнем грамотности, не имеющие профессии, трудовых навыков, а каждый десятый из них лишен попечения.

§ 3. I ñeõĩàòîëĩã: aĩëã ääòãðì èí àí òú èè: íññòè ïðãñòõĩéèã

Большое количество работ посвящено психическим расстройствам преступников и их криминальному поведению. Данные о распространенности психических нарушений среди осужденных сильно варьируются в зависимости от объемов выборки, страны, временных и других факторов исследования. Так, интервьюирование и использование информации из личных дел 1365 мужчин и 404 юношей шестнадцати английских тюрем позволило поставить первичный психиатрический диагноз по международной классификации болезней (МКБ) 37 % осужденных. Основными диагнозами были: злоупотребление психоактивными веществами (23 %), расстройство личности (10 %), невроз (6 %), психоз (2 %) и органические расстройства (0,8 %) (Gunn, Maden, Swinton, 1991). По американским исследованиям, распространенность психических нарушений у осужденных от 16 до 25 %.

Существует зависимость между определенными видами преступлений и видами психических расстройств. Так, обнаружена связь психозов с такими преступлениями, как поджог и преступное причинение ущерба имуществу. У лиц, отбывающих пожизненное заключение в лондонских тюрьмах (большинство из которых убийцы), 9 % имеют симптомы шизофрении, 13 % – депрессии, 33 % – расстройств личности, т. е. свыше 50 % осужденных страдали психическими нарушениями (Taylos, 1986). Определенная часть насильственных и сексуальных преступлений связана с умственной отсталостью. Посттравматическое стрессовое расстройство может быть причиной непредсказуемого агрессивного поведения, приводящего к совершению преступлений. Расстройства личности как категория психических нарушений, наиболее часто связывается с насильственными преступлениями и несет в себе больший риск совершения насилия, чем психоз. Имеются данные о более высоких показателях рецидивизма у психопатических осужденных, чем у непсихопатов (Hare, McPherson, Forth, 1988).

Отмечается также, что криминальная деятельность психопатов идет на спад после 40 лет, что подтверждает их «выгорание» с возрастом. Психопаты описываются как антисоциальные, агрессивные, очень импульсивные лично-

сти, лишённые чувства вины и неспособные формировать прочные узы привязанности с другими людьми. (McCord, 1964)¹. Многие психиатры считают, что подобные личности представляют большую опасность для общества и являются причиной многих тяжких преступлений. Лица подобного типа неспособны сдерживать себя, когда преследуют желанную цель – это одна из ключевых черт психопатической личности. Психопаты отличаются характерным недостатком способности сдерживать тенденцию к непрерывным, ориентированным на достижение цели действиям, даже если эти действия ведут к преступлению и наказанию. Целью могут быть какие-то личные выгоды, деньги, секс и т. п. Психопат не способен принимать ответственность за свои поступки и прогнозировать их печальные последствия. Самое большое значение для психопатической личности имеет достижение непосредственной цели, для чего можно использовать любые средства. Если цель может быть достигнута с помощью угроз или насилия, он осуществит нападение, даже не задумываясь о том, к каким негативным последствиям это может привести.

Роберт Хейр составил список признаков психопатии, куда вошли двадцать пунктов, которые являются отличительными характеристиками психопатов. В этот список, в частности, включены: болтливость и поверхностный шарм, сильное чувство собственной ценности, патологическая склонность ко лжи и обману, бессердечность и недостаток эмпатии, плохой контроль над поведением, неспособность принять ответственность за свои поступки. Преступники, набравшие максимальные показатели по этому списку, намного чаще получали судимость за преступления, связанные с насилием, чем другие преступники и в тюрьме они вели себя жестоко и агрессивно (Hare, McPherson, 1984)².

Социально-психопатологические детерминанты преступлений в форме нервно-психических аномалий, которые при неблагоприятном средовом влиянии могут быть связаны с преступным поведением, криминализироваться, давно изучаются криминологией и юридической психологией. В 20-х годах нередко переоценивалось криминогенное влияние таких аномалий, чаще всего в виде психопатий. Удельный вес неврозов и психопатий среди преступников, по данным криминологов 20-х годов, был завышен³. Происходило это потому, что ненаучно широко трактовалось понятие психического отклонения.

В 60-х годах советские криминологи возобновили изучение социально-психопатологических детерминант преступности. Так, обобщением судебной практики по делам об умышленном убийстве в 1969 г. было установлено, что среди осуждённых за убийство при отягчающих обстоятельствах 40 % составляли лица с психическими аномалиями, не исключаящими вменяемости.

---

¹ Цит. по: Берковиц Л. Агрессия. Причины последствия и контроль. СПб.; М., 2002.

² Цит. по: Берковиц Л. Указ. соч.

³ См., например: Познышев С. В. Криминальные психопаты. М., 1926; Краснушкин Е. Н. Криминальные психопаты современности и борьба с ними // Преступный мир Москвы. М., 1924. С. 190; Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М.; 1984. С. 160.

По данным другого исследования, психические аномалии у насильников достигают 68–71 %, что в 20–22 раза выше аналогичных аномалий у населения¹.

Сопоставление контрольной группы с осужденными, имеющими те или иные психические нарушения, показало, что у обеих групп психические состояния были аналогичными. Однако законопослушных граждан стрессовые ситуации приводили в клинику, преступников же – на скамью подсудимых. Это означает, что нервно-психическая заболеваемость может стать внутренним криминогенным условием при взаимодействии с неблагоприятными условиями формирования личности и ее жизнедеятельности. К числу пограничных психических расстройств относятся некоторые ограниченные поражения головного мозга, психопатологические расстройства, психохарактерологические расстройства и психопатии, в некоторых случаях олигофрения, а также алкоголизм и неврозы. Акцентуации представляют собой крайние виды психической нормы. Все эти психогении возникают главным образом на основе приобретенных в детстве стойких нарушений нервной деятельности при неблагоприятном влиянии внешней среды. Наиболее значительной среди насильственных преступлений с психическими аномалиями оказалась группа лиц с остаточными явлениями поражения нервной системы. Для них характерны такие черты личности, как повышенная возбудимость, конфликтность, упрямство, сиюминутность возникновения и удовлетворения антиобщественных потребностей.

Установлена определенная зависимость между характером психического заболевания и преступлением. Так, олигофрены в три раза чаще, чем хронические алкоголики, совершают изнасилования, а алкоголики в 2,5 раза чаще – умышленные убийства. Исследователи объясняют этот факт тем, что у олигофренов повышенная сексуальность сочетается с ограниченными возможностями ее удовлетворения. Алкоголики в силу значительного снижения потенции реже совершают изнасилования, но чаще вступают в межличностные конфликты².

Имеющийся эмпирический материал позволяет сделать выводы, что у преступников имеет место сдвиг по сравнению с контрольной группой в сторону увеличения доли лиц с невротическими и психопатическими нарушениями, преобладающая часть аномалий связана с психопатическими чертами и остаточными явлениями после травмы, в свою очередь – 80–85 % случаев они приобретены в результате неблагоприятных условий жизни и воспитания, их наличие не связано с необратимыми изменениями психики. Кроме этого, у лиц, имевших аномалии, отсутствует фатальная предрасположенность к преступлению. Психические аномалии усугубляют социальную неадаптированность лица, неадекватность его реакции, но не определяют социальной направленности их конкретных действий.

---

¹ См.: *Антонян Ю. М., Виноградов М. В., Голумб Ц. А.* Преступность и психические аномалии // Советское государство и право. 1979. №7.

² См.: *Белокобыльская Т. К., Голумб Ц. А.* Несовершеннолетние преступники с психическими аномалиями и проблемы ранней профилактики преступлений несовершеннолетних // Вестник МГУ. Сер. Право. 1980. № 2. С. 74–82.

§ 4 Îĩááí îĩòè àçàèî îîòíîøáí èé âĩáî úâ èàé îðè÷èí à ôîðî èðíááí èÿ èè÷îĩòè îðáñòóí í èèà

Человек не рождается преступником, но, к сожалению, нередко им становится. Известно, что формирование личности всякого человека проходит ряд стадий, начиная с раннего детства, а потом в той общественной среде, в которой он живет и учится, работает, проводит свое свободное время и т. д. Это в полной мере распространяется и на преступников, и, конечно, самые ранние, первоначальные формы их поведения закладываются еще в детстве, в условиях семьи, которая играет основную, если не решающую роль в формировании такой личности.

Было бы неверно представлять себе дело таким образом, что родители учат детей преступному ремеслу, хотя существуют и такие случаи. Например, в XIX в. их было больше. Отец-мошенник или вор порой учит и детей этому же ремеслу. Но в большинстве случаев родители стараются воспитать детей в благоприятных условиях и хотят, чтобы выросли умные, способные, образованные и приличные люди.

Есть случаи, когда родители, возможно, и не преступники, но ведут аморальный образ жизни, связанный, например, с пьянством. И многие дети, ставшие затем преступниками, рассказывают, что родители их выгоняли из дома, не кормили; они то учились, то бросали школу; приходя домой, не видели ни ласки, ни заботы о себе, и, конечно, потом они становились молодыми правонарушителями, ворами или другими преступниками. Их преступная «карьера» развивалась по некоей спирали, начальная точка которой – отчуждение от семьи, затем отчуждение от школы, попытка найти сотоварищей такого же типа и, наконец, попадание в более взрослую среду, связь с ранее судимыми. Это так называемая представительная, репрезентативная группа, в которой человек находит удовлетворение и склонность к подражанию.

Семья является традиционно главным институтом воспитания и развития личности. То, что ребенок в детские годы приобретает в семье, он сохраняет в течение всей последующей жизни. Важность семьи как института воспитания обусловлена тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. В ней закладываются основы личности ребенка, и к поступлению в школу он уже более чем наполовину сформировался как личность.

Семья представляет собой малую социальную группу, в которой функционируют особые механизмы взаимоотношений. Считается, что в ней есть субъект (родитель) с определенными личностными чертами и объект влияния – ребенок («чистый лист»). Но следует отметить, что этот «объект» (ребенок) активно реагирует на все оказываемые на него воздействия, влияния и при этом имеет свой генетический код (наследственность). Опыт психологического контакта ребенка с близкими, степень отзывчивости его родных, мера и

степень насыщения всех его потребностей во многом определяют характер ребенка, который формируется с первых лет его жизни.

Семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора воспитания. Положительное воздействие на личность ребенка состоит в том, что никто, кроме самых близких для него в семье людей – матери, отца, бабушки, дедушки, брата, сестры, не относится к ребенку лучше, не любит его так и не заботится столько о нем. И вместе с тем никакой другой социальный институт не может потенциально нанести столько вреда в воспитании детей, сколько может сделать семья.

Именно в семье ребенок получает первый жизненный опыт, делает первые наблюдения и учится как себя вести в различных ситуациях. Очень важно, чтобы то, чему мы учим ребенка, подкреплялось конкретными примерами, чтобы он видел, что у взрослых теория не расходится с практикой. Если ребенок видит, что его мама и папа, которые каждый день твердят ему, что лгать нехорошо, сами того не замечая, отступают от этого правила, все воспитание может пойти «насмарку».

Наряду с традиционными функциями, связанными с рождением и воспитанием ребенка, с решением повседневных проблем, семья призвана быть надежным психологическим «укрытием», помогающим человеку выживать в трудных, быстро меняющихся условиях современной жизни.

Дружинин В. Н. определяет семью как структуру, состоящую из отношений, дифференцируемых по показателям «доминирования – подчинения», ответственности и эмоциональной близости («принятие – отвержение»), а также их динамику. Структура детско-родительских отношений в свою очередь определяет особенности позиций и ролей членов семьи (жена, муж, ребенок и проч.). Именно триаду «ребенок – отец – мать» В. Н. Дружинин считает основной, позволяющей описать детско-родительские отношения.

Под детско-родительскими отношениями понимаются субъективно переживаемые ребенком позиции (я думаю, что моя мать...) относительно каждого родителя. В связи с этим можно вспомнить слова К. Маркса о том, что «...только человек относится, животное – ни к чему и никак не относится», т. е. не имеет своей позиции, своего мнения.

Семья выступает в качестве социального института в последней инстанции, обеспечивая своим членам экономическую, социальную и физическую безопасность; заботу о малолетних, престарелых и больных; условия для социализации детей, молодежи и, что важнее всего, объединяя своих членов чувством любви, общности и давая возможность делить с другими трудности и радости жизни.

Лучший пример – пример родителей. В большинстве случаев дети являются отражением родителей. Конечно же, воспитательная функция на этом не исчерпывается. Можно говорить и о самовоспитании в семье.

Основой современного брака становятся не экономические или статусные, а эмоциональные стороны межличностных отношений. Основные сложности

в общении, конфликты возникают из-за родительского контроля за поведением, учебной подростка, его выбором друзей и т. д. Крайние, самые неблагоприятные для развития ребенка случаи – жесткий, тотальный контроль при авторитарном воспитании и почти полное отсутствие контроля, когда подросток оказывается предоставленным самому себе, безнадзорным.

Криминогенность семейного неблагополучия. Криминально значимые проблемы семьи имеют несколько аспектов. Первый касается взаимодействия семьи с личностью. В результате семья определяет потребности, интересы, установки и другие характеристики личности, способствующие или препятствующие ее противоправному поведению. Второй аспект связан с взаимодействием личности и семьи непосредственно в ситуации совершения преступления и сразу после него. Семья может, в частности: участвовать в сокрытии следов преступления, старается любыми путями помочь преступнику уйти от ответственности и т. п. либо служит фактором, препятствующим совершению преступления, помогает его разоблачению, занимает осуждающую и непримиримую позицию. При этом она оказывает воздействие на личность как целенаправленно, в процессе воспитания, так и стихийно всем своим образом жизни.

Криминологический анализ дефектов семейного воспитания имеет специфическую задачу – установить, опираясь на педагогические и психологические данные, какие именно просчеты семьи и факторы семейного неблагополучия влекут не просто «плохое» поведение подростков, но крайнее его проявление – преступление.

Преступное поведение приобретает значение в связи с социально-психологической атмосферой семьи, нравственными правовыми взглядами, установками, ценностными ориентациями, поведением родителей и других старших членов семьи.

Но, заметим, что криминогенность приходилось наблюдать у совершивших преступление подростков, имевших родителей с высшим образованием и занимавших ответственное служебное положение. Так же нельзя не учитывать и педагогическую позицию семьи. Разногласия между родителями относительно используемых каждым из них воспитательных средств способствует появлению неправильного поведения даже в семьях с положительными отношениями между супругами. Применение ошибочных методов воспитания, по мнению польских авторов, ведет к возникновению у ребенка чувства обиды, а также состояние стресса, переходящее в агрессию, и сопротивляется авторитету родителей. Между ребенком и родителями на этой основе часто возникают острые конфликты, растет чувство взаимной неприязни, в результате чего совершаются побег из дома, кражи и т. п.

В большинстве случаев виновниками бывают отцы. Речь идет прежде всего о пьянстве, частой смене мест работы, оставлении семьи без материальной и иной поддержки, уклонении от уплаты алиментов, крайне аморальном поведении в семье и т. п., когда другой родитель зачастую не в состоянии противостоять пагубному влиянию на детей.

Часто наблюдается самонадеянность и небрежность родителей, это проявляется в случаях, когда родители даже не знают, где находятся в позднее время их несовершеннолетние дети: встречаются с негативизмом подростков, их неверными суждениями, но не пытаются пополнить свои педагогические знания, а действуют «в лоб» с применением оскорбляющих достоинство ребенка средств; выясняют свои отношения при детях; внушают подростку эгоистические и собственнические взгляды, полагая, что они сумеют удержать в рамках требований закона; на глазах у детей фактически ведут себя иначе, чем на словах. Такие родители не заботятся о своевременном выявлении источников негативного воздействия на сына или дочь либо сами, не умея нейтрализовать или устранить такое влияние, не принимают эффективных мер к тому, чтобы получить нужную помощь. Многие зависят от действительности помощи, оказываемой семье государственными органами и общественными организациями. Если в негативной семье ничего не меняется к лучшему и дети из нее не изымаются, наблюдается существенное усугубление их противоправного поведения.

Родители семьи существенно влияют в дальнейшем на положение дел в собственных создаваемых затем их детьми семьях. В частности, негативные семьи, не прививают навыков нормального поведения в них, установления прочих позитивных взаимоотношений между супругами. Нередко женщинами деморализованными становятся девушки из аналогичной среды, склонные к нарушениям норм морали и права, что довершает негативную деформацию поведения молодых супругов. В свою очередь уже дети таких лиц оказываются в крайне неблагоприятных условиях семейного воспитания, криминогенные семьи в этом случае как бы воспроизводят себе подобных.

Семейное неблагополучие приводит к преступному поведению несовершеннолетних, как правило, только во взаимодействии с другими факторами.

Аморальные семьи, калечат детей не только нравственно, но и физически. Не обеспечивают их должного умственного, эмоционального развития, формируют психологические черты характера, своевременно не выявляют различного рода заболеваний и легкомысленно относятся к необходимости лечения детей, причиняют им травмы, в результате побоев и т. п. Дети из таких семей приходят в школу менее подготовленными, чем их ровесники из положительных семей, часто не имеют нормальных условий для приготовления домашних заданий из-за скандалов, устраиваемых пьяными родителями. Это отрицательно сказывается на детях, и они с первого класса начинают отставать в учебе. В результате у них страдает волевое торможение. Нередко таким детям присваивают ярлык «хулигана», «тупицы», «двоечника». У них возникают конфликты с воспитателями, с ровесниками, которым нередко родители запрещают дружить с «плохими детьми». При недостаточном реагировании школы и родительской общественности отрицательные моменты в поведении детей из криминогенно неблагополучных семей усугубляются: став второгодником, ребенок оказывается в классе переростком и, не находя

понимания, поддержки в школе, среди учеников и педагогов, а также в семье, начинает искать их на стороне, чаще всего в кругу своих ровесников или ребят более старшего возраста, находящегося в тех же условиях, что и он сам.

В художественной, публицистической, научной литературе, посвященной описанию феноменологии криминального мира, одним из основных стал тезис об антагонизме семейных отношений. Недаром сам по себе факт женитьбы одного из членов преступного (воровского) сообщества, в недавнем прошлом нашей страны, прямо говорил о выходе этого человека из воровской иерархии (о стремлении «завязать»). И только с распространением рыночных отношений, с появлением возможности обогащаться при этом, не вступая автоматически в конфликт с законом, а, следовательно, с изменением характера преступного мира (с появлением теневой экономики и связанной с ней организованной преступности) появилась возможность успешно сочетать семейную жизнь и незаконный характер предпринимательской деятельности, занимая одновременно, достаточно значимое положение в иерархии преступного мира.

Очевидно, что упоминаемый выше антагонизм прямо связан с разными «социальными векторами», на которые ориентирует человека нормативная семья (сформировавшаяся в христианской культурной среде) и криминальный мир. В свою очередь, эти социальные направления зависят от ключевых функций, выполняемых семьей как институтом.

Примем за аксиому, что нормальная семья (понятие само по себе достаточно условное) – это такая, которая «обеспечивает требуемый минимум благосостояния, социальной защиты и продвижения ее членам и создает потребные условия для социализации детей до достижения ими психологической и физиологической зрелости».

Таким образом человек в криминальных сообществах не реализовывает свои родительские потребности (быть родителем и воспитателем своего собственного ребенка). Другими словами, у человека отсутствует возможность аккумуляции и передачи культурного общечеловеческого наследия в виде определенной иерархии ценностей. И это естественно, так как для лиц, которые не видят в этом наследии ценности, отсутствует и потребность в его усвоении и передаче. Недаром среди тем общения членов антисоциальных сообществ отсутствуют темы, связанные с семьей и детьми. Вариант мафиозной преступности, это вариант именно семьи в собственном понимании, но ведущей незаконный образ жизни.

Опыт работы с осужденными в колонии подтверждает данные статистики о том, что отсутствие в семье отца (в иудео-христианском варианте роли хозяина, верховного распорядителя) даже при номинальном его присутствии, влечет за собой отклонения в системе «мать – ребенок» с чрезмерной нагрузкой на личность ребенка. Результаты работы с разными возрастными группами осужденных показывают, что раннее формирование отклонений в поведении: побеги из дома в 9–11 лет, раннее оставление учебы, употребление одурманивающих веществ, как правило, сочетаются с выраженным конфликтным характером семьи осужденного.

Длительное проживание вне брака, проблемы с устройством собственной семьи, неудовлетворенность работой (частая смена мест работы, отсутствие подходящего возраста и умственному развитию профессионального роста), с относительно поздним началом противоправной деятельности (после 30 лет) устойчиво сочетаются с отсутствием воспитательной роли отца в семье.

При этом собственно материально-бытовые условия проживания родительской семьи определяющей роли на формирование делинквентного поведения не оказывают. Наоборот, парадокс (а может психологически это и не парадокс, а закономерность) в том, что в ходе отбывания наказания молодые осужденные из материально неблагополучных семей чаще демонстрируют признаки ответственности за оставшихся на свободе родственников, чем те осужденные, которые воспитывались в обеспеченных семьях.

Таким образом, опыт свидетельствует, что «проблемной зоной» семейных отношений родительской семьи является эмоциональная привязанность и личное доверие к авторитету воспитывающего лица как к образцу для формирования собственного семейно-брачного поведения.

Объективным «фоном» преступников являются эмоционально-психологические особенности семьи, собственно реакция родственников на совершение сородичем преступления. Как правило, близкие родственники реагируют на преступное поведение двояко: либо относятся к нему как к закономерному явлению в жизни сородича, либо рассматривают случившееся как чрезвычайное происшествие.

Сквозь призму нравственной оценки проступка достаточно четко прослеживаются особенности отношения родственников, как к осужденному сородичу, так и к самим себе. Разговаривая с родственниками о причинах преступного поведения члена семьи и возможных вариантах на будущее, складывается впечатление, что вместе с осужденным отбывают наказание и они. Только наказание для членов семьи складывается из необходимости иметь какие-либо отношения с исправительным учреждением (приходить на свидания, на встречу с сотрудниками по определенным дням).

Преступное поведение несовершеннолетних в последнее время стало одной из самых тревожных проблем нашего государства. Стремительное увеличение числа заключенных в возрасте от 14 до 18 лет требует пристального внимания к данной проблеме.

Очевидно, что с момента своего рождения ребенок непосредственно погружается в конкретное коммуникативное пространство, уже существующее в его семье. Как полагают А. Г. Лидерс и Е. Н. Спирева, детско-родительские отношения – это не только отношения между родителем и ребенком, но и взаимоотношения, взаимовлияние, активное взаимодействие родителей и ребенка друг с другом. Однако «формирование» стиля взаимоотношений в семье, на наш взгляд, хотя это и взаимообусловленный, и обоюдный процесс, но в большей мере процесс, за который отвечают непосредственно все-таки родители, а не ребенок (в силу своей малости, неразвитости самосознания,

финансовой и психологической зависимости от родителей). В связи с этим ребенку ничего другого не остается, как только принять тот стиль взаимоотношений, который навязывает ему его семья.

В проведенном исследовании особенностей детско-родительских отношений преступников участвовало 57 осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях г. Екатеринбурга и Свердловской области. Для решения задачи изучения особенностей взаимоотношений в родительской семье использовались следующие методики:

1. *Анкета оценки уровня криминализации* (адаптированный вариант Е. В. Чернышевой см. в приложении 4). Анкета используется для изучения криминологических характеристик.

2. *Опросник WIPPF* (Висбаденский опросник к методу позитивной психотерапии и семейной психотерапии) Н. Пезешкиана. Методика является результатом 19-летних исследований Н. Пезешкиана в процессе психиатрической, психотерапевтической и психокоррекционной практики. Предназначен для психологов и других специалистов, задействованных в области работы с семейными взаимоотношениями.

3. *Тест «Подростки о родителях»* (АДОР) в модификации Л. И. Вассермана, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромициной. Методика направлена на изучение родительских установок, их поведения и методов воспитания в том виде, какими видят их дети в подростковом и юношеском возрасте. Начиная с 80-х гг. и до настоящего времени эта методика эффективно используется для диагностики детско-родительских отношений к родительской семье и организации социально-психологической помощи. Особая ценность этой методике, считают Е. А. Мухаматулина и Г. Х. Махортова, заключается в том, что она отражает факторы семейного воспитания, которые зачастую оказываются скрытыми как от психологов, так и от самих родителей. С точки зрения Л. И. Вассермана, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромициной, в результатах опросника «проявляется как объективный фактор – действительные отношения и воспитательная практика родителей, так и субъективный фактор – образ, который создан об этих отношениях и о воспитательной практике родителей под влиянием сознаваемых или неосознаваемых факторов».

В отличие от многих существующих методик, тест «Подростки о родителях» (АДОР) соответствует методологическим (психометрическим) принципам построения диагностического конструкта. Кроме того, при всей компактности (всего 50 вопросов) и экономичности, он предельно информативен: методика позволяет получать качественные и количественные характеристики и тем самым осуществлять достаточно развернутый анализ данных. Причем важность получаемой информации имеет высокую прогностичность. Опыт применения методики в консультативной практике свидетельствует и о возможности использования результатов с целью предупреждения возникновения психотравмирующей обстановки в семье.

Следует отметить, что методика прошла апробацию и стандартизацию на большой выборке подростков и молодежи с адаптивным поведением и различными формами проявления дезадаптивного поведения. Причем для осуществления глубокого и дифференцированного анализа полученных данных в методике представлено описание интерпретационных характеристик шкал для различных категорий людей (подростков, молодых мужчин и женщин).

4. *Метод незаконченных предложений* – применялся для изучения личностных свойств человека, его установок, ценностных ориентаций, отношения к окружающей действительности.

5. *Опросник «Стилевая саморегуляция поведения человека»* (ССП-98, В. И. Моросановой). Опросник состоит из 46 утверждений, входящих в состав шести шкал, выделяемых в соответствии с основными регуляторными процессами (планирования, моделирования, программирования, оценки результатов) и регуляторно-личностными свойствами (гибкости и самостоятельности). В состав каждой шкалы входят по девять утверждений. Структура опросника такова, что ряд утверждений входят в состав сразу двух шкал в связи с тем, что их можно отнести к характеристике как регуляторного процесса, так и свойства регуляции. С помощью методики выявляются индивидуальные профили различных регуляторных процессов и уровень развитости общей саморегуляции как регуляторных предпосылок успешности овладения новыми видами деятельности. Но основной интерес эта методика имеет для исследования проблем регуляторных механизмов поведения при различной личностной типологии, развернуто характеризующих индивидуальные профили саморегуляции.

Высокий уровень активности и желание «быть, как все» приводят к бездумному времяпрепровождению, поиску развлечений, употреблению психоактивных веществ. Исследование показало, что большинство молодых людей правонарушения совершали в состоянии алкогольного или наркотического опьянения – 65 %.

Как показали результаты анкетирования, большинство преступлений совершено в группе (71 %), что свидетельствует о повышенной ведомости в отношении более сильной авторитетной личности.

Основными факторами, способствующими совершению преступлений, являются: в 58 % случаев материальное неблагополучие семьи, 31 % сложные отношения с родителями, 23 % – воздействие группы. Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой экономического статуса семьи и межличностных отношений.

Отбывающие наказание преступники по-разному относятся к совершенному правонарушению, что обусловлено как их криминальным опытом, так и личностными качествами. Так, например, признают собственную вину за совершенное преступление 69 %, в остальных случаях виновными считаются подельники, потерпевшие, родители.

Таким образом, выявленные особенности позволяют сделать вывод о том, что семейные условия воспитания влияют на криминогенность подростков и совершение преступлений в будущем.

Анализируя данные проективной методики «Незаконченные предложения», такие сферы, как отношение к родственникам, к семье не имеют выраженности либо имеют отчетливую выраженность и характеризуют дисгармоничную систему отношений. Позитивное отношение в сфере «отношение к друзьям» вполне закономерно, и отражает значимость референтной группы, как правило, асоциальной направленности.

Можно предположить, что причиной формирования личности преступника являются особенности эмоционального отношения в родительской семье. Чаще всего происходит эмоциональное отвержение, и молодой человек, стремясь найти опору, примыкает к группе асоциальной направленности, усваивает ее ценности и нормы. Происходит деформация личности. Приобретенные деформации являются устойчивыми и закрепляются с течением времени. По результатам исследования у преступников, ранее уже имеющих судимость, наблюдаются различия в проявлении качеств, связанных с экстернальным локусом контроля, более высокий уровень тревожности, ярче выражены деформация отношений к будущему и к собственной семье. Поддержка положительных связей с семьей снижает уровень рецидивной преступности, повышает чувство ответственности и долга, способствует успешной адаптации к жизни на свободе.

Особенности детско-родительских отношений осужденных. Согласно субъективным оценкам молодых преступников своих родителей в родительских отношениях преобладает эмоциональное отвержение, игнорирование потребностей ребенка из-за погруженности в собственные дела и переживания. Преступники, испытывая необходимость в помощи и поддержке матери, принимают ее мнение, склонны соглашаться с ней. Такие формы поведения, как властность, подозрительность, тенденция к лидерству отрицаются. Однако наряду с этим наблюдается и выраженная подозрительность, склонность к чрезмерной критике в адрес сына, целью которой является стремление унижить его в глазах окружающих. Заметны и разногласия между родителями относительно используемых каждым из них методов воспитания.

Интересно распределение ролей в родительском воспитании: мать воспринимается более позитивной и автономной, а отец более директивным, враждебным и непоследовательным. Здесь мы имеем классическое распределение ролей в семье, сохраняющей традиционные роли отца и матери. Следовательно, при поиске причин большей асоциальности подростков дело не в особенностях распределения ролей в семье, а большей директивности и непоследовательности родительского воспитания. Согласно полученным данным, у преступников более позитивное отношение к матери, чем к отцу. Отец воспринимается более директивным, враждебным и непоследовательным, чем мать. Мать, в свою очередь, более автономна, чем отец. Выражена и превышает нор-

му непоследовательность родительского поведения. Во все времена велико и ничем не заменимо было место отца в семье. Авторитет отца у преступников значительно ниже из-за сокращения доли участия его в семейных делах.

Согласно данным исследований в области семьи, при нормальных взаимоотношениях в семье супруги обычно всегда делятся между собой своими огорчениями и получают при этом моральную и психологическую поддержку, чего нельзя сказать про семьи преступников.

Согласно полученным данным опросника WIPPF Н. Пезешкиана можно предположить, что еще будучи ребенком молодые люди с выраженным криминальным поведением не удовлетворяли ожиданиям, потребностям родителей, кроме этого – могли совсем не приниматься родителями, быть им безразличны и даже отвергаться. Это привело к неуверенности в родителях, к отсутствию чувства той эмоциональной безопасности, которая должна быть.

Проанализируем корреляционные связи показателей родительского отношения делинквентных подростков (см. таблицу 39).

Таблица 39

Корреляции показателей родительского отношения осужденных¹

N=37

Показатели родительского отношения	Позитивный интерес матери	Директивность матери	Враждебность матери	Автономность матери	Непоследователь- ность матери	Позитивный интерес отца	Директивность отца	Враждебность отца
Враждебность матери	-61							
Автономность матери	34	-37						
Непоследовательность матери	-39		75					
Позитивный интерес отца	50	46			-38			
Директивность отца		46		-35				
Враждебность отца			50		56	-64		
Автономность отца				58				
Непоследовательность отца			63		79		-59	56

Чем выше показатель позитивного интереса со стороны как матери, так и отца ($r=-61^{***}$, $r=-64^{***}$), тем ниже показатель враждебности в отношениях.

¹ 1. Нули и запятые опущены.

2. Указаны только значимые корреляции, начиная с 5 % уровня значимости:

$r \geq 33,5$ % уровень значимости;

$r \geq 43,1$ % уровень значимости;

$r \geq 53,0,1$ % уровень значимости.

3. В тексте нули и запятые опущены; * – уровень значимости корреляции:

* – $r \geq 5$ %, ** – $r \geq 1$ %, *** – $r \geq 0,1$ %

	Враждебность отца	7,28	6,80	0,31	
	Автономность отца	12,68	12,47	0,18	
	Непоследовательность отца	8,56	9,07	-0,47	
Опросник WIPPF	Аккуратность	9,78	8,07	2,69	0,02
	Чистоплотность	9,61	7,00	4,31	0,001
	Пунктуальность	7,96	7,60	0,68	
	Вежливость	9,57	8,60	2,01	0,05
	Честность	8,83	9,40	-0,93	
	Усердие	10,09	7,53	3,55	0,001
	Обязательность	10,48	9,80	1,61	0,2
	Бережливость	8,70	8,20	0,89	
	Послушание	9,65	8,53	2,59	0,02
	Справедливость	7,65	7,33	0,54	
	Верность	10,39	9,00	2,38	0,05
	Терпение	10,30	9,67	1,46	0,2
	Способность распределять время	9,83	9,00	1,91	0,1
	Поиск общения	10,74	9,07	3,48	0,01
	Доверие	9,35	8,27	2,04	0,05
	Надежда	11,00	10,40	1,54	0,2
	Сексуальность	9,17	9,33	-0,29	
	Любовь	10,52	9,53	2,11	0,05
	Вера	8,83	7,60	2,30	0,05
	Тело	6,30	5,80	0,84	
	Деятельность (активность)	9,74	7,13	3,42	0,01
	Способность поддерживать контакты	9,13	7,20	3,28	0,01
	Фантазии	10,17	9,67	1,22	0,2
	Я-отношение к матери	9,87	9,20	0,89	
	Я-отношение к отцу	8,74	7,67	1,12	
	Отношения между родителями	8,43	9,33	-1,17	
	Отношение родителей к окружающему миру	9,14	8,87	0,42	
	Отношение родителей к вопросам мировоззрения	7,09	7,73	-0,84	

Согласно полученным данным можно предположить, что осужденные не доверяют никаким формам воспитательных воздействий.

Давая сравнительную характеристику оценкам подростков своих родителей, можно выделить значимые отличия в показателях позитивный интерес матери и отца. Это означает, что осужденные психологическое принятие матери и отца видят в относительно критическом подходе к ним чаще, чем законопослушные лица, испытывают необходимость в помощи и поддержке как матери, так и отца. Такие формы поведения, как властность, подозрительность, тенденция к лидерству отрицаются.

Исследуемую группу осужденных определяют значимые отличия по некоторым параметрам опросника WIPPF Н. Пезешкиана. Согласно проведенному t-критерию, у осужденных подростков больше проявляется любовь к порядку, скрытая агрессия на социум, подхалимство, рвение, карьеризм, слепое послушание, ригидность, упрямство, поиск общения, привязанность, баблство, попустительство, вера, фанатичность.

При сравнении двух групп принципиально важным является то, что для криминогенных личностей характерна большая выраженность дисгармоничности системы отношений между родителями.

Более половины всех, например, насильственных преступлений совершается на почве семейно-бытовых отношений. А точнее – семейного конфликта. Характерно то, что история семейного конфликта может длиться десятилетиями (например, муж избивает жену в течение всей супружеской жизни вплоть до старости), но трагическая развязка наступает в конце жизни. И бабушка, не выдержав испытаний «последней капли», ударом топора причиняет смерть тому, кто ее терроризировал тридцать лет... Многие и криминологи, и психологи называют такие отношения психологической зависимостью, разорвать которую зачастую не желает ни обидчик, ни обиженный.

Печальный факт, но многие осужденные (как мужчины, так и женщины), имеющие детей, часто не проявляют к ним никакого внимания, не знают, где они проживают и в каких условиях, не поддерживают с ними переписку. Зачастую связь между родителем и ребенком давно уже утрачена, задолго до совершения преступления. Семья для осужденных во многом утратила роль теплого семейного очага, и связи между родителями и детьми зачастую не основаны на любви, дружбе и заботе. Безразличное отношение к семье характеризуют черствость и бездушие, жестокость и цинизм – кстати, очень часто проявляющиеся и в механизме совершения преступления.

Эмоциональное отвержение ребенка родителями может стать причиной формирования личности преступника. Вследствие эмоционального отвержения ребенок начинает воспринимать мир как нечто чуждое и враждебное, угрожающее его существованию. Возрастает тревожность и человек начинает «защищать» свое «Я», свое место в мире, становясь на преступный путь, хотя реальной угрозы, чаще всего, нет.

Недостатки семейного воспитания в системе криминогенных условий занимают видное место. Конфликтный внутрисемейный климат порождает у членов семьи потребность в замещении семейного общения внесемейными контактами, у подростков – бегство из дома.. Отсюда возникает стремление общения с себе подобными «семейными изгоями» в антисоциальных группировках.

В криминогенно-неблагополучных семьях не только нет культа матери, но, наоборот, как раз мать оказывается мишенью для издевательств и ругани. Криминологические исследования неизбежно обнаруживают самую тесную обусловленность преступности несовершеннолетних, и более всего девочек, с антиобщественным поведением матери. Между тем матери-одиночки подвержены такому поведению в наибольшей мере.

тами, а также карцер. Униформу заключенных составлял халат с личным номером на груди и спине. На лодыжке одной из ног был закреплен металлический запирающийся браслет с цепью. Все внешние атрибуты «надзирателей» (форма, дубинка и т. д.) также способствовали идентичности личности с выполняемой социальной ролью. «Надзиратели» работали посменно, а «заключенные» должны были провести в камерах две недели. Видеозапись зафиксировала, что уже с первых часов общения между «заключенными» и «надзирателями» стали устанавливаться отношения враждебности, агрессивности. У большинства «заключенных» наблюдались такие симптомы, как потеря личной индивидуальности (все стали похожи друг на друга), снижение чувства собственного достоинства, подавленность, враждебность по отношению к «надзирателям». Ситуация оказалась настолько сложной, что пятерых «заключенных» пришлось освободить через пять суток, так как они впали в состояние депрессии, часто кричали, сильно ожесточились и проявляли крайнее беспокойство. Один «заключенный» был освобожден после того, как у него на коже появились пятна в результате психического напряжения. Эксперимент, рассчитанный на две недели, пришлось приостановить спустя семь дней.

«Эксперимент с моделированной тюрьмой» наглядно показывает, что, во-первых, социальная изоляция в виде лишения свободы оказывает существенное влияние на психику человека, причем более сильное, чем представляют себе многие работники правоохранительных органов. Во-вторых, именно социальная роль (например, «надзиратель») меняет психологию и поведение человека, побуждая действовать на основе сложившихся социальных стереотипов и экспектаций (ожиданий).

В подтверждение последнего утверждения целесообразно привести в качестве примера еще одно исследование – знаменитый эксперимент американского психолога Милграма (1965).

Ученый формировал у испытуемого установку, что он учитель и должен будет наказывать своих учеников за допущенные ошибки при заучивании иностранных слов. В качестве наказания использовался удар током, напряжение которого постоянно увеличивалось от 15 до 450 вольт с шагом в 15 вольт. На пульте были нанесены цифры с указанием напряжения и пометкой: «слабый удар» (15–60 В), «чувствительный удар» (75–150 В), «очень чувствительный удар» (165–250 В), «опасномощнейший удар» (265–450 В). Как только «ученик» допускал ошибку, экспериментатор требовал от учителя переключить тумблер на одну ступеньку выше, невзирая на крики испытуемых.

Сам С. Милграм, оценивая итоги эксперимента, сказал: «Если бы в Соединенных Штатах была создана система лагерей смерти по образцу Германии, подходящий персонал для этих лагерей можно было бы набрать в любом американском городе средней величины». В целом эксперимент показал, что даже вполне благопристойные люди, когда им поручают общественно значимую деятельность и наделяют властными полномочиями, одновременно снимая индивидуальную ответственность за последствие своих действий, склон-

ны к проявлению неоправданной жестокости ради выполнения поставленной перед ними задачи. Поэтому закономерно, что и в условиях пенитенциарного учреждения, где объектом карательно-воспитательного воздействия являются преступники, т. е. люди, нарушившие закон и зачастую имеющие те или иные человеческие пороки, механизм проявления по отношению к ним жестокости со стороны сотрудников может становиться еще менее личностно болезненным, чем в приведенном эксперименте. Здесь действует своеобразный психологический механизм «дегуманизации противника» – раз он плохой, то по отношению к нему можно применять любые средства. Отмечая реальность действия в исправительных учреждениях данного механизма деформации персонала, Ф. Зимбардо (1974) отмечал, что «надзиратель тюрьмы – такая же жертва системы, как и заключенный». Однако какими бы ни были сложными ситуации, как бы ни «давили» на человека внешние факторы, он всегда сам принимает решения и сам несет за них ответственность.

Криминологи говорят – есть тысяча краж, и все они разные... Действительно, нет абсолютно одинаковых преступлений, так же, как и лиц, их совершающих. Каждый из них обладает своими личностными особенностями. Криминальное поведение в решающей мере обусловлено личностными решениями. Любая личность сочетает в себе как общесоциальные черты, так и особенные, индивидуальные.

Социально-психологические особенности преступников хорошо просматриваются с точки зрения структуры личности А. В. Петровского (1986), который считает, что систему личности составляет человек в групповом взаимодействии, представленность в системе межличностных отношений, в других людях. Так, например, «авторитеты» наказание от администрации пенитенциарного учреждения воспринимают как награду, поскольку оно повышает их статус в среде осужденных. Они намеренно идут на нарушения. Иной статус у «обиженных» или «опущенных», которые занимают нары ближе к двери, сидят за отдельным столом. «Петух» (пассивный гомосексуалист), увидев встречного осужденного, должен прижаться спиной к стене и ждать, когда мимо него пройдут, чтобы случайно не прикоснуться к полноправному, с точки зрения тюремного закона, осужденному.

Социально-психологические особенности преступников отражаются на их внешнем виде, в жестах и позах. Любая форма (например, для преступников, находящихся в исправительных учреждениях, зимой – это фуфайка, сапоги, шапка, летом – черная куртка и брюки) унифицирует человека, заставляет менее ощущать себя личностью и создает такой же эффект со стороны окружающих. Позы и жесты, мимика и пантомимика дают информацию о характерологических свойствах преступников, привычках, состояниях, намерениях и социальном статусе.

О занимаемом в иерархии положении, установках, ценностях, отношениях, степени «бывалости», знании уголовной субкультуры, сексуальной ориентации преступников можно судить по татуировкам. Следует принимать во

внимание, что поведение преступников в большей мере, чем у законопослушных граждан, зависит от обычаев и традиций, которые складываются в их среде. Под влиянием среды у преступников формируется похожесть манер поведения, обращения друг с другом, типичность жестов, поз и речи.

Обусловленность поведения от окружающих похожа на зависимую конформность, когда преступники вынуждены поступать так же, как другие, в противном случае они будут подвергнуты осуждению и отчуждению.

В связи с осуждением у человека происходит перестройка социальных функций и ролей, в частности, он освобождается от семейных функций, функций контроля своего бюджета, времени. Это приводит к изменению требований к себе как личности, к собственным психологическим качествам. У него снижается контроль за своим поведением, повышаются импульсивность и неуравновешенность, усиливается проявление отрицательных черт темперамента, ослабляются тормозные функции воли.

Социально-психологические особенности личности преступников проявляются и после освобождения, в частности, в следующем: ценностно-нормативные ориентации противоречат принятым; многие преступники занимают выжидательную позицию; у них снижается активность вследствие попыток сохранить нейтралитет, появляются агрессия и озлобление в борьбе за влияние, ослабляется или разрушается механизм адаптации, происходят патологические изменения личности (Г.Ф. Хохряков, 1991).

Существует два подхода к изучению механизма социально-психологической деятельности личности преступников: социально-типологический и социально-ролевой (В. Л. Васильев, 1991). В первом случае анализируются социальная позиция личности, соответствующие ей социальные нормы, их восприятие и исполнение. Акцент делается на социальной обусловленности поведения личности как объекта социальных влияний. Социально-типологический подход позволяет понять, какую личность формируют обстоятельства, к каким социальным позициям и ролям она готова, как в соответствующих условиях преодолевать препятствия и разрешать конфликты.

Во втором случае личность рассматривается как активный деятель, субъект общественных отношений. Социально-ролевой подход позволяет увидеть позиции и функции, которые объективно криминогенны, поскольку налагают на личность обязанности, противоречащие праву, и она может выполнить их ценой правонарушения. При этом личность исключается из сферы действия необходимых для нее положительных влияний.

Социально-психологические теории криминального поведения. В изучении криминального поведения с позиции психодинамического подхода существенная роль отводится недостаточному развитию и функционированию такой категории в структуре личности, как суперэго. С этой точки зрения преступность является следствием «неудачного социально-культурного

развития» (Glover, 1960)¹. Возможно, что объяснительная полезность психоаналитических теорий ограничивается лишь «иррациональными» преступлениями, которые совершаются по причине бессознательных конфликтов, возникших в раннем детстве.

В свете *теории криминальности Г. Айзенка* предпринята попытка объяснить, почему отдельные индивиды не могут подчиняться социальным нормам, правилам поведения, авторитетам. Отличительные черты преступников связываются с тремя независимыми шкалами измерений темперамента: нейротизмом – (эмоциональной) стабильностью (**N**); психотизмом – суперэго (**P**); экстраверсией – интроверсией (**E**).

Считается, что нейротизм (**N**) отражает большую реактивность лимбической и вегетативной систем, следствием чего являются более сильные эмоциональные реакции на стресс. Фактор **N** измеряет склонность к тревоге, депрессии, низкой самооценке и негативным переживаниям. В основе фактора **E** лежит уровень возбудимости коры головного мозга, регулируемый активностью ретикулярной формации (кортикоретикулярные связи).

Экстраверты отличаются сравнительно низким уровнем возбудимости и медленным формированием условных реакций, лежащих в основе обучения. Они требуют более интенсивной стимуляции для поддержания «гедонистического настроения» и менее восприимчивы к боли. Экстраверты меньше подвержены страху наказания, труднее поддаются социализации.

Экстраверты, которые к тому же являются невротиками, будут демонстрировать еще более сильные антисоциальные тенденции. Предполагается, что преступники должны иметь и более высокие оценки по шкале **P** (психотизм), что находит выражение в таких чертах личности, как доминантность, враждебность, равнодушие к чувствам других, жестокость, агрессия и т. п., свойственных больше психопатическим личностям. Считается, что группа преступников имеет повышенные средние значения по всем трем измерениям.

Г. Айзенком разработан опросник **EPQ** для измерения показателей **N**, **P**, и **E**, который нашел широкое применение в психодиагностических исследованиях делинквентного поведения. Он подчеркивал, что его теория не может быть применена ко всем преступникам, имеющим различные криминальные карьеры. Этим, возможно, объясняется неоднозначность результатов исследований, направленных на установление взаимосвязей между шкалами **N**, **P**, **E** и характера криминального поведения.

Для изучения склонности к криминальному поведению использовалась *когнитивная теория развития личности Ж. Пиаже* и впоследствии развитая Колбергом. Были **дифференцированы следующие уровни и стадии морального развития индивида:**

1) *предконвенциональный (доморальный) уровень*, на котором моральные и своекорыстные ценности не различаются. На первой стадии превалирует

---

¹ Цит. по: Блэкборн Р. Психология криминального поведения. М., 2004.

ориентация на подчинение и наказание. На второй – акцент делается на удовлетворении собственных потребностей при одновременном признании потребностей других;

2) *конвенциональный уровень*, на котором субъект идентифицируется с окружающими людьми, интернализует правила и ожидания других. На первой стадии этого уровня наблюдается ориентация на межличностное согласие и соответствие ожиданиям другого. На второй – достигается социальное согласие и поддержание системы путем выполнения обязанностей, норм, законов общества или конкретного социального института;

3) *постконвенциональный уровень*, для которого характерно отделение субъекта («Я») от правил и ожиданий других. На первой стадии этого уровня отдается предпочтение таким ценностям, как жизнь и свобода. На последней стадии – ориентация на самостоятельно выбранные универсальные этические принципы справедливости, соблюдения прав и уважения достоинств человека. Законы и социальные соглашения поддерживаются до тех пор, пока они отвечают этим принципам.

Отношения между моральным развитием и делинквентностью сложны. Однако гипотеза о том, что лица с делинквентным поведением будут демонстрировать задержку моральной зрелости, подтверждается результатами ряда исследований. Согласно полученным данным большинство делинквентов находятся на второй стадии предконвенционального уровня. К примеру, матери делинквентов демонстрируют моральные суждения более низкого уровня, чем матери законопослушных граждан. Для рецидивистов характерен низший уровень моральных рассуждений. Есть основания полагать, что лица с делинквентным поведением, демонстрирующие невысокий уровень моральной зрелости, возможно, развиваются с меньшей скоростью, а не останавливаются в своем развитии на предконвенциональном уровне. Высказывается также предположение, что преступления, совершенные подростками, достигшими конвенционального уровня морального развития, тесно связаны с давлением ситуационных факторов, ведущих к внутриличностным конфликтам. В рамках этой гипотезы широкое распространение для измерения уровня моральной зрелости получило так называемое «Интервью моральных суждений» (Moral judgment Interview – MjJ), в котором обследуемым предлагаются гипотетические моральные дилеммы, ставящие человека в ситуацию выбора между действием, санкционированным властью, и действием, оправданным насущными человеческими потребностями.

Существуют *комплексные теории криминального поведения*, в которых эклектически объясняются социологические, поведенческие и психологические теории. В частности, утверждается, что антисоциальное поведение зависит от психофизиологических характеристик (слабая возбудимость коры головного мозга), интеллектуального уровня, личностных черт (импульсивность, слабая эмпатия, неразвитая совесть), усвоенных мотивов и убеждений, приобретенного статуса в референтной группе, социального положения в

обществе и т. д. Однако комплексные теории, отражающие попытки объединения различных теоретических направлений, пока не доказали преимуществ перед традиционными подходами к объяснению криминального поведения.

Психологические особенности лиц, склонных к криминальному поведению. Анализу индивидуально-психологических особенностей личности, проявляющей готовность к совершению преступных деяний, посвящено значительное количество работ как зарубежных, так и отечественных исследователей. *Интеллектуальные способности* часто рассматриваются как важный фактор антисоциального поведения. Известно, что более высокий интеллект, выполняя роль некоего защитного барьера, уменьшает вероятность криминального развития, особенно наиболее грубых его форм. В то же время низкие интеллектуальные возможности, существенно ограничивающие адаптационные возможности индивида, в частности, способствующие бесконфликтному развитию социальных проблем, наоборот, способствуют этому развитию. Однако вклад низкого интеллекта в криминальное поведение во многих аспектах еще остается неясным.

Так, например, насильственные преступления чаще совершают импульсивные психопатические личности с низким интеллектом, чем психопаты с высоким интеллектом или непсихопаты с низким интеллектом (Neillrun, 1982)¹. Неспособность сдерживать импульсивные действия, связанные с удовлетворением сиюминутных потребностей, несмотря на риск долговременных негативных последствий, является отличительной чертой некоторых категорий преступников (убийц, сексуальных маньяков и т. д.).

Сравнение личностных профилей преступников и не преступников проведенное зарубежными исследователями с использованием методики ММРІ, показывают, что значимые различия между ними выявляет одна-единственная шкала **Pd** (психопатические отклонения). Одновременное повышение оценок по **Pd** и **Ma** (гипомания), увеличивает риск девиантного поведения. Присоединение высокой шкалы **Sc** (шизофрения) указывает на особенности девиантного мышления и устойчивые установки на криминальное поведение.

Отечественные работы, посвященные изучению личностных особенностей осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, обнаруживают аналогичную конфигурацию профилей ММРІ (Ю. М. Антонян и др., 2000). Усредненный профиль осужденных носит пикообразный характер, с ярко выраженными возвышениями по трем клиническим шкалам **Pd**, **Sc** и **Pa** (шкала паранойи). Шкала **Ma**, хотя и имеет несколько менее выраженный подъем, однако и она приближается к 70 Т-баллам, что позволяет интерпретировать личность в терминах чрезмерной активности, несдержанности, неспособности видеть собственные недостатки, манипулятивности в отношении с людьми, ажитированности, склонности к беспокойству и вспышкам

---

¹ Цит. по: Блэкборну Р. Указ. соч.

агрессии. Подобная конфигурация профиля позволяет интерпретировать наличие у большинства осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, заостренных личностных черт, в значительной степени определяющих их поведение.

Сочетание шкал **Pd**, **Pa** и **Sc** встречается у этой категории осужденных не случайно, и их психопатический профиль является непротиворечивым, т. е. шкалы в определенном смысле согласованы и усиливают негативные качества личности, отражаемые в каждой отдельно взятой шкале.

Пик на шкале **Pd** связан с такими свойствами, как импульсивность, стремление к немедленной реализации своих побуждений, действий без учета последствий своих поступков. Поведение характеризуется плохой рассудительностью, рискованностью, отсутствием чувства вины за свои поступки, неспособностью на глубокие эмоциональные переживания, склонностью к обвинению других в своих неудачах, проявлением бунтарства, неприятием ценностей и стандартов общества.

Одновременное повышение значений шкалы **Pa** (паранойя) усиливает все вышеописанные тенденции, которые становятся постоянной линией поведения, поскольку указанная шкала отражает ригидность, наличие аффективно заряженных установок, подозрительность, враждебность, обидчивость, затаенную неприязнь, чрезмерную чувствительность к мнению окружающих, склонность к спорам и морализаторству. Одновременный подъем показателей шкалы **Sc** (шизофрении) еще в большей степени усиливает асоциальные и враждебные черты. Дело в том, что такая личность, характеризуется не только асоциальным поведением с выраженной застревающей враждебностью, но и имеет собственную позицию, обосновывающую и оправдывающую криминальное поведение. Для таких лиц характерны развитое воображение, необычные мысли и идеи, широкий круг интересов, трудности в разделении реальности и фантазий, неспособность адекватно проявлять свои чувства, изолированность, неприступность, неприятие социальной среды, наличие абстрактных и неясных целей.

Ценностные ориентации и убеждения преступников также имеют свои особенности. Они, как правило, больше всего ценят вседозволенность, агрессию и возбуждение, отвергают повседневную работу и обязанности. Достижение целей для них становится значимым только в случае, если они имеют актуальную личностную значимость. Для многих осужденных характерен отказ от ответственности (криминальное поведение объясняется только влиянием внешних факторов, но не наличием собственных личностных изъянов), непризнание нанесения вреда потерпевшим, непризнание наличия жертвы (она это заслужила), осуждение тех, кто выносит приговор (несправедливость и предвзятость), ссылка на преданность высшим интересам (приоритет групповых ценностей) (Sykes, Matza, 1957). Иными словами, оправдание криминального поведения часто осуществляется с помощью механизма психологической защиты, называемого рационализацией.

Для совладания с возрастающим числом конфликтов внешнего и внутреннего плана в нынешней жизни осужденные вынуждены более интенсивно использовать психологическую защиту и соответствующие формы защитного поведения, в том числе и деструктивные. Существует связь между ненормативным функционированием механизмов защиты и девиантным поведением. Отклоняющееся поведение можно рассматривать как попытку неэффективной адаптации индивида в социуме с помощью фиксированной структуры защит. Как правило, психологическая защита функционирует автоматически, не согласуясь с сознанием.

Механизмы психологической защиты являются одним из средств социально-психологической адаптации осужденных к условиям жизни в местах лишения свободы и особенно ярко проявляются в ситуациях, в которых внутреннее противоречие предельно обострено и требует своего преодоления, снятия или устранения.

Между защитными механизмами, аффектами, чертами характера, поведением, психическими аномалиями существует устойчивая связь. Отмечается различная эффективность психологических защит в зависимости от степени их зрелости. Выделяют:

- нарцисстические механизмы: отрицание, проекция;
- невротические защиты: интеллектуализация, подавление, замещение, реактивное образование;
- зрелые защиты: компенсация, сублимация (одна из форм компенсации). В зависимости от используемых механизмов защиты возможны достаточно полноценная социально-психологическая адаптация осужденных или деструктивные формы поведения в местах лишения свободы.

В этой связи можно рассмотреть концепцию «криминальной личности», предложенной американским исследователем Йохельсоном и Саменовым (Yochelson, Samenow, 1976)¹. Они предлагают феноменологический подход к личности преступника, в котором основное внимание уделяется своеобразию мышления преступников. Криминальность понимается очень широко – как континуум, охватывающий весь спектр мыслительных процессов и криминальных действий. Некриминальный край этого континуума определяется как «ответственное мышление и действие». Ответственные люди нравственны в своей основе, выполняют принятые на себя обязательства и действуют в рамках закона. На противоположном краю находятся преступники, которые обладают системой ошибочных схем мышления. Исследователями описаны 40 «ошибок мышления», включающих, в частности, обесценивание собственной личности и как компенсацию – стремление к силовому нажиму в отношениях с другими, непоследовательность мышления, патологическую лживость, селективный стиль коммуникаций, когда в сознание не допускаются тревожное содержание, невозможность поставить себя в положение друго-

---

¹ Цит. по: *Блэкборну Р. Указ. соч.*

го человека, отказ от обязанностей, ошибки в принятии решений, фантазии относительно своей антисоциальности, устранение внутренних сдерживающих средств, мнение о себе как «о хорошем человеке», чрезмерный оптимизм, безосновательную веру в то, что «все обойдется».

Авторы утверждают, что преступники не действуют импульсивно, каким авантюрным не казалось бы преступление. Оно обычно предваряется фантазиями, обдумыванием и верой, что всех можно перехитрить. Тем самым нейтрализуется «табу» на криминальное поведение. Возможно, что функционирование нарцисстических и невротических защит способствует искаженному восприятию реальности и возникновению так называемых «ошибок мышления».

Многие исследователи изучали связь между типом личности преступника и насилием. Выделяют *два типа* лиц, склонных к насильственным преступлениям: *преступник с чрезмерным контролем и агрессивный преступник с недостаточным контролем*. Лица с чрезмерным контролем отличаются сильными сдерживающими механизмами и проявляют агрессию, только если реакция гнева достаточно сильна, чтобы преодолеть торможение. Они редко нападают на других, но если это случается, то их действия отличаются особой силой, соответственно чему насильственные преступления совершаются с особой жестокостью. Преступники с недостаточным контролем имеют слабые механизмы сдерживания агрессии и очень часто реагируют агрессивно на действия других. Следует все же заметить, что одних только личностных переменных недостаточно для возникновения насильственных преступлений. Необходимы еще внешние дополнительные факторы и определенные условия, провоцирующие криминальное поведение (Е. Medardée, 1966).

Психологические особенности личности осужденных мужчин¹. Лицам, виновным в уголовных преступлениях, свойственны более слабая адаптивность, отчужденность, импульсивность, агрессия, чем законопослушным гражданам. Они подчас не могут объективно оценить свой негативный опыт, плохо рефлексировать и эмоционально доминантны. Подтверждаются также общие для всех правонарушителей особенности: амбивалентная самооценка (завышенное или заниженное самоуважение), ослабленная самореализация, общее негативное содержание ценностно-нормативной сферы (пренебрежение к нормам и традициям общества, использование другого человека как средство достижения собственных целей), неумение и нежелание строить с другими людьми субъект-субъектные отношения, отсутствие лояльных форм общения и доминирование агрессивных, нападающих или пассивных, приспособленческих форм.

Часто по причине недостаточного образования, опыта жизни в неблагополучных семьях и общения в криминогенных сообществах у человека формируется синкретическое самосознание, появляется неадекватная уверенность в том, что успех в жизни зависит от удачливости, везения. Они фаталистичны, что говорит об общей пассивной жизненной позиции. Но они же непредска-

---

¹ При написании раздела использованы материалы В. Мухиной и А. Хвостова.

зумы: от меланхолии они спонтанно переходят к агрессивным действиям и правонарушению. Подтверждено, что преступные лица отличаются от законопослушных граждан – носителей обыденного самосознания – системой ценностных ориентаций. Преступные лица и законопослушные граждане отличаются отношением к ценностно-нормативной системе, сложившейся в обществе. У преступников слабо выражено или вообще отсутствует побуждение к соблюдению социальных норм. У них снижена потребность в саморегуляции, высока тревожность и снижено чувство реальности бытия.

Личность преступника отличается от личности законопослушного человека прежде всего общим негативным содержанием ценностно-нормативной сферы, идентификацией с лицами, стоящими в маргинальной социальной позиции и позиции законопослушания, отношением к работе и труду как обременительной, насильственной необходимости.

Преступники считают мораль чем-то вроде этикета, который часто меняется, чтобы судить о том, что хорошо, а что плохо. По их пониманию, мораль – дело вкуса, каждый может поступать спонтанно, по интуиции. Нравственное поведение само по себе немного стоит, поскольку прав тот, кто добивается успеха. Мораль полезна власти, она то же, что и пропаганда. Часто осужденные в решении вопроса «добра и зла» занимают открытую позицию в пользу анархизма или свободы. Осужденные скорее сомневаются, надо ли работать, если в этом нет необходимости, тогда как законопослушные однозначно считают работу для себя достаточно важной¹.

Особенности мотивационной сферы лиц, совершивших разные виды преступлений, в сравнении с законопослушными гражданами

Преступники	Законопослушные
1. Общее негативное содержание ценностно-нормативной сферы	1. Общее позитивное содержание ценностно-нормативной сферы
2. Преимущественная идентификация себя с лицами, стоящими в маргинальной социальной оппозиции к позиции законопослушания	2. Преимущественная идентификация себя с законопослушными гражданами и позиция законопослушания
3. Мораль оценивается как этикет, который демонстрируют в соответствующих ситуациях. Мораль – дело вкуса	3. Мораль оценивается как совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу
4. Доминирует позиция «цель оправдывает средства»	4. Доминирует позиция «цель не оправдывает средства»
5. Часто отсутствует ценностное отношение к работе, к труду	5. Выражено ценностное отношение к работе, к труду

¹ Хвостов А. А. Моральное сознание преступников и законопослушных граждан в сравнительном измерении // Развитие личности. 2002. № 3. С. 266–271.

У взрослого человека с выраженной криминогенной направленностью мотивацией присвоения чужого имущества любыми средствами может быть несколько типов мотивов. Сюда относятся:

- мотивы, порожденные гипертрофированными потребностями и притязаниями материального характера;
- мотивы, обусловленные нуждой в разрядке устойчивых отрицательных эмоциональных состояний субъекта (например, переживанием чувств тревоги, отчужденности, неполноценности, обиды, зависти, злости, агрессии и др.);
- мотивы, порожденные фиксированным чувством неприязни по отношению к конкретным людям или категориям людей;
- мотивы, обусловленные потребностями в социально отчужденном образе жизни;
- мотивы, вызванные юридически неадекватными стереотипами.

Негативные, криминогенные мотивы влекут дополнительные тяжелые последствия: потребности, возникающие под влиянием мотивационного многообразия, становятся ненасыщаемыми. Преступившие закон должны быть наказаны судом. Но преступившие закон по злему умыслу наказаны еще и тем, что личность их продолжает развиваться в криминогенном направлении. Падение через совершение деструктивного поступка ведет к падению самой личности. Множественность асоциальных действий множит и усугубляет пороки человека.

Преступления, совершаемые ради присвоения вещей, по закону им не принадлежащих, деформирует личность. Человеку, укравшему, насильственно отнявшему вещи, приходится строить баррикаду мотивов для самооправдания своих поступков.

Наиболее представительными по численному составу являются категории осужденных, отбывающих наказание *за преступления в сфере экономики*. В психологическом плане механизмы совершения большинства *преступлений против собственности* имеют общую основу, которая выражается в устойчивости корыстных побуждений (мотивации) личности. Здесь мы сталкиваемся с проблемой отчуждения личности, формированием у нее системы негативных отношений к обществу в целом или отдельным представителям, как правило, имеющим высокий социальный, экономический или профессиональный статус. Если мелкие хищения нередко обуславливаются повседневными потребностями, материальными трудностями, то крупные, как правило, корреспондируются с повышенным уровнем притязаний или явным стремлением доминировать в среде ближайшего окружения с помощью признаков материального благополучия.

Для этой категории осужденных наиболее выраженными являются такие черты, как гибкость мышления, достаточно высокая интеллектуальная развитость, хорошая информированность, осторожность, расчетливость, практичность, недоверие к окружающим, приземленность стремлений, динамичность, потребность в самоутверждении и признании, достаточно высокий уровень самоконтроля.

Психологические особенности личности осужденных женщин. Подавляющему большинству женщин, находящихся в местах лишения свободы, наиболее присущи такие негативные состояния, как тревожность, депрессия, страх, одиночество. В отличие от осужденных мужчин они проявляют меньший интерес к общественно-политическим изменениям, происходящим в стране. Однако они более чувствительны к лично значимым событиям, проявляют толерантность к правилам внутреннего распорядка и требованиям, предъявляемым со стороны администрации исправительного учреждения.

В последнее время остро встает проблема отягощенности женщин различными нервно-психическими отклонениями. К ним относятся психопатия, алкоголизм, наркомания, слабоумие в форме дебильности, травматические поражения центральной нервной системы.

Наличие перечисленных психических аномалий снижает их сопротивляемость к различным стрессовым ситуациям, препятствует развитию социально одобряемых черт личности, особенно важных для более безболезненного вхождения в постпенитенциарный период, ослабляет внутренний контроль поведения, что способствует совершению ими новых преступлений.

В местах лишения свободы осужденные женщины, имеющие отклонения в психическом развитии, особенно тяжело адаптируются к условиям исправительного учреждения. Они встречаются со специфическими трудностями, к преодолению которых часто бывают психологически неподготовлены. В результате у них нередко проявляются отрицательные психические состояния, характеризующиеся перенапряжением, перевозбуждением, чрезмерными тормозными реакциями. В таких состояниях осужденные женщины, особенно имеющие психические аномалии, неадекватно оценивают не только жизненные ситуации, но и свои поступки и неправильно реагируют на требования администрации.

Можно выделить следующие психологические особенности, наиболее часто проявляющиеся среди осужденных женщин: отсутствие заинтересованности в своей судьбе, настороженность, сосредоточенность, (либо, наоборот, рассеянность), безнадежность, незащищенность, уныние, тоска, угнетенность, подавленность, тревожность перед будущим, усталость, бессилие, апатия, (либо, наоборот, возбужденность), нерешительность, неуверенность, робость (или, напротив, самоуверенность).

Особым психическим состоянием осужденной является недостаток эмоциональной поддержки вследствие потери связи с семьей и родственниками. При этом надежда на изменение своей судьбы препятствует проявлению отрицательных привычек, способствует смягчению отрицательных факторов, связанных с изоляцией от общества.

У женщин, как правило, недостаточно развито чувство долга, что сопровождается ослаблением контроля своего поведения. У них также слабо выражено чувство собственного достоинства и чести. Среди них нередко встречаются и такие, которые считают себя «неполноценными». Данное обстоятельство заставляет их искать поддержку и сочувствие окружающих.

Важное место в повседневной жизни осужденных женщин занимает ожидание предстоящего освобождения. В условиях лишения свободы психологический механизм адаптации среди рассматриваемой категории осужденных становится менее мобильным и поэтому при освобождении способен криминализировать поведение. Ослабление или утрата адаптивных способностей женщин значительно усложняет усвоение ими функционально-ролевых обязанностей, что отрицательно отражается на процессе ресоциализации.

Психологические особенности личности несовершеннолетних преступников. Пенитенциарная практика и результаты исследований показывают, что наиболее типичными психологическими особенностями несовершеннолетних преступников является следование неформальным традициям, обычаям, нормам и шаблонам поведения, что закрепляет у них деформированные интересы и ценностные ориентации.

Повседневное поведение несовершеннолетних отличается повышенной внушаемостью, инфантильностью и конформизмом. Повышенная восприимчивость и впечатлительность, высокая зависимость от принадлежности к неформальным группам и категориям усугубляются влиянием разнонаправленных факторов среды, ближайшего социального окружения, а также психолого-педагогическим воздействием со стороны окружающих и семьи.

У несовершеннолетних преступников зафиксировано неоднозначное, порой противоречивое отношение к своему окружению: обидчивость, враждебность, агрессивность, обвинение друзей или родственников в совершенном преступлении (и, наоборот, искреннее раскаяние в содеянном).

Характеристики морально-ценностной сферы значительной части несовершеннолетних осужденных примерно такие же, как и у законопослушных подростков. Однако они, как правило, имели более низкий уровень успеваемости в школе, постоянно прогуливали занятия, обманывали учителей, проявляли упорство и непослушание, рано бросали учебу, стремились к совершению рискованных, часто необдуманных поступков. Среди них отмечается больший удельный вес подростков с психическим инфантилизмом, неспособных находить правильный, социально одобряемый выход из возникающих трудных ситуаций. Их общение зачастую носит асоциальную направленность и ограничивается кругом себе подобных индивидов.

Личностные черты и особенности поведения подростков, склонных к агрессивному поведению в условиях лишения свободы, отличаются примитивизмом, бедностью ценностных ориентаций, узостью и неустойчивостью системы интересов и потребностей. Для этой категории лиц характерны интеллектуальная неразвитость, повышенная внушаемость, стремление к подражанию, эмоциональная грубость, раздражительность, импульсивность, озлобленность в отношениях со своими сверстниками и персоналом воспитательной колонии.

Среди них чаще проявляются такие черты, как завышенный уровень самооценки, повышенная тревожность, эгоцентризм, отсутствие сформированных навыков конструктивно разрешать сложные ситуации, преобладание

механизмов психологической защиты, объясняющих поведение, в том числе криминальное.

Вместе с тем среди этой категории лиц нередко встречаются и интеллектуально развитые подростки, для которых агрессивность или бравада выступают средством поднятия своего личного положения в среде ближайшего социального окружения, своеобразной демонстрацией уверенности в себе.

Проявления агрессивности чаще всего провоцируются следующими конфликтными ситуациями:

- эмоциональное отвержение со стороны значимых для подростков индивидов;
- существенное расхождение привычных образцов поведения; неожиданные поручения, противоречащие текущему психоэмоциональному состоянию;
- предъявление необоснованных претензий;
- притеснения со стороны окружающих и собственные неудачи.

Несовершеннолетние преступники, испытывающие трудности в адаптации к условиям лишения свободы, проявляют высокую чувствительность по отношению к действительной или ложно понимаемой несправедливости, отличаются неуверенностью в себе, тревожностью, нерешительностью. У них легко формируется враждебность, обуславливающая злопамятность и скрытую агрессивность. Они предпочитают ориентироваться на мнение референтной или значимой неформальной группы, избегают конфликтов, стремятся к одобрению со стороны окружающих.

Основными факторами, вызывающими криминогенные формы поведения, являются: сужение круга контактов с окружающими; одиночество; внешнее ограничение активности; вынужденный отказ себе в чем-то интересном. Ведущими мотивами повседневной жизнедеятельности в условиях изоляции является стремление найти себе подходящую социальную нишу, а также обрести надежное покровительство в лице более сильных и авторитетных осужденных, являющихся, к примеру, лидерами неформальных групп.

Осужденные данной категории чрезвычайно подвержены депрессивным состояниям, снижению активности, перепадам настроения, особенно на начальных этапах отбывания наказания и перед освобождением из мест лишения свободы.

Преступники, склонные к побегам, характеризуются повышенным уровнем тревожности, непоследовательностью, неожиданной сменой настроения. Среди таких индивидов стремление к доверию по отношению к окружающим может сочетаться с недоверчивостью и подозрительностью, суеверностью. Для них в большей степени характерны нарушения мотивационно-волевой сферы личности. Их отличает демонстративность повседневного поведения и противоречивость социально-психологических установок: будучи причастными к интересам «своей» группы, они, одновременно, склонны отстаивать и свои эгоистические, узко направленные индивидуальные интересы.

В своих действиях и поступках эти подростки проявляют раздражительность, придирчивость, часто демонстрируют недовольство в ответ на реплики или замечания со стороны окружающих. Как правило, они предпочитают дружить и общаться с теми сверстниками, которые не обижаются на их эмоциональные реакции и вербальные проявления. Им свойственна пассивная личностная позиция и склонность к раздумьям. Для них также характерен достаточно высокий уровень осознания имеющихся проблем, который выражается через призму неудовлетворенности и пессимистической оценки своих перспектив. Тем не менее, они способны отказаться от сиюминутных потребностей ради достижения отдаленных планов и целей деятельности.

Криминальные подростки, склонные к членовредительству, отличаются самостоятельностью, независимостью суждений, выраженной потребностью в самореализации. Эти подростки проявляют индивидуализм, а иногда и упорство в отстаивании собственной точки зрения, демонстрируют волю при решении задач.

Вместе с тем они характеризуются также избыточной увлеченностью, а иногда и поглощенностью сиюминутными интересами или желаниями, поверхностностью и неразборчивостью контактов с окружающими, импульсивностью своих поступков. Их отличает активность позиции, усиливающаяся при противодействии, которая опирается на собственные знания и прошлый опыт.

Отношения со сверстниками они предпочитают выстраивать на позициях соперничества или состязательности. Проявляют высокий уровень чувствительности к действительным или ложно понятым несправедливостям. Легко возникает «застревающая» враждебность, обусловленная злопамятностью.

В целом система социальных установок и ценностных ориентаций подавляющего большинства несовершеннолетних осужденных в настоящее время не отличается многообразием. Их основное жизненное кредо – деньги, обман и лицемерие ради красивой жизни. Эгоистическое и безответственное поведение, как правило, находит объяснение в недостаточной заботе со стороны родителей, их низком социально-экономическом статусе, проблемах школьного образования и нравственного воспитания.

На свою будущую жизнь подростки с криминальным поведением, как правило, смотрят без особого оптимизма. Абсолютное большинство обследованных (85 %) считает, что их жизнь в ближайшей перспективе будет только ухудшаться. Причем у многих ярко проявляются симптомы ущербного «Я», которые находят свое выражение в отрицании, отчуждении, укоренившемся чувстве враждебности по отношению к другим, низкой самооценке, комплексе неполноценности, страхах и повышенном уровне тревожности, мнительности, эмоциональной неустойчивости. Недостаточный уровень выраженности мотивационно-волевых качеств, прямолинейность и демонстративность поведения нередко являются скрытыми формами протеста против «вечно придирающихся» взрослых, социального отвержения и неудач в жизни.

Одними из важных составляющих противоправного поведения, в том числе в условиях лишения свободы, являются дефекты социализации личности, а также мощное влияние на личность со стороны неформальных групп сверстников. Результаты исследований показывают, что повседневное внутригрупповое общение подростков весьма часто происходит только ради общения. Как правило, оно не только малоинформативно, но и неэффективно с воспитательной точки зрения, поскольку ограничивается обсуждением сюжетов просмотренных фильмов, рассказами о развлечениях на свободе.

У несовершеннолетних осужденных отмечаются устойчивые установки и социальные ожидания по типу «сегодня пожить для себя и одним днем». Они рассчитывают на то, что в ближайшей перспективе все само собой стабилизируется. Характерная для них незрелость суждений, отсутствие навыков конструктивного общения, пренебрежение нормами и правилами законопослушного поведения, недостаточная сформированность мотивационно-волевой сферы и противоречивость социальных установок и ожиданий во многом сдерживают стремление к изменению своей личности в позитивном направлении. Именно поэтому несовершеннолетние осужденные в большей мере нуждаются в психолого-педагогической помощи и массивном воспитательном воздействии.

Основные усилия воспитателей по коррекции поведения несовершеннолетних осужденных должны быть сосредоточены на повышении их самооценки, формировании навыков адекватного поведения в различных ситуациях, а также оказании адресной социальной и психологической помощи, особенно в начальный период отбывания наказания и непосредственно перед освобождением из мест лишения свободы.

Влияние криминальной субкультуры на личность преступников.

Важнейшей психологической характеристикой криминальной среды является *субкультура*. В переводе с латинского термин «субкультура» означает часть основной культуры. Криминальная субкультура – это образ жизнедеятельности лиц, объединившихся в криминальные группы и придерживающихся определенных законов и традиций. Когда говорят о субкультуре, то имеют в виду криминальные традиции и обычаи, жаргон и татуировки, неформальные нормы поведения и особенности проведения досуга.

У преступников по мере отбывания наказания происходит ценностная переориентация, принятие некоторых норм и ценностей микросреды, выработка стратегии и тактики поведения в новых условиях. Изыскиваются возможности выживания. Рано или поздно преступники подчиняются «законам тюрьмы».

«Законы» эти просты и жестоки, санкции их примитивны и однообразны – увечье, побои, а иногда и лишение жизни.

Личность новичка проверяется жестоким и примитивным ритуалом «прописки». Индивид оказывается перед выбором: принять или не принять навязываемый ему статус. Решение должно быть быстрым, а действия чрезвычайно интенсивными. Реакция личностного самосохранения часто бывает бурной, аффективной.

Страстным желанием к восстановлению самооценности обуреваемы почти все заключенные. Дополнительные блага здесь можно добыть лишь грубым захватом, насильственным дележом – и всегда за счет другого. Личность, не утвердившаяся в социуме, стремится к самоутверждению в асоциальном мире. Будучи не социализированной, не охваченной культурой общества, она особенно быстро попадает в сферу асоциальной субкультуры.

Однако и здесь личность сталкивается с социальной иерархизацией, социальным клеймением, жестокой борьбой за самоутверждение. Личностный статус в криминализованной среде зависит от физической силы индивида, его криминальной «бывалости», толерантности (устойчивости к трудностям) в адаптационный период, жестокости и цинизма в обращении с «низами».

Важное место в криминальной субкультуре занимают мифы, романтизирующие образы «благородного разбойника», «несгибаемого парня», культивирующие «воровскую романтику», идею «воровского братства», «воровскую честность» и т. д., способствующие сплочению преступных групп, возникновению определенных уголовных традиций¹. Как правило, за внешними признаками солидарности осужденных царит недоверие друг к другу, жестокость и пренебрежительное отношение. Это проявляется в практически полном отсутствии в разговорах между осужденными личностной тематики и Я-высказываний, большом количестве манипуляций, провокаций и т. д.²

На основе криминальных мифов, норм и традиций формируются основные закономерности общения как в условиях ИУ, так и на свободе. Неумение видеть структуру, функции и специфику общения в условиях исправительного учреждения лишают человека возможности адаптироваться к окружающему миру, ориентироваться в происходящем вокруг него, адекватно реагировать на действия других людей. Он не способен увидеть истинных целей собеседника, что иногда приводит к необратимым последствиям (например, причисление к категории «обиженных»).

Приверженность криминальной субкультуре, усвоение ее норм и ценностей осуществляется, как правило, личностью, не получившей в силу различных условий признания и решившей добиться его в криминальном сообществе. Приобщение к криминальной субкультуре происходит относительно быстро и является своеобразным способом компенсации неудач, преследующих личность. Эта особенность находит свое отражение и в специфике взаимодействия: человек, находящийся в социально неблагополучных слоях общества, попадая в криминальный мир, строит и там привычные для себя отношения, основанные на насилии, получении личной выгоды.

Статус преступника подразумевает состояние выключенности из основной социальной иерархии: преступник пребывает вне общества и активно

---

¹ Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 2001.

² Рабочая книга пенитенциарного психолога / Под ред. А. И. Мокрецова, В. П. Голубева, А. В. Шамиса. М., 1997.

ему противостоит, будучи активным изгоем, он находится вне культурного пространства. Такое положение преступника зафиксировано в жаргоне: представители криминального мира называют себя «бродягами» и характеризуют свою жизнь как странствие. Идея бродяжничества сближает современную криминальную субкультуру с культурой разбойников и пиратов, также именовавших себя бродягами.

Иерархическая лестница современного тюремного мира строится по традиционным законам. Высшую ступень на иерархической лестнице криминального мира занимает вор. Понятие «короля» преступного мира связывает современную отечественную криминальную субкультуру с общеевропейской «низовой» традицией. В средневековой Европе своих королей имели бродяги, шуты, нищие. В этом обозначении «вор-король» есть элемент карнавала, характерного для криминальной субкультуры стремления вывернуть жизнь наизнанку. Здесь, в тюремном мире, создается своя опрокинутая социальная лестница и своя, свободная от «обычных» норм, жизнь.

Вор играет роль шута, лгуна, дурака. Он носитель смехового начала, он использует «маску», преимущество которой – возможность обнаружения и осмеяния «лжегероев», обнажения чужих пороков. Словесное искусство воров – это, в первую очередь, искусство лжи. Они используют тесты-обманы в виде загадки с подтекстом или двусмысленного задания. В основе лежит представление о том, что вор не просто дурачит или обманывает – он управляет поведением (на свободе – человека, не принадлежащего к воровскому миру, «жертвы»; в ИУ – представителей администрации или новичков в преступном мире).

Пенитенциарная разборка – неформальный институт (порожденный криминальной субкультурой) следствия, суда и органа, исполняющего наказание, в отношении лиц и преступных групп, нарушивших «уголовные законы и традиции»¹. Следует различать «сходки» как съезд преступников, «стрелку» как место этого съезда и «разборку» – суд над провинившимися, заканчивающийся «правилкой» (вынесением приговора). Пенитенциарная разборка – внутреннее дело самих преступников и их групп, т. е. особый вид внутригрупповой агрессии в преступном мире. Поэтому преступный мир не выдаст инициаторов разборок и исполнителей мер, применяемых к нарушителям. Пенитенциарная разборка не применяется к лицам и группам законопослушных граждан, которых «просто» убивают, грабят или насилуют без всяких правил.

Обычно пенитенциарной разборке подвергаются лица из преступного мира, нарушившие «законы и правила» этого мира, предающие клановые интересы, вторгающиеся на чужую территорию или в «чужой» преступный промысел. Причины разборки разные: 1) нарушение соглашения о зонах и сферах преступного промысла (не поделили территории, вид преступного промысла, занимаются преступным промыслом на «чужой» территории); 2) не-

---

¹ Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 2001.

своевременное возвращение долгов в «общую кассу»; 3) стукачество, доноительство, двурушничество; 4) нарушения интересов группы (утаивание преступным путем денег, ценностей и т. д.); 5) невыполнение или несвоевременное выполнение данного на «сходке» поручения; 6) общение с лицами, подвергшимися остракизму (изгнанным из преступной среды); 7) «пробожки» – проспорившие; 8) прочие нарушения законов преступного мира.

Пенитенциарная разборка не однократный акт, а определенный своеобразный уголовный процесс, включающий расследование виновности того или иного лица и группы, суд и определение мер наказания, а также ее исполнение в отношении виновных. Так, пенитенциарная разборка осуществляется по правилам арбитрами, авторитетными в уголовном мире лицами. Она включает заслушивание виновного, его оправдательных доводов и вынесение приговора. Обвиняемое лицо должно ответить на выдвинутые обвинения. Если обвинение подтвердилось, выносится приговор, который приводится в исполнение. По воровским традициям пенитенциарная разборка была одним из завершающих наиболее важных вопросов воровской «сходки». В условиях криминального беспредела, на смену разборки «по правилам» «пришла вульгарная разборка, где правит бал сила, автоматная очередь, выстрел из снайперской винтовки, граната или мина. Такие разборки похожи на самосуд: взаимные бандитские нападения, что свидетельствует о девальвации норм, ценностей и традиций преступного мира.

Совокупность факторов, порождающих преступное деяние, называется *криминогенным комплексом*, основными составляющими частями которого являются: а) личность преступника; б) криминальная ситуация; в) взаимодействие между личностью и ситуацией.

У осужденных не имеют выраженности такие сферы, как отношение к подчиненным, к вышестоящим, к сотрудникам. Это возможно в силу малой значимости этих сфер отношений. Не имеют отчетливой выраженности также такие факторы, как нереализованные возможности, отношение к лицам противоположного пола, сексуальные отношения, отношения к своему прошлому. Данные свидетельствуют, скорее всего, о низком уровне развития рефлексии, «Я» – образа, осознания себя как субъекта этих сфер отношений. Можно также сказать о наличии у осужденных ориентации на настоящее, об отсутствии целей в жизни и желании иметь их.

В целом, это можно охарактеризовать как проявление криминогенного комплекса – действия положительной обратной связи между негативными личностными качествами, которые приводят к тому, что усиление одного негативного качества обеспечивает усиление и другого качества, и, наоборот. В результате качества, входящие в криминогенный комплекс, приобретают все большую степень своего негативного выражения. При сравнении двух групп принципиально важным является то, что для осужденных, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы, характерна большая выраженность дисгармоничности системы отношений.

§ 6. Воздействие фактора лишения свободы

Воздействие фактора лишения свободы. Психологи-пенитенциаристы отмечают, что, во-первых, личность приобретает особое правовое положение, заключающееся в ограничении ее прав (как известно, любые ограничения и запреты порождают стремление осужденных к их нарушению, активизируют в этом отношении их изобретательность и изощренность (М. Н. Гернет, В. Ф. Пирожков, Г. Ф. Хохряков и др.)). Во-вторых, человек в условиях изоляции приобретает и специфические обязанности, в которых обычные для любого гражданина нравственные нормы приобретают правовой характер и их нарушение влечет правовые последствия. В-третьих, сам факт социальной изоляции для личности носит стигматизирующий характер, она приобретает социальный статус преступника или правонарушителя, что субъективно воспринимается человеком как акт клеймения, вызывая состояние неполноценности и активизируя механизмы ее компенсации и психологической защиты. В-четвертых, изоляция от общества связана с принудительным изменением образа жизни и включением осужденного в новые для него социальные процессы: особым образом организованную жизнедеятельность. В-пятых, в условиях социальной изоляции человек включается в специфическую среду, где собраны лица с различной степенью криминализации, в которой могут преобладать социально-безнравственные нормы, ценности, традиции – «тюремная субкультура», усвоение ее ведет к дальнейшей нравственной деградации человека. Наиболее значимыми для влияния на личность осужденных элементами наказания выступают: срок наказания, перспектива досрочного освобождения, жизнь под постоянной охраной и надзором, строгая регламентация, ограничение свободного передвижения, принудительный характер труда, моральные переживания, невозможность иметь нормальные половые отношения (последние приводят к гомосексуальным отношениям). Наиболее типичными ситуациям в таких условиях выступают: а) фрустрация – ломка и крушение жизненных планов и перспектив; б) прессинг – ситуация, сверхсильного давления криминальной среды на личность, способная существенно исказить мотивы и поведение осужденного; в) ситуация психической травмы, связанная с разрушением прежних привычных связей и образа жизни; г) ситуация научения. Каждая из этих ситуаций обладает как позитивными, так и негативными последствиями для личности. При стереотипном и длительном образе жизни в местах лишения свободы происходит стереотипизация личности, стирание граней между различными асоциальными и криминальными типами и формирование нового типа – личности осужденного (В. Ф. Пирожков, 1998). Этой личности присущи: а) интенсивное формирование и закрепление социально-групповых свойств, присущих человеку, изолированному от общества; б) акцентуация свойств (качеств), которые в обычных условиях свободной жизни у них не проявлялись. Имеются различия психологических

влияний на личность, зависящие от возрастных и половых особенностей, вида режима, у осужденных впервые и неоднократно отбывающих наказания.

При попадании в СИЗО (тюрьму) у осужденных возникают психологические перегрузки, что обусловлено дезориентацией, связанной с неожиданной потерей свободы, утратой чувства автономного существования, снижением самооценки, испытанием страха перед перспективой неожиданной агрессии со стороны других осужденных, переживанием отсутствия гетеросексуальных связей и пр. В начальный период нахождения в пенитенциарном учреждении у 28–44 % осужденных наблюдаются симптомы повышенной тревожности, перевозбуждения и депрессии. По мере адаптации к условиям места лишения свободы интенсивность негативных переживаний (дистресса) обычно снижается¹.

Установлено, что женщины, находясь в тюрьме, испытывают меньший стресс, чем мужчины, причем по большинству заблокированных в местах лишения свободы потребностей (за исключением отсутствия частной жизни – разъединение со своими семьями, детьми).

Для всех групп осужденных характерно преобладание вербальной агрессии – выражения негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание (угроза, проклятие, ругань) словесных обращений к другим лицам.

Попад в места лишения свободы и вступив в общение с лицами еще более испорченными, человек как бы завершает формирование личности: у него складываются свои устойчивые антиобщественные взгляды, навыки, привычки, образ поведения. Такой человек не чувствует нравственного пресса наказания, на что в целом рассчитано действие этой меры. Наиболее социально запущенные личности живут по принципу, о котором народная мудрость гласит, что опозоренному грозить позором все равно, что мертвому – второй смертью. Необходимо отметить умение этой категории лиц влиять на других. Они привыкли жить в конфликте с обществом, с нравственными правилами. Своеобразные условия мест лишения свободы позволяют им проповедовать свою мораль. Они способны настроить некоторых осужденных против сотрудников, делают все для того, чтобы эти лица после освобождения продолжали вести преступный образ жизни. Постепенно настраивая себя вначале против отдельных людей, принесших им неприятности, затем восставая против правил поведения в обществе, противопоставляя им свою мораль и взгляды, осужденный при рецидиве преступлений превращается в антисоциальный психологический тип человеческой личности, трудно поддающийся ресоциализации.

Условия жизни и деятельности осужденных в местах лишения свободы влияют на их личность, на процесс адаптации и ресоциализации. Кроме того,

---

¹ Юридическая социология: Учеб. для вузов. М., 2000.

предупредительными свойствами обладают разные элементы мест лишения свободы: их местонахождение, планировка, внешний вид территории и построек, стиль взаимоотношений администрации с осужденными.

Условия мест лишения свободы воздействуют не прямо, а через жизненный опыт. Осужденные могут по-разному относиться к действиям специфических условий мест лишения свободы: покоряться им, противостоять, внешне соглашаться, внутренне сопротивляться и т. д. Важно иметь в виду, что, с одной стороны, под воздействием одних и тех же условий конкретного отряда, колонии у разных осужденных могут формироваться общие черты в поведении и деятельности, а с другой – в рамках одних и тех же условий могут складываться индивидуальные формы поведения. Однако все это не уменьшает значения создания здоровой, воспитывающей среды в колонии, строго соблюдаемого режима, организации трудовой деятельности, целенаправленной воспитательной работы, упорядоченности быта, расширения социально полезных контактов с родственниками, шефскими организациями.

По результатам исследования осужденных, впервые и ранее отбывающих наказание в местах лишения свободы, наблюдаются различия в проявлении качеств, связанных с экстернальным локусом контроля. У осужденных, ранее отбывающих наказание в местах лишения свободы, наблюдается более высокий уровень тревожности. Ярче выражена деформация отношений к будущему и к собственной семье.

Каждый осужденный существует как бы в трех измерениях: к прошлому относится все то, что было на свободе (до попадания в исправительное учреждение); настоящее – это жизнь в исправительном учреждении, к которой надо адаптироваться; все, что наступит после освобождения, – будущее.

Лишение свободы как социальный институт является дистрессом, вызывающим типичные психические состояния осужденных, такие как фрустрация, конформность, дискомфорт.

К фрустрации приводит крушение жизненных ценностей, установок, целей и перспектив. Но в силу того, что человек не может жить без перспектив, он выдвигает новые, хотя бы на время отбывания наказания. Конформность вызвана мощным психологическим прессингом, которому микросреда подвергает каждого осужденного, что отражается на его поведении. Дискомфорт обусловлен самим фактом осуждения, разрушением социальных связей и привычного круга общения, он неизбежно активизирует механизмы психологической защиты. Последние обеспечивают адаптацию личности через смягчение свиданий, вызванных изоляцией от общества. Интеграция и неформальные группы дают возможность осужденному реализовать свои потребности без утраты образа своего «я».

В силу социальной идентификации в сообществе личности осужденных присущи следующие типичные особенности:

- акцентуации качеств личности, которые в условиях свободы или не проявлялись, или не доминировали;
- усиление качеств и свойств личности, сформировавшихся у осужденного в процессе преступной (асоциальной) деятельности;

– формирование и закрепление социально-групповых качеств.

Лишение свободы, кроме того, коренным образом перестраивает систему общения осужденных.

В рамках таких неформальных структур микросреды осужденных шлифуются преступные навыки, приобретаются новые приемы совершения преступных действий, укрепляется сплоченность вокруг значимых идей и криминальных интересов, вырабатывается готовность к агрессии.

Однако значительная часть осужденных не осознает своей вины в совершенном преступлении. По данным В. А. Елеонского (1980), более 80 % осужденных склонны отрицать ее в той или иной степени (от полного отрицания – до признания вины, но всегда утверждается несоответствие тяжести наказания содеянному). К тому же у осужденных срабатывают механизмы психологической защиты, снимающие дискомфорт. Это, прежде всего самооправдание, вытеснение, замещение. Внутренне такая психологическая защита ориентирована на повышение самооценки личности. Внешняя же направленность психологической защиты сводится к самоутверждению и самовыражению личности, причем в социально-негативной среде осужденных легче всего добиться самоутверждения преступным путем. Если не снять или не ослабить действие механизмов психологической защиты у осужденных, то эффективность уголовного наказания и воспитательных воздействий будет весьма низкой. Механизмы психологической защиты в определенной степени снижают психотравмирующее воздействие самого фактора лишения свободы: осужденный постепенно осознает свое положение, хотя внутренне его не приемлет. Период адаптации заканчивается постепенным привыканием осужденного к своему новому статусу и условиям жизнедеятельности.

Психологические последствия уголовного наказания. Международный и отечественный опыт применения уголовного наказания свидетельствует о глубоком, разностороннем и зачастую нежелательном влиянии этого наказания на личность осужденного.

Психологическое прогнозирование поведения осужденных после освобождения. Отечественная и зарубежная пенитенциарная теория и практика свидетельствуют о возможности и целесообразности такого прогнозирования (А. С. Михлин, В. Ф. Пирожков, Н. И. Соколов, А. С. Севрюгин, А. П. Иващенко, В. И. Гуськов, А. В. Чернышова и др.). Первые пенитенциарно-психологические исследования по вопросам прогнозирования провели еще в 1920-х гг. М. Н. Гернет и Ю. Ю. Бехтерев. Возобновлены подобные разработки были лишь в 1970-х гг.

Успех прогнозирования поведения отбывших уголовное наказание ученые (А. С. Михлин, В. Ф. Пирожков, Н. И. Соколов, А. С. Севрюгин и др.) связывают с тремя группами факторов. К первой относится личность самого осужденного: его убеждения, черты характера, профессия, трудовые навыки, общеобразовательный и культурный уровень, поведение осужденного во время отбывания наказания, срока наказания, отношения к преступлению, наказанию и труду; наличие положительных связей с внешним миром и т. п.; ко второй – условия жизни после освобождения: наличие жилья, прописки,

семьи и хороших взаимоотношений в ней, работы, трудового стажа, тактика работников милиции, осуществляющих надзор; к третьей – условия, в которых находился осужденный в исправительном учреждении, его статус в неформальной стратификации заключенных, степень сформированности у него «тюремного синдрома». Вероятность непроступного поведения у впервые осужденных выше, чем у судимых во второй и более раз (Г. М. Миньковский, А. Р. Ратинов, А. М. Яковлев, К. Е. Игошев, Ю. М. Антонян и др.).

Психологи, работающие в пенитенциарных учреждениях, полагают, что предсказать поведение осужденного с помощью прогностических методов на 100 % невозможно, но таким образом можно выявить лиц, с которыми необходимо вести профилактическую работу после освобождения¹.

Одной из целей профилактики последствий социальной изоляции является решение задач общей превенции. Смысл ее состоит в смягчении последствий социальной изоляции, расширение связи с внешним миром, оказание психологической помощи различным категориям осужденных.

Психические состояния осужденных при отбывании наказания. Уже в начале XX в. были проанализированы с позиций психологии самосвидетельства людей, отбывавших различные виды наказаний, и в особенности биографические дневники и литературные произведения известных писателей – Федора Михайловича Достоевского, Фрица Ройтера, Оскара Уайльда, Мишеля Монтеня и др. При этом, согласно М. Н. Гернету (1926), «краеугольным камнем, фундаментом тюремной жизни в пенитенциарных учреждениях царской России» было состояние тоски. В дальнейшем выявлен более разноплановый материал о содержании и динамике психических состояний заключенных на различных этапах отбывания наказания.

Сильные негативные переживания осужденных возникают из-за неудовлетворенности потребностей: 1) частной жизни (стремление к спокойной внутренней жизни, вплоть до возможности самоизоляции); 2) безопасности (опасения прежде всего из-за возможного нападения на них других заключенных); 3) свободы (ограничения поведения жесткими правилами, невозможности самостоятельно определять его); 4) социальной поддержки; 5) полноценной эмоциональной жизни 6) социального стимулирования (стремления к личностному росту, общению с друзьями); 7) субъектной активности.

На основе результатов исследований как зарубежных, так и отечественных ученых (А. Д. Глоточкин, В. Ф. Пирожков и др.) можно констатировать, что длительное пребывание в местах лишения свободы не оказывает тотального разрушительного влияния на психику всех без исключения заключенных. Психологически затруднена она, прежде всего, для тех лиц, кто, во-первых, подвержен эскалации страха виктимизации, а во-вторых, не хочет и не умеет занять себя каким-либо личностно значимым делом или отвлечь

---

¹ Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Психология основных средств исправления и ресоциализации осужденных. Рязань, 2000.

себя размышлениями о том, как он будет строить свою жизнь после выхода на свободу (В. Франкл, 1990). Более толерантны к страху виктимизации те осужденные, кто имеет в тюрьме друзей или к которым регулярно приходят на свидание родственники и друзья. Тюремному стрессу и развиваемым на его основе психическим заболеваниям, по данным проведенных исследований, в меньшей степени также подвержены заключенные более старшего возраста и с более высоким уровнем образования. Специфической особенностью *тюремного стресса* является его возрастание у определенной части заключенных в конце срока отбывания наказания. Именно тогда на фоне страха из-за неопределенности будущего и неверия в себя в среднем каждый пятый из тех, кто готовится к выходу на свободу, может начать нарушать в той или иной форме дисциплину, проявлять излишнюю обеспокоенность своим здоровьем и другие неадекватные реакции.

Учитывая, что тюремный стресс может значительно уменьшать или блокировать воспитательный эффект исправительных программ (часто из-за возникающего и возрастающего в тюрьме на фоне отрицательных переживаний враждебного отношения к людям и в целом к обществу), то крайне актуальной является психопрофилактическая деятельность пенитенциарных психологов, направленная на снижение восприимчивости определенных категорий заключенных к различным источникам тюремного стресса¹.

На стадии отбывания наказания у осужденного появляется возможность в течение более или менее продолжительного времени оценивать свое прошлое поведение и раздумывать о будущем. Среди прочего оцениваются и мотивы совершенного преступления и формируется мотивация на будущее. Процессы эти весьма притиворечивы. С одной стороны, часть осужденных испытывает чувство раскаяния в содеянном. По наблюдениям юристов и психологов, уже в суде признают себя виновными 50–60 % подсудимых. Однако, это не всегда откровенные заявления. «Фактическое раскаяние, полное и глубокое самоосуждение, угрызения совести – крайне редкое явление для всех категорий преступников», – считают ученые².

Переживаемые осужденным психические состояния характеризуются разной глубиной и силой. В условиях изоляции от общества правонарушители практически всегда склонны к самокопанию в собственном прошлом, что, как правило, углубляет и закрепляет их тяжелые переживания. При этом каждому этапу уголовного наказания свойственен определенный «набор» психических состояний осужденного, наиболее выраженных и интенсивных. Такие психические состояния взаимосвязаны и проявляются в виде синдрома, в котором доминирует одно из состояний.

---

¹ Поздняков В. М. Пенитенциарная психология в России: Генезис и перспективы: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000.

² См.: Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Правовая психология и преступное поведение. М., 1988. С. 208.

Для осужденных характерен, прежде всего, *фрустрационный синдром*, возникающий в процессе ломки жизненных планов и перспектив, проявляющийся в чувстве безнадежности и незащищенности. Однако в условиях исправительного учреждения безнадежность у осужденного всегда сочетается с надеждой на лучшее. Поэтому безнадежность и надежда у осужденных как бы «пульсируют». Осужденному легко внушить надежду, но легче вызвать у него безнадежность. Состояние незащищенности у осужденного обусловлено требованиями, которые к нему предъявляет и администрация, и микросреда осужденных, особенно ее отрицательная часть.

Синдром ожидания также свойственен осужденным. Он связан с ожиданием наступления важного для личности события (предоставление свидания, получение посылки и т. п.). Здесь проявляется тревожность, вызванная недостатком или неопределенностью информации о важном событии: боязнь его наступления, если оно неприятно; нетерпение, если событие принесет удовольствие или радость.

Психическое состояние заключенного в пенитенциарном учреждении зависит от того, какое ожидается событие: хорошее (амнистия, освобождение, проезд на свидания родственников и т. д.), плохое (отказ в снижении срока наказания, досрочного освобождения и др.), неожиданное (неизвестно, как повернет судьба)¹. Так, при наступлении приятного события заключенный испытывает нетерпение и стремится приблизить это событие, поминутно подсчитывает оставшееся до него время; если ожидается неприятное событие, осужденный испытывает страх и как бы пытается отодвинуть это событие; если неизвестен исход события – то испытывает тревогу, сопровождающуюся подавленностью. Тревожный фон, усугубляясь, может перерасти в депрессию, требующую помощи психиатра. Депрессивные состояния чаще всего сопровождаются бессонницей, нарушениями сна, раздражительностью, растерянностью, озлобленностью, повышенной агрессивностью, которые накапливаются (кумулируются), требуя определенной «разрядки» в виде драк, побегов, притеснения слабых, членовредительстве.

Испытывая тяжелые психические состояния заключенные пытаются найти выход из них, используя свои методы самотерапии: а) музыкально-песенная самотерапия, выражающаяся в склонности лишенных свободы к песням интимного содержания с печальными мелодиями, жалобами на неудавшуюся судьбу; б) исповедальная самотерапия – исповедь перед другими, чаще всего друзьями или перед тюремным священником, помогающая снять напряжение на основе взаимных переживаний; в) алкогольная (цифирная, токсическая) терапия – стремление опьянением довести себя до «хорошего» настроения, «кайфа», отключившись от тревожной действительности; г) раз-

---

¹ Пирожков В. Ф. Криминальная психология. Гл. 12. М., 2001; Пирожков В. Ф. Творчество осужденных – не прихоть // Воспитание и правопорядок. 1981. № 2.

влекательная самотерапия (азартные игры, «прописка новичков», загадки, групповые нарушения режима и т. п.), отвлекающая от переживаний факта социальной изоляции и тюремной монотонности; д) поделочная самотерапия – занятия специфическим «тюремным» искусством, различными поделками, изготовлением запрещенных предметов, увлечение порнографией; е) увлечение нанесением татуировок, содержание которых отражает переживаемые психические состояния. Знание этих видов самотерапии подсказывает возможные пути снятия и преодоления негативных психических состояний ожидания в условиях социальной изоляции (активизация работы священнослужителей, вовлечение заключенных в художественное творчество, художественную самодеятельность и др.).

Еще один синдром – синдром тоски и скуки. Тоска по дому (родным, друзьям) вызывает у осужденных повышенную возбудимость, раздражительность, персеверацию – навязчивое повторение одних и тех же образов памяти и воображения. Особенно острая тоска возникает после получения писем из дома, окончания свидания, накануне семейных праздников. Усиливает тоску у осужденных отсутствие непосредственных и дальних перспектив, самоизоляция и одиночество, незанятое свободное время, однообразие и монотонность жизни в исправительном учреждении. Скука, которая, как правило, сопровождает тоску, порождается не только теми же причинами, но и субъективными особенностями личности, ее психологической неподготовленностью к условиям жизни в исправительном учреждении. Осужденные прибегают к различным развлечениям, с помощью которых пытаются избавиться от тоски и скуки. Еще более тягостно состояние апатии, из-за которой осужденный становится пассивным, воля его парализуется. Апатия весьма часто завершает ряд тревожных состояний, переживаемых осужденным в период адаптации.

У осужденных комплекс отрицательных психических состояний может периодически развиваться в связи с наличием постоянной внутренней борьбы мотивов, стимулов интересов. Изменение стереотипа, структуры потребностей, интересов все время проходит через мыслительную деятельность осужденного, что, вызывая противоречивое отношение, часто отражается и на его психических состояниях.

Особенности адаптации к условиям лишения свободы. В условиях лишения свободы, в изоляции от общества, личность осужденного претерпевает значительные изменения, в результате которых наибольшую значимость для него приобретают ценности, обеспечивающие индивидуальное, как бы внесоциальное, существование, а ценности, отображающие деятельность и социальную сущность человека, уходят на второй план. Осужденный по окончании срока наказания снова попадает в общество, законы которого он должен соблюдать, но в силу ряда причин не всегда в состоянии им следовать, так как у него затруднена социальная адаптация.

Тюрьма, колония – ломка привычного уклада жизни, отрыв индивида от родных, близких людей, годы тяжелого обреченного существования. Тюрьма – это повышенные трудности адаптации, частые межличностные конфликты, недоброжелательность окружения, грубость обращения, скудные бытовые условия, криминальная субкультура, постоянное давление со стороны персонала, криминализированных групповых лидеров. У заключенного при этом обостряются его личностные дефекты.

Первые 2–3 месяца – период первичной адаптации – наблюдается наиболее острое психическое состояние осужденного: происходит болезненная ломка ранее сформированных жизненных стереотипов, резко ограничивается удовлетворение привычных потребностей, остро переживается враждебность новой микросреды, часто возникают конфликтные эмоциональные состояния. Чувство безнадежности, обреченности становится постоянным негативным фоном самосознания личности. Это происходит до тех пор, пока у осужденного не вырабатываются качества, необходимые для новых условий жизни.

Уже на следующем этапе адаптации могут появляться и развиваться положительные эмоции, состояния, которые вызывают повышенную психическую активность осужденного. Интересы, вызывающие такие состояния, могут быть самые различные: создание микрогруппы, участие в жизни коллектива осужденных, выполняемая работа, культурный досуг, учеба, свидание с родственниками и т. д. Появление широкого круга интересов, расширение структуры выполняемых социальных ролей в определенной мере способствует изменению психологии осужденного.

Психика осужденного ищет выход из унылой, тягостной и однообразной повседневности. Возникают замещающие феномены, образно переживается прошлое, возникает «жизнь в воображении», гипертрофируется былая самореализация, возникают суррогаты самоутверждения – личность стремится к гиперкомпенсации. Отсюда особая экспрессивность, демонстративность, взвинченность поведения.

Весь уклад жизни осужденного определяется режимом соответствующего типа исправительного учреждения. Реализуя комплекс определенных правоограничений, режим исправительного учреждения создает осужденному все положенные для него тяготы, страдания и лишения.

Режим исправительного учреждения призван формировать у осужденных навыки положительного поведения. Однако в большинстве случаев режим сводится лишь к комплексу правоограничений, в нем нет тренинга личностного самосозидания.

Наказание, по уголовному закону, являясь карой за совершенное преступление, осуществляется для исправления и перевоспитания осужденных и не имеет целью причинение физических страданий или унижение челове-

ческого достоинства. На самом же деле, пребывание в местах лишения свободы, нечеловеческие условия жизни рушат последнюю надежду на примирение осужденного с социумом. Восприятие среды как чужой, опасной и ненавистной переходит на подсознательный уровень. Окончательно закрепляется антисоциальная установка.

Как правило, в условиях лишения свободы и вследствие этого лишения многих благ, которыми повсеместно и незаметно пользуются все граждане, происходит существенное переосмысливание осужденным многих прошлых отношений и интересов. Он начинает иначе ценить те отношения и блага, которые раньше им вообще не замечались или даже вызывали раздражение. Совершенно иначе в настоящих условиях он вспоминает отношения на работе, взаимоотношения в семье. В связи с этим происходит переоценка своих прошлых интересов, своего отношения к людям.

Влияние преступного образа жизни. Жизненная позиция вора и туеядца – жить на нетрудовые доходы, вести паразитический образ жизни – вырабатывает у закоренелого преступника устойчивую апперцепцию, в результате действия которой человек, прежде всего, видит то, что «плохо лежит»¹. Честный труд он рассматривает как зазорное, а преступление – как вполне допустимое и оправданное явление. Преступник-рецидивист в уголовном наказании видит средство, которое вызывает у него лишь физические страдания; нравственно-психологическое воздействие кары на него, как правило, незначительно.

Многие осужденные не пытаются разобраться в событиях общественной жизни, правильно понять меру своей ответственности, критически оценить совершенное ими преступление, а поэтому воспринимают наказание как несправедливое.

У некоторой части осужденных наблюдается моральная невоспитанность восприятия, выражающаяся в неумении слушать других людей, в обостренной тяге к интимным сторонам жизни и т. п.

Занимаясь длительное время преступной деятельностью, некоторые осужденные формируют у себя особый вид памяти, заключающийся в быстром, точном и прочном запоминании того, что относится к специфике преступной деятельности. В связи с длительными перерывами в учении у некоторой части осужденных наблюдаются пониженная точность и готовность памяти, отсутствие навыков смыслового запоминания и заучивания учебного материала. Существенно ослабляют их память наркотики и алкоголь.

Достоевский указывал, что все арестанты – мечтатели, хотя и скрывают это. «...Мечтательность – общий удел заключенных вне всякой зависимости

---

¹ Исправительно-трудовая психология: Учеб. пособие для слушателей вузов МВД СССР / Под ред. К. К. Платонова, А. Д. Глоточкина, К. Е. Игошева. Рязань, 1985.

от их развития», – отмечал М. Н. Гернет. Лишение свободы вызывает у осужденного в самых потаенных уголках сознания сожаление о том, что произошло, и мечту о том, чего не было, но могло бы быть.

Сама преступная деятельность также влияет и на мышление осужденного и формирование качеств его ума. Среди осужденных часто можно встретить лиц, страдающих вязкостью, разорванностью, замедленностью мышления. Наблюдается существенная разница в мышлении человека, впервые оказавшегося в местах лишения свободы, и в мышлении неоднократно отбывавшего наказание рецидивиста, для которого преступный образ жизни стал нормой. Если у первого лишение свободы может на некоторое время даже сковывать мыслительную деятельность, то у второго, напротив, активизировать ее изоэренность.

Осужденные-рецидивисты, имеющие особенно глубокие пороки в нравственной сфере, отличаются рядом отрицательных качеств ума. Одним из них свойственна несамостоятельность, они и преступления совершили чаще всего как соучастники, исполнители воли других людей. Ум других – глубокий и гибкий, но не самокритичный, сверхсамостоятельный, не позволяющий им трезво оценивать свое поведение и сделать правильные выводы.

У многих осужденных, особенно из числа неоднократно судимых, извращенной оказывается направленность волевой активности. В мотивации их поведения и деятельности доминирующую роль играют мотивы, связанные с удовлетворением сиюминутных потребностей, стремление во всем иметь только личную выгоду, узкоэгоистичное отношение к жизни и окружающим их людям, искаженное понимание долга и ответственности. Наряду с искажениями в области волевой активности у них отмечаются недостатки и в динамической стороне воли, что выражается в неразвитости способности к задержке отрицательных мотивов и побуждений, повышенной аффектации и импульсивности поведения. Имеет место дисгармония между силой побуждения и торможения.

Лишение человека свободы, его социальная изоляция – мощный фактор модификации человеческого поведения. Психика каждого человека по-разному реагирует на этот фактор.

ГЛАВА V. ЗАВИСИМОСТЬ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕСТУПНИКОВ ОТ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Совершенное преступление в большинстве случаев связано с достижением заранее планируемого результата. Он оценивается преступником с позиций его исходных побуждений. Удовлетворение результатом закрепляет образ данного акта преступного поведения, облегчает его проведение в дальнейшем. Возможно и отрицательное отношение к результату, которого хотел достичь и достиг преступник. Достигнутый результат может вызвать отрицательные чувства, и в связи с этим раскаяние в содеянном.

Следует также отметить, что совершенное преступление всегда порождает психические изменения личности преступника. Преступление представляет собой внешний акт. Но этот акт является преступным потому, что он нарушает не только внешне форму поведения, но и те индивидуальные внутренние данные человека, которые обеспечивают осуществление этих внешних норм¹. Во всех случаях не только преступник оставляет следы. Изменения в его сознании, поведении, в психических состояниях приводит к более стойким изменениям в его личности.

Следует отметить, что психические изменения в личности преступника после совершения преступления в значительной степени зависят от психологической структуры преступления: являлось ли оно сознательно планируемым или ситуативным, была ли реализована в нем осознаваемая потребность или преступление явилось результатом дефекта социальной роли при отсутствии умысла на совершение преступления.

Переживание события преступления, своего отношения к нему, сознание своей виновности, боязнь уголовной ответственности – все это взаимно усиливает друг друга и создает тот комплекс психических состояний, которые присущи преступнику после совершения преступления. В большинстве случаев комплекс психических состояний может создавать довольно сильную доминанту, которая существенно снижает психическую активность личности преступника во всех сферах жизни, во всех ее отношениях.

У отдельных категорий профессиональных преступников, особенно у рецидивистов, сознание противоправности своих действий, отрицательного отношения общества к их деятельности приводит к стремлению внутренне компенсировать это отрицательное отношение к себе попыткой внушения окружающим собственной исключительности, дающей им право нарушать общие нормы поведения и законы. Совершенное преступление в таких случаях порождает внутреннюю браваду, сознательный негативизм по отношению к окружающим, усиленное противопоставление себя окружающим во всех действиях и поступках.

---

¹ См.: Мясищев В. Н. Основная задача судебной деятельности / Человек перед судом. Л., 1965. С. 170–171.

Психические изменения личности преступника наступают не только в результате совершения им преступления, но и на всех стадиях деятельности правоохранительных органов по осуществлению расследования и правосудия. Причем на каждой из стадий с учетом различных процессуальных форм, условий деятельности, способов воздействия, степени информированности преступника о сущности процессуальной деятельности эти психические изменения имеют различное содержание.

Практика показывает, что для различных видов преступлений (корыстных, насильственных, неосторожных) характерны различные искажения в мотивационной сфере правонарушителя.

Психологическое обследование осужденных за преступления *против жизни и здоровья* выявляет у них сильную зависимость от других лиц. Осужденные за убийства предпочитают воспринимать внешнюю среду как враждебную. Проявляют импульсивность, агрессивность и расчетливость при любых социальных контактах, представляющих малейшую угрозу для их личной безопасности.

Их собственная агрессия проецируется вовне, вследствие чего ситуации, в которые они попадают, воспринимаются нередко как потенциально опасные или угрожающие, хотя на самом деле этого может и не быть.

Такие осужденные обладают достаточно устойчивыми трудно корректирующимися социальными установками. Все затруднения и неприятности, с которыми они встречаются в жизни, интерпретируются ими как результат враждебных действий со стороны окружающих. Как правило, они не раскаиваются в совершенных преступлениях; в своих неудачах предпочитают обвинять других, а не себя. В условиях изоляции они часто стремятся играть роли «борцов за справедливость» и выразителей групповых настроений осужденных.

В качестве отдельной категории можно выделить *осужденных к пожизненному лишению свободы*. Их численность весьма скромна и колеблется в диапазоне 0,1–0,2 % от общего населения пенитенциарных учреждений. По мнению авторитетных ученых¹, сохраняют способность здраво рассуждать и контролировать себя как социального человека только 3–4 % отбывающих столь суровое наказание. Большинство лиц, находящихся в изоляции, необратимо регрессируют.

В психологическом плане лишь малая часть пожизненно осужденных пытается осознать экстремальность ситуации, в которую они заслуженно попали, пытаются сохранить свою личность. Некоторые из числа таких осужденных способны сохранять здоровое видение реальной ситуации пожизненного осуждения и пытаются предпринять определенные усилия для физической и психической адаптации. Большинство нередко спасается погружением в мир внутренних переживаний, ослабляя контакт с внешним миром, который выступает стрессогенным фактором. Виртуальное пространство аутизма становится защитой от непереносимой реальности.

---

¹ Мухина В. С., Хвостов А. А. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. 2002. № 3–4; 2003. № 1, 4; 2004. № 1.

Пожизненно осужденные обречены на постоянные переживания стресса от условий существования и неотступного комплекса возникших психологических проблем.

Г. Селье, создатель теории стресса, указывал на то, что давление внешних условий приводит к комплексу переживаний и изменению психофизиологических состояний человека. Согласно его точке зрения, в результате воздействия стрессоров происходит увеличение адреналина в крови, что в начале приводит к расходованию ресурсов организма – «адаптационной энергии», а затем к истощению. Находясь в условиях так называемого длительного стресса, человек постепенно расходует как поверхностные, так и глубинные адаптационные резервы.

Пожизненно осужденные испытывают стресс не просто на протяжении длительного времени. Фактически стресс не фиксирован для них на определенном моменте его завершения: сначала – приговор, как правило, к высшей мере наказания; затем – замена высшей меры наказания на пожизненное осуждение. В условиях изоляции и постоянного ожидания стресс запрограммирован в образе поведения и повседневного существования человека. Длительное отбывание наказания не снимает аффекта преступления – аффект сохраняет концентрацию на событии преступления. Постоянно действующие экстремальные условия среды (неизменный фактор внешних условий) и особенности эмоциональной стороны стресса, растянутого во времени (внутренняя позиция и чувства человека), относятся к так называемому «застывшему стрессу»¹.

Застывший стресс требует постоянной специфической адаптационной перестройки как функциональных систем организма, так и особых личностных усилий на определение цели жизни в условиях изоляции. Это явление поддерживается специфическими условиями микросреды пенитенциарного учреждения, порядком отбывания наказания, тяжестью преступления и т. д.

К условиям существования, которые также в значительной степени определяют физическое и психическое самочувствие этой группы осужденных, относятся:

- строгий режим изоляции от общества;
- бедность предметного мира;
- сенсорная и сексуальная депривация;
- ограниченность индивидуального пространства;
- ограниченность сферы общения;
- специфические формы обращения персонала с осужденным.

Указанный комплекс факторов создает и поддерживает эффект «застывшего стресса» – условия неизменны, они не зависят от времени года, почти не зависят от состояний и поведения осужденного. Никакой вариативности условий.

---

¹ Мухина В. С., Хвостов А. А. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. 2002. № 3–4; 2003. № 1, 4; 2004. № 1.

Строгий режим изоляции. Наказание справедливо, однако оно держит пожизненно осужденного на грани (подчас за гранью) переносимого.

Бедность предметного мира. Преступник в качестве наказания лишается права владеть совокупностью системы привычных вещей, в условиях наказания он получает ограниченное число предметов. Те вещи, которыми он владеет, достаточно примитивны, преимущественно однотипны и различаются между собой, скорее «по недостатку», чем по качеству.

Долгая изоляция в камере приводит к депривации сложившихся прежде потребностей (физиологических, психологических и социальных), в том числе – потребностей в обладании собственными предметами как условия нормального (полноценного) человеческого бытия.

Сенсорная депривация и резкое сужение сферы общения. Люди, постоянно находящиеся в однообразных условиях изоляции от общества, испытывают негативные переживания вследствие ограничения контактов и однообразия среды. Ограниченный набор внешних стимулов нередко способствует деперсонализации личности. Такая угроза свойственна целому ряду гражданских профессий, в которых человек вынужден быть в одиночестве и исполнять монотонную деятельность. Однако эти люди имеют возможность менять ритм своей повседневной жизнедеятельности и восстанавливать утраченные психофизиологические ресурсы.

Постоянное пребывание человека в камере предопределено однообразием условий, которые ограничивают его сенсорную, двигательную, сексуальную, интеллектуальную и коммуникативную активность. Осужденные изо дня в день слышат одни и те же команды, видят одни и те же серые стены и лица. Их сопровождает ограниченное число запахов и звуков.

Депривация ведущих потребностей и сужение сферы общения приводят к снижению общего эмоционального фона настроения человека. Высокая чувствительность к другим «собратям по заключению», возникающая от общей депривации, нередко приводит к крайней раздражительности и озлобленности, которые следует обязательно подавлять или сдерживать.

Многолетняя сенсорная депривация и ограничение сферы взаимодействия создают еще одну дополнительную грань застывшего стресса. Человек начинает уходить в себя, фантазируя в пространстве своего психологического состояния.

Скученность и ограниченность индивидуального пространства. Известно, что потребность в организации индивидуального пространства заложена биологической и социальной природой человека.

В условиях пожизненного лишения свободы, где осуществляется строгий и постоянный надзор поведения и использования жизненного пространства камеры, индивид теряет возможность свободно распоряжаться предоставленной возможностью. Он начинает страдать физически и психологически. У осужденного возникает состояние тревоги, повышенной напряженности и агрессивности. Эти состояния человек вынужден постоянно сдерживать и загонять вглубь «своего Я». Вследствие этого накапливается фрустрация и усиливается депривация.

Дополнительное наказание скученностью на малом пространстве заставляет держать человека в постоянном состоянии застывшего стресса. Любой из тех, кто желает сохранить свое человеческое лицо среди таких же «собратьев по заключению», путем проб и ошибок ищет доступные пути установления наиболее продуктивных отношений для выживания в экстремальных условиях изоляции.

Специфические (обезличенные) формы обращения персонала с осужденными. Сотрудникам пенитенциарного учреждения, в котором отбывают наказание лица, осужденные к пожизненному лишению свободы, регламентируется использование специально отработанных моделей обращения, содержащих конкретные, повторяющиеся изо дня в день словесные формулировки, главным образом, директивного характера. Вербализация ограниченного числа высказываний сопровождается выраженной экспрессией эмоциональной отчужденности. В этом смысле уставные формы взаимодействия персонала с осужденными представляют собой, конечно же, вполне заслуженное, но с трудом переносимое психологическое наказание.

Под влиянием вышеперечисленных условий повседневного функционирования многие из пожизненно осужденных «уходят в себя», начинают строить особый внутренний мир, своего рода иллюзорное пространство, в котором проживают бесконечные часы и дни. Они уже не думают о том, как вернуться в человеческую жизнь, они от нее отдаляются. Осужденные уходят в грезы и погружаются в свои воспоминания. Это состояние аутизма. Однако, если психически больные уходят в аутизм по медицинским показаниям, то пожизненно осужденные в силу сложившихся обстоятельств.

Впервые понятие «аутизм» использовал Э. Блейлер в 1911 г. Этим термином он обозначил состояние ухода индивида из внешнего мира во внутреннюю жизнь, построенную на аффективных переживаниях. При аутизме начинают доминировать образы, подчиненные аффективным потребностям.

В прикладной психологии состояние «аутизма» используется для обозначения повышенной ориентации человека на внутренние переживания, выражения зависимости мысли от аффективной тенденции.

Есть основания полагать, что феномен аутизма в условиях изоляции является формой компенсаторного поведения. Это стремление находиться в одних и тех же внутренних условиях своего желаемого пространства, «своего мирка». Визуализация образов прошлого и удержание одних и тех же аффективных переживаний представляет собой отнюдь не самый продуктивный путь жизни человека. Патологическое фантазирование в рамках одного и того же переживания ускоряем процесс распада личности с навязчивыми состояниями зрительных, слуховых и тактильных галлюцинаций.

Смысл человеческой жизни – в активной деятельности, в физических действиях, в умственной нагрузке, в духовном развитии. Если эта потребность не удовлетворяется в строгих условиях изоляции от общества, то компенсаторной реакцией становится такая форма приспособления к жизни, как ау-

тизм, когда человек сам будоражит себе мозг, включая одни и те же тупиковые сюжеты, одни и те же тягостные переживания.

Однако любое живое существо стремится к жизни. Всякая возможность улучшения своей жизни (или даже иллюзия улучшения) придает силы человеку.

Преступники, совершавшие акты насилия, автоматически уходят за пределы возможного развертывания своей человеческой сущности в высших проявлениях и утверждении другого в его исключительности и человечности. Регресс личности, совершившей преступление, неизбежно проявляет себя – ведь он наказан не только судом и лишением свободы, но и постоянно присутствующими образами, неизменно напоминающими то, что преступил границы дозволенного, лишил других людей жизни. Совершившие насильственные преступления расплачиваются гиперчувствительностью к отношениям с другими людьми и повышенной ранимостью.

Осужденные за насильственные преступления представляют определенную сложность при организации профилактической работы и осуществлении программ психолого-педагогического воздействия. Именно с ними связано наибольшее количество конфликтных ситуаций, а также иных нарушений режимных требований. Вследствие этого перед сотрудниками пенитенциарных учреждений ставятся задачи осуществления динамического контроля их повседневного поведения и наблюдения за системой неформального взаимодействия.

Результаты изучения индивидуально-психологических характеристик осужденных за *преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности* показывают на неоднозначность и значительный разброс положений (статусов), которые они занимали до направления в пенитенциарное учреждение – от лиц, ведущих законопослушный образ жизни до людей, имеющих проблемы с правоохранительными структурами, а также страдающими различными психическими расстройствами.

По сравнению с другими категориями преступников (к примеру, убийцами или ворами), они имеют низкую степень идентификации с традиционно понимаемыми в обществе моделями поведения мужчины и женщины. Это имеет непосредственное отношение к их жизненному опыту, культурным интересам, социальному и профессиональному статусу.

Вся совокупность данной категории осужденных может быть условно разделена на три основные группы:

- индивиды, имеющие различные нарушения психосексуального развития;
- лица с выраженными характерологическими или психопатологическими особенностями;
- лица с нарушениями межличностного восприятия.

Типичными индивидуально-психологическими чертами таких осужденных являются: рассогласование с общепринятыми нормами и общеразделяемыми образцами сексуального поведения; снижение интеллектуальных способностей; агрессивность, подверженность поступков влиянию случая или ситуации, тревожность и напряженность; низкий уровень контроля повсе-

дневного поведения и неуверенность в себе; отсутствие необходимых коммуникативных навыков.

В условиях лишения свободы осужденные за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности стремятся не нарушать режим содержания, подчиняются требованиям администрации и представителям актива самодеятельных организаций. Они легко попадают в зависимость от лидеров и членов неформальных групп асоциальной направленности, избегают конфликтных ситуаций, позитивно относятся к трудовой деятельности.

Основная цель индивидуальной воспитательной работы с такими лицами должна заключаться в определении мотивов криминального поведения, а также проведении психокоррекционных мероприятий по развитию у них навыков конструктивного взаимодействия с окружающими.

§ 1. Îñááí í îñòè èè÷í îñòè îñæääí í ûõ, î òáúââðùèõ í æèàçáí èá çà í ðáñòóí èáí èÿ â ñòáäà ÿéí í î èèé¹

Наиболее представительными по численному составу являются категории осужденных, отбывающих наказание за преступления в сфере экономики. В психологическом плане механизмы совершения большинства преступлений против собственности имеют общую основу, которая выражается в устойчивости корыстных побуждений (мотивации) личности. Здесь мы сталкиваемся с проблемой отчуждения личности, формированием у нее системы негативных отношений к обществу или отдельным представителям, имеющим высокий социально-экономический статус. Если мелкие хищения нередко обуславливаются повседневными потребностями, материальными трудностями, то крупные, как правило, корреспондируются с повышенным уровнем притязаний или явным стремлением доминировать в окружающей среде с помощью признаков материального благополучия.

При анализе характеристик лиц, отбывающих наказание за имущественные преступления, их можно распределить на два больших массива: 1) осужденные за корыстные преступления против государственной и частной собственности; 2) осужденные за корыстные преступления против личной собственности граждан. Подавляющее большинство осужденных за имущественные преступления – мужчины. Однако имущественные преступления являются наиболее характерными для женской преступности.

Самыми большими как у мужчин, так и у женщин являлись группы лиц, отбывавших наказание за кражу личного имущества граждан. Воры и воровки составляют «традиционное большинство» обитателей исправительной колонии, отбывающих наказание за имущественные преступления.

---

¹ Левина Е. А. Социально-психологическая работа с осужденными в зависимости от вида преступления: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2004.

Изучение возрастных особенностей осужденных за имущественные преступления устанавливает определенную связь: одни имущественные преступления наиболее характерны для молодых людей, другие – для лиц среднего возраста, третьи – для лиц более зрелого возраста. Большинство осужденных за кражу государственного и частного имущества – это лица от 18 до 39 лет (основной пик 18–29 лет).

Осужденные, отбывающие наказание за имущественные преступления, по своему семейному положению отличаются от всех остальных осужденных. В среднем среди них меньше лиц, имеющих семью. Среди лиц, посягнувших на частную и государственную собственность, самый высокий процент распада семей наблюдается у осужденных за грабеж, разбой и кражу.

Имеет место различие в семейном положении лиц, осужденных за кражу государственного, частного и личного имущества. Представляется, что здесь проявляется комплекс причин, связанных с социальной деградацией личности, которая в большей мере свойственна ворам, посягающим на личное имущество граждан. Общая деградация личности проявляется как в измельчании преступных намерений, так и в иных социальных характеристиках, в частности в семейном положении.

Одним из важнейших признаков социально-демографической характеристики любой группы населения, в том числе и осужденных, является ее образовательный уровень. С ним тесно связаны профессиональная ориентация человека, его культурный облик, система социальных притязаний – многие характеристики, выяснение которых так важно в изучении механизма и генезиса преступного поведения. Среди лиц, осужденных за имущественные преступления, самый низкий уровень образования имеют отбывающие наказание за мелкое хищение, оба вида краж. Чуть более высоким уровнем образования характеризуется группа осужденных за оба вида разбоя и грабеж личного имущества (дифференциация основана на различии в удельном весе групп осужденных с образованием до среднего общего). Более заметно выделяется третья группа – осужденные за оба вида мошенничества, хищение в особо крупных размерах и хищение путем растраты, присвоения, злоупотребления служебным положением.

В этом наиболее ярко проявляется взаимосвязь характера противоправного деяния и социальных характеристик лица, его совершившего. Указанные виды преступлений подразумевают, во-первых, определенное общественное положение субъекта, обеспечивающее возможность совершения этих преступлений, и, во-вторых, наличие известной выдумки, смекалки, запаса специальных знаний. Все это теснейшим образом связано с уровнем образования.

Наличие у осужденного местожительства особенно важно для его успешной адаптации к условиям жизни на свободе после отбывания наказания. По этому признаку посягатели на государственную собственность характеризовались так же, как и все осужденные. Доля осужденных за преступления против личной собственности, имеющих жилье, несколько меньше, чем среди осталь-

ных осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Трудовое и бытовое устройство таких лиц усложняется тем, что как сказано ранее, у многих из них отсутствовали или распались семейные связи, поэтому работа по их подготовке к освобождению встречает значительные трудности.

Среди осужденных за имущественные преступления наибольшее число лиц, не имевших на момент ареста определенных занятий. Особенно она велика среди осужденных за разбой государственного имущества, мелкое хищение, кражу и мошенничество в отношении личного имущества.

Следует отметить, что средний срок назначенного наказания для осужденных за преступления против собственности значительно меньше, чем для всех остальных осужденных, причем доля «краткосрочников» (тех, у кого срок наказания не превышал одного года) среди первых значительно меньше, чем среди вторых.

Как уже отмечалось, основную долю осужденных и за преступления против государственной, и за преступления против личной собственности составляли воры. Среди воров личного имущества особенно велика доля многократно судимых, соответствующий показатель для осужденных за кражу государственного имущества несколько меньше.

Состояние опьянения является существенным криминогенным фактором и в ряде случаев выступает в качестве непосредственной причины совершения преступления. Нетрезвое состояние субъекта при совершении имущественных преступлений встречается реже, чем при совершении всех остальных преступлений. В то же время для мелких расхитителей характерно большое количество алкоголиков и лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения. Для этой категории осужденных алкоголь является и непосредственной причиной совершения правонарушения, и существенной чертой их образа жизни. Отметим также, что зачастую мелкое хищение свершалось в сугубо утилитарных целях – добыть средства для покупки спиртного. Если же учесть, что рецидив имущественных преступлений является одним из наиболее высоких, становится ясно, что успешное осуществление лечения алкоголиков из числа осужденных за преступления против собственности является одной из насущных задач деятельности психолога.

Доля лиц, которым назначено принудительное лечение от алкогольной зависимости среди осужденных за преступления против собственности, примерно соответствовала доле таких осужденных среди всех отбывавших лишение свободы. Удельный вес лиц, которым назначено лечение от наркомании, невелик.

Это может свидетельствовать о том, что злоупотребление алкоголем для этих категорий лиц реже выступало в качестве непосредственной причины совершения преступления и большинстве своем связано с ведением определенного образа жизни. Алкоголь служит одним из средств вовлечения морально неустойчивых лиц в совершение хищений; злоупотребление алкоголем нередко проявляется при реализации добытого незаконным путем, что особенно характерно для второстепенных участников хищений.

Анализ приведенных данных показывает, что в среднем осужденные за имущественные преступления хуже относились к общественно полезному труду, чем остальные лица, отбывающие лишение свободы. Если сравнить осужденных за преступления против личной собственности и против государственной собственности, то окажется, что среди первых заметно меньше, чем среди вторых, доля добросовестно относящихся к работе. В отношении осужденных за преступления против собственности более актуальной задачей, чем в отношении остальных осужденных, является преодоление негативного отношения к общественно полезному труду и, следовательно, более эффективное использование его как основного средства исправления и перевоспитания лиц, отбывающих лишение свободы.

Как и по другим показателям, осужденные за преступления против государственной и личной собственности характеризовались несколько различным образом и по участию в самодеятельных организациях, причем первые немного лучше, так как среди них больше удельный вес осужденных, принимавших участие в деятельности этих организаций. Хуже всего характеризовались мелкие расхитители – среди них лица, не участвовавшие в работе самодеятельных организаций, составили свыше четырех пятых. Осужденные за воровство, состоящие в самодеятельных организациях, особой активности в их работе не проявляли.

Побудительные механизмы всех корыстных преступников имеют общую основу – устойчивость корыстных побуждений. Этим объясняется высокий уровень повторности и рецидива в данном виде преступлений.

У корыстного преступника обычно сформирован особый тип поведения ситуативная зависимость поведения – установка на совершение криминальных действий в любой ситуации ослабленного социального контроля. Вор обычно не временно оступившийся человек, а человек нечестный, личность с системой устойчивых негативных качеств, сформированных, как правило, в условиях отвержения моральных норм в семье и микросреде, в условиях нужды и социального отвержения.

В условиях сегодняшней действительности корыстные преступления связываются не только с личной материальной выгодой, но и с хозяйственной необходимостью.

После подробного изучения личностей преступников, *осужденных за кражу*, можно выделить несколько особенностей:

- ✓ стабильная криминальная направленность;
- ✓ стремление утвердить себя в глазах других, преступление выступает как способ решения внутриличностных проблем;
- ✓ сильно выраженные эгоистические интересы;
- ✓ хорошая ориентация в нормах и требованиях, но их неприятие и сознательное нарушение;
- ✓ интеллектуальный контроль поведения, гибкость, умение принимать решения.

Для этой категории осужденных наиболее выраженными являются такие черты, как гибкость мышления, достаточно высокая интеллектуальная развитость, информированность, осторожность, расчетливость, практичность, недоверие к окружающим, приземленность стремлений, динамичность, потребность в самоутверждении и признании, достаточно высокий уровень самоконтроля.

§ 2. Èè-í îñòü îñáääí í ùõ çà í àñèüñòääí í ùá í ðàñòóí'èáí èÿ

Изучение лиц, осужденных за убийства, показывает, что около половины из них начали употреблять спиртные напитки с раннего возраста. Алкоголь в несколько раз усилил проявление агрессии и утяжелял ее. Агрессивные действия в основном проявлялись в угрозах, избиениях оскорблениях и драках, т. е. были направлены против личности и общественного порядка. Всей группе осужденных за особо тяжкие убийства присуща жестокость, проявляющаяся в обращении с животными, детьми, престарелыми, женщинами.

Личность *осужденных за насильственные преступления* характеризуется, как правило, низким уровнем социализации, отражающим пробелы и недостатки основных сфер воспитания: семьи, школы, профессионально-технического училища, производственного коллектива. Мотивационная сфера этой личности характеризуется эгоцентризмом, стойким конфликтом с частью представителей окружающей среды, оправданием себя¹.

Психология лиц, совершивших убийства, выявляет у них сильную зависимость от другого лица. Убийцы в целом относятся к такой категории людей, для которых свободная и самостоятельная адаптация к жизни – всегда трудная проблема. Следует иметь в виду, что эта зависимость может реализовываться не только в контакте с жертвой, но и с кем-либо иным, тогда преступление оказывается опосредованной зависимостью от третьего лица. Убийство возникает как действие, направленное на сохранение автономной жизнеспособности преступника, как бы разрывающее связь с жизнеобеспечивающим фактором, который перестал выполнять эту приписанную ему функцию. Основным в происхождении убийств является онтогенетический фактор – блокирование способности к автономии в результате отвержения потенциального преступника другими лицами. Подавляющее большинство убийств совершается с прямым умыслом, треть из них, как показывает практика, обдумывается заранее.

Психологически весьма симптоматично, что некоторые преступники-убийцы легко принимают вынесенное им наказание, согласны с ним, иногда даже считают его недостаточным. Объяснением этому может быть то, что при отсутствии чувства личной виновности имеет место осознание социальной ответственности, ее неизбежности и необходимости.

---

¹ Левина Е. А. Социально-психологическая работа с осужденными в зависимости от вида преступления: Дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2004.

Указанная особенность формируется в очень раннем возрасте как результат позиции, которую занимает ребенок (будущий преступник) в семье. Суть позиции – отвержение, неприятие ребенка родителями, прежде всего матерью. Это означает определенное отношение матери к ребенку, когда она либо не может, либо не хочет, либо не умеет своевременно и полно удовлетворить его потребности, в первую очередь естественные (в пище, тепле, чистоте). В результате ребенок оказывается в ситуации, если можно так сказать, хронического дефицита, постоянного неудовлетворения потребностей и постоянно зависит от матери, потому что только она могла бы их удовлетворить.

Ребенок живет как бы на предельном уровне: никогда не испытывает полной безопасности и удовлетворения своих потребностей, но не доходит до стадии полного лишения этих жизненно важных условий. Мы называем такое положение «ситуацией экстремального существования», которая несет в себе потенциально смертельную угрозу. Она и является источником убийств как актов индивидуального поведения. Таким образом, тема жизни и смерти начинает звучать для людей, которые находятся в ситуации отвержения, уже в самом начале жизни.

Убийство возникает как действие, направленное на сохранение автономной жизнеспособности преступника, как бы разрывающее связь с жизнеобеспечивающим фактором, который перестал выполнять эту приписанную ему функцию.

Основным в происхождении убийств является онтогенетический фактор – блокирование способности к автономии в результате отвержения потенциального преступления другими лицами.

По результатам совместного исследования с Генеральной прокуратурой России, более половины осужденных за убийство начинают употреблять спиртные напитки с малолетства. Алкоголь в несколько раз усиливает проявление агрессии и утяжеляет ее. Агрессивные действия проявлялись, в основном, в угрозах, оскорблениях, избиениях и драках, т. е. были направлены против личности и общественного порядка. Среди убийц преобладают мужчины, а более половины жертв – женщины.

В трети случаев убийца и жертва не знакомы друг с другом или познакомились непосредственно перед преступлением. В $\frac{1}{3}$ случаев они являются родственниками, в остальных случаях – соседями, знакомыми, сослуживцами. Чаще всего убийства совершаются в возрасте от 20 до 30 лет.

Среди осужденных за убийство преобладают лица с незаконченным средним образованием. Анализ условий воспитания показал, что осужденные за убийство в полтора раза чаще воспитывались в неблагополучных семьях. В детском и подростковом возрасте около 20 % осужденных росли без обоих родителей. Третья часть воспитывалась в неполной семье, в основном – без отца. В каждом пятом случае неполнота семьи была связана с судимостью родителей. Наиболее криминогенный фактор – судимость матери.

Неблагополучные условия воспитания и отношения с родителями создавали предпосылки для формирования личности обследованных. Они, как правило, посредственно или плохо учились в школе, у них не складывались отношения с коллективом, где они учились или работали, они не считались с общепринятыми нормами поведения, были агрессивны с окружающими.

Всей группе осужденных за особо тяжкие убийства была присуща жестокость проявлявшаяся в обращении с животными, детьми, престарелыми, женщинами.

При анализе материалов обнаруживалось перерастание агрессивного поведения в детском возрасте в противоправное и преступное в подростковом и юношеском. Каждый пятый из обследованных состоял на учете в инспекции по делам несовершеннолетних или направлялся в спецучреждения.

Этой категории преступников свойственен большой субъективизм и агрессивность, поэтому ситуации, в которые они попадают, воспринимаются часто как потенциально угрожающие, хотя на самом деле этого может не быть. В отличие от других, этим преступникам свойственны высокая чувствительность, уязвимость и ранимость в сфере межличностных отношений. Но проявляются эти качества не в плане соперничества другим, они обращены на себя.

Например, у убийц поведение в значительной мере определяется заряженными идеями, реализуемыми в определенных ситуациях. Они чрезвычайно чувствительны к любым элементам межличностного взаимодействия, подозрительны, воспринимают внешнюю среду как враждебную. В связи с этим у них затруднена правильная оценка ситуации, она легко меняется под влиянием аффекта. Индивид легко раздражается при любых социальных контактах, представляющих хоть малейшую угрозу для его личности.

Убийцы совершают преступления чаще всего в связи с накопившейся агрессией в отношении того или иного человека или ситуации, не видя при этом другого (или не желая видеть) способа разрешения конфликта. Наделение других людей своими мыслями, ощущениями или действиями приводит к тому, что они начинают восприниматься как враждебные и агрессивные. Вследствие этого, совершая акт насилия, убийца считает, что он таким образом защищает свою жизнь, свою честь, «справедливость», а иногда и интересы других.

Насильственным преступникам присуща повышенная враждебность к окружению, и их асоциальные поступки выступают как типичная форма поведения. Это поведение определяется тенденцией к непосредственному удовлетворению возникающих желаний и потребностей, сочетается с нарушением общей нормативной регуляции поведения, интеллектуального и волевого контроля. Таким образом, корыстно-насильственные преступники отличаются от других большей неуправляемостью поведения и внезапностью асоциальных поступков.

§ 3. Ī m̄āāī ī ĩñòè èè÷ī ĩñòè ĩñæāāī ī ūō çà ñæññæēūū ūā ī ðañò ōī'ēāī èŷ

Особенности осужденных за сексуальные преступления заключаются в следующем¹:

Мотивы преступного поведения не осознаются человеком полностью или частично. Для полноценного изучения личности таких осужденных необходимо вскрыть глубинные детерминанты преступного поведения. Такие осужденные, как правило, не нарушают режим содержания, подчиняются требованиям администрации, избегают конфликтных ситуаций.

В целом исследования личности осужденного за сексуальные преступления находятся на стыке проблематики психологии и психиатрии, что затрудняет ее изучение в рамках только одной из данных дисциплин.

Отличительные признаки совершивших изнасилования носят качественный характер и свидетельствуют об особенностях способов реализации мотивов поведения. Совершившие изнасилования по сравнению с другими категориями преступников (убийцами, ворами) имеют низкую степень идентификации с традиционной культурной и социальной ролью мужчины или женщины. Это главным образом имеет отношение к характеру жизненного опыта, культурным интересам, профессиональным устремлениям.

Психологический же смысл изнасилований можно рассматривать как стремление всячески утвердить себя по отношению к женщинам. Об этом говорит и характер совершенного преступления, в котором очень часто в меньшей степени отражаются сексуальные мотивы, а в большей самоутверждение. Такая тенденция может рассматриваться как следствие нарушенной идентификации с традиционно понимаемой мужской ролью, мужскими качествами. Важно подчеркнуть здесь, что такое преступление, как изнасилование выступает явно компенсаторным. Другими словами, за этим преступлением, связанным со стремлением к явному доминированию по отношению к женщине, может стоять субъективно неразрешенная проблема. Она заключается в том, что человек бессознательно ощущает склонность к противоположному по содержанию, по существу «женскому» поведению (подчиненному, пассивному и т. д.), которое он стремится преодолеть, чаще всего неосознанно, чтобы соответствовать субъективным представлениям о мужских ролях и качествах. Такие представления и порождаемое ими поведение формируются в процессе социализации индивида.

У виновных в совершении изнасилований обычно отсутствует ясное представление о традиционно мужских и женских чертах в поведении, отно-

---

¹ Левина Е. А. Социально-психологическая работа с осужденными в зависимости от вида преступления: Дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2004.

шения между мужчиной и женщиной в основном ограничиваются сексуальными функциями, что свидетельствует о социально-психологической незрелости. Именно поэтому их стремление к доминированию по отношению к женщине так часто ограничивается насильственной реализацией полового акта.

Происходит фиксация детских, подростковых представлений о взаимоотношении полов у взрослых людей, также прослеживается сильная фиксация на сексуальной сфере, аффективно отрицательная окраска сексуальных представлений, сексуальных мечтаний и фантазии.

Для большинства осужденных за изнасилование не существует проблемы персонифицированного выбора женщины даже в качестве сексуального партнера, не говоря уже о ней как носительнице иных ролей, в том числе социальных. Часто даже такие признаки, как возраст, внешность не имеют, поэтому существенного значения для насильника. Этим в значительной мере объясняются, например, случаи нападения в темноте на совершенно незнакомых женщин, внешность которых преступник даже не успел рассмотреть.

Совершившие сексуальные преступления крайне неоднородны по своим мотивам. Но следует особо отметить, что сама по себе сексуальная потребность и соответствующие мотивы не являются определяющими для совершения этого типа преступлений (исключением являются, пожалуй, только лица с выраженной умственной недостаточностью).

Ни в одном из иных видов преступлений нет такой богатой по содержанию бессознательной мотивации как в сексуальных преступлениях. Предлагаемая ниже типология наглядно иллюстрирует и раскрывает эти мотивы.

Всех осужденных за изнасилования можно разделить на три группы:

1. Лица, имеющие нарушения психосексуального развития;
2. Лица с выраженными характерологическими или психопатологическими особенностями;
3. Лица с нарушениями межличностного восприятия.

Результаты изучения индивидуально-психологических характеристик осужденных за *преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности* показывают на неоднозначность и значительный разброс положений (статусов), которые они занимали до направления в исправительное учреждение – от лиц, ведущих законопослушный образ жизни до людей, имеющих проблемы с правоохранительными структурами, а также страдающими различными психическими расстройствами.

Типичными индивидуально-психологическими чертами таких осужденных являются: рассогласование с общепринятыми нормами; снижение интеллектуальных способностей; агрессивность, подверженность поступков влиянию случая или ситуации, напряженность; низкий уровень контроля повседневного поведения; неуверенность в себе; отсутствие необходимых коммуникативных навыков и общепринятых образцов поведения.

***§ 4. Îñááí í ñòè èè-í ñòè ñæääí í ùõ çà í ðáñòóí'èáí èÿ,
ñáððóáí í ùá í í áññòíðíæí ñòè***

Согласно Уголовному кодексу РФ неосторожным преступлением признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности. В преступлении по легкомыслию лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий. Преступлением, совершенным по небрежности, считается преступление, в котором лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

В связи с бурным развитием техники и проникновением во многие сферы жизни мощных энергетических источников резко возросла общественная опасность преступлений, совершенных по неосторожности. Поэтому важнейшую задачу составляет раскрытие психологического механизма неосторожного преступления, позволяющего связать неосторожное поведение с индивидуальными особенностями личности, а также профилактика данного вида преступления.

При описании психического источника неосторожности часто используются такие выражения, как «пренебрежительность», «незаботливость», «легкомыслие», «расхлябанность», «беспечность» и др., однако подобные выражения предполагают скорее социально-этическую, чем психологическую характеристику процессов, механизм возникновения которых остается нераспознанным.

Особенность психологической стороны неосторожного поведения по сравнению с умышленным преступным поведением заключается в отсутствии или недостаточности «должного внимания», «требуемой предусмотрительности», «волевых усилий», «должного волеопределения» или «напряжения психических сил» и т. п. при наличии реальной возможности их осуществления.

Для мотивационной сферы «неосторожных» правонарушителей характерны преступная самонадеянность и небрежность, в результате которых правонарушитель либо своевременно не замечает аварийной ситуации, либо легкомысленно надеется ее предотвратить недостаточно надежными средствами. Нарушая те или иные правила (управления транспортом, обращения с оружием и т. д.), эти лица, зная о возможных трагических последствиях этих нарушений, надеются на благополучный исход, не имея для этого достаточных оснований. Их отличает высокая импульсивность и склонность к необоснованному риску.

Психологические аспекты явлений преступности связаны с проблемой ответственности личности. Принято считать, что набор ролевых обязанностей личности в системе социальных отношений характеризует весь диапазон ее ответственности. Однако, поскольку процесс осознания своей ответственности определяется многими факторами, субъективная ответственность лично-

сти подразумевает ее активную жизненную позицию и усиление удельного веса самоуправления в обществе.

Неосторожных преступников отличают постоянные, изначально присущие им психологические качества, а не ситуативные образования и состояния.

Необходимо также отметить, что многие осужденные за преступления, совершенные по неосторожности при совершении дорожно-транспортные происшествия были в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Известно, что алкоголь снижает возможность творческого подхода к экстремальной ситуации, активизирует у человека привычные, шаблонные методы реагирования. Поэтому сочетание этих двух факторов – опьянения и тревожности – максимально способствует повышению аварийности среди такого рода лиц в условиях дорожного движения.

Важно также отметить, что психологические качества могут существовать на характерологическом уровне в скрытом состоянии. В обычных условиях эта черта может быть выражена слабо или проявляться при продолжительном наблюдении. Однако под действием определенных ситуаций и психических травм скрытые черты могут выступать ярко, порой совершенно неожиданно для окружающих.

Другими словами, каждая ситуация и травма в аспекте активизации скрытых черт имеет «своих адресатов», т. е. специфику приложения к конкретному человеку с конкретными, определенными особенностями. Причем активизация ранее латентной черты у человека приводит в дальнейшем к ее функционированию до окончания стресса и обретения личностью внутреннего баланса.

В связи с вышесказанным можно предположить, что наличие такой черты, как тревожность даже в скрытом виде может способствовать принятию объективно неправильных решений в экстремальных ситуациях. Опьянение, конфликтные ситуации, различные психические травмы, переутомление и т. п. могут приводить к активизации скрытых особенностей, ранее присутствовавших у человека в скомпенсированном, психологически нейтральном состоянии, а это обычно включает привычные способы реагирования и поведения (стереотипы). Такого рода психологический феномен бесспорно повышает аварийность в условиях дорожного движения.

Среди рассматриваемой категории правонарушителей значительную долю составляют и такие лица, для которых социальная деформация и, тем более, антиобщественная установка не являются характерными. Однако наличие социальных, криминогенных деформаций, антиобщественных установок – внешние, социальные оценки, не раскрывающие внутренние механизмы совершения неосторожных преступных действий. Вот почему социально-нравственный аспект изучения обязательно должен сочетаться с психологическим.

Представителей этого типа отличает случайный, ситуативный характер совершенного преступления на основе халатности, потери бдительности, невнимательности, недостаточной личной ответственности. Они не являются социально опасными осужденными, так как их поведение, за которое они отбывают наказание, не связано с определенными мотивами причинения

ущерба кому-либо. В этом плане мы имеем дело с наименее деформированной личностью, что важно учитывать в социально-психологической работе. Для этой категории характерны интрапунитивные реакции на ситуации фрустрации, то есть возложение вины на себя, высокий уровень тревожности и неуверенности в себе.

§ 5. Èè-í îñòí ùá îñááí í îñèè îñæääí í ùõ, ñèèí í ùõ è òí î ò ðááèáí è ð í à ð è í ò è-áñèè õ ááí àñò á

Многие осужденные страдают алкоголизмом и наркоманией. Таким лицам становятся свойственны повышенная эмоциональность, легкость возникновения аффективных реакций, неустойчивость мотивов поведения, импульсивность, непредсказуемость. Для них не остается почти ничего святого, все может быть пропито или продано. Алкоголики и наркоманы легко загораются желанием сделать что-либо полезное, с энергией принимаются за дело, но обычно не доводят его до конца. Они становятся черствыми, безответственными и лживыми, уменьшается их привязанность к близким. Падает работоспособность, они с трудом входят в какой-либо род занятий, часто отвлекаются, делают перерывы, становятся капризными, перекладывают на других вину за собственную несостоятельность.

Для осужденного, склонного к употреблению наркотических веществ, характерны такие качества и свойства личности, как эгоцентризм, неадекватная самооценка, раздражительность, слабость «Я»-концепции, конфликт нереализованных возможностей, пассивность¹. Нарушения в межличностных отношениях свидетельствуют о разрыве социальных связей с друзьями и близким окружением. Также выявлены расстройства сексуальной сферы, скорее всего имеющие медико-психологическую основу. Сложные конфликтные отношения с родными, в особенности с отцом, скорее всего, являются причиной нарушения идентификации «Я», инфантилизма, выбора «позиции Ребенка». Кроме этого, для осужденных, склонных к употреблению наркотических веществ, характерна фиксация на своем психическом и особенно соматическом состоянии, поэтому необходимо правильно использовать эту фиксацию на своих проблемах с тем, чтобы преодолеть оказываемое сопротивление.

Значительную часть наркоманов составляют осужденные, которые приобщились к наркотикам, как к одному из атрибутов образа жизни преступников и характеризуются стойкой системой антиобщественных взглядов и представлений, трудно преодолимых убеждений. Их асоциальная установка относится к числу трудно изменяемых, а общепринятые средства индивидуального воздействия малоэффективны. Воспитательную работу с ними следует поручать наиболее подготовленным сотрудникам, имеющим достаточно большой практический и жизненный опыт. Воздействию в основном должны подвергаться направленность и отношение к социальным нормам, правилам поведения.

¹ Психологическое изучение личности осужденного: Сб. мат-лов. Самара, 2004.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преступники, как видно из изложенного выше, представляют собой особую категорию. С одной стороны, они прошли «курс» исправительной психологии. С другой стороны, тюрьма не столько исправляет, сколько портит людей, закрепляя антиобщественные навыки. Это подтверждается статистикой. Из числа ранее судимых и привлеченных вновь к уголовной ответственности свыше половины составляют лица, отбывшие наказание в исправительных учреждениях. В течение первого года после освобождения вновь совершает преступление каждый третий¹. Исследования показывают, что $\frac{2}{3}$ бывших заключенных утратили полностью или частично социально полезные связи, более половины не получают никакой помощи в трудоустройстве. Кроме этого, у них сохраняются мотивы и навыки антиобщественного поведения, во-вторых, они отвыкли от жизни на свободе, не имеют работы, семьи и жилья, нуждаются как в моральной, так и в материальной поддержке.

Преступный мир пестр по своему составу: в нем встречаются разнообразнейшие типы, интересные с психологической точки зрения. Личность преступника должна быть не предметом простого любопытства, при котором бессистемно собирается то, что представляется курьезным, в роде, например, разных, иногда замысловатых и странных татуировок, отдельных слов жаргона и т. п., необходимо методическое, научное изучение, которое направлялось бы, прежде всего, на то, что действительно важно и нужно знать о преступнике для правильной постановки процесса уголовного правосудия.

Итак, нами завершено рассмотрение проблем психологии применительно к психологическим основам личности преступника. Автор уверен, что настоящая работа представляет собой лишь очередную попытку осветить самые важные, узловые вопросы. Развитие прикладной юридической психологии и дальнейшие исследования в этой сфере позволят устранить имеющиеся в этой работе пробелы и недостатки. Именно в междисциплинарных исследованиях, в их оптимальном соотношении заложена эффективность разработки необходимых мер борьбы с преступностью.

---

¹ См.: Агамов Г. Д. К разработке программы борьбы с рецидивной преступностью // Рецидивная преступность: правовые и социальные проблемы. М., 1993. С. 71.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ИТЕРАТУРЫ

1. *Абраменкова В. В.* Проблема отчуждения в психологии/ В. В. Абраменкова// Вопросы психологии. – 1990. – № 1.
2. *Акбиева З. С.* Самооценка и направленность личности подростков с отклоняющимся поведением: дис. ... канд. психол. наук/ З. С. Акбиева. – М., 1997. – 179 с.
3. *Александров А. И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности/ А. И. Александров. – М., 2003.
4. *Александров Ю. К.* Очерки криминальной субкультуры/ Ю. К. Александров. – М.: Права человека, 2002.
5. *Александровский Ю. А.* Состояния психической дезадаптации и их компенсация/ Ю. А. Александровский. – М.: Наука, 1976. – 272 с.
6. *Алимов С. Б.* Криминология/ С. Б. Алимов. – М.: Юрист, 1997. – 511 с.
7. *Алмазов Б. Н.* Личность в правовом поле: монография/ Б. Н. Алмазов. – Екатеринбург: Изд. дом УрГЮА, 2005. – 152 с.
8. *Алферов Ю. А.* Пенитенциарная социология: аудиовизуальная диагностика (татуировки, жаргон, жесты): учеб. пособие: в 2 ч./ Ю. А. Алферов. – Домодедово: РИПК МВД РФ, 1994. – Ч. 1.
9. *Алферов Ю. А.* Диагностика и прогнозирование противоправного поведения молодежи в условиях изоляции/ Ю. А. Алферов, В. А. Верещагин. – Домодедово: РИПК МВД РФ, 1994.
10. *Анисимков В. М.* Тюрьма и ее законы/ В. М. Анисимков. – Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2005. – 120 с.
11. *Антонян Ю. М.* Изучение личности преступника/ Ю. М. Антонян. – М.: Наука, 1982. – 80 с.
12. *Антонян Ю. М.* Насильственная преступность в России/ Ю. М. Антонян. – М., 2001. – 101 с.
13. *Антонян Ю. М.* Психологическое отчуждение и преступное поведение/ Ю. М. Антонян. – Ереван, 1987.
14. *Антонян Ю. М.* Что же такое лишение свободы?/ Ю. М. Антонян// Личность преступника и исполнение уголовных наказаний: сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991.
15. *Антонян Ю. М.* Преступность и психические аномалии/ Ю. М. Антонян, С. В. Бородин. – М.: Наука, 1987.
16. *Антонян Ю. М.* Психология преступника и расследования преступлений/ Ю. М. Антонян. – М.: Юрист, 1996. – 336 с.
17. *Анфиногенов А. И.* Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: дис. ... канд. психол. наук/ А. И. Анфиногенов. – М., 1997. – 183 с.
18. *Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита/ Л. И. Анцыферова// Психологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 3–18.

19. *Анцыферова Л. И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы)/ Л. И. Анцыферова// Психологический журнал. – 1999. – № 3. – С. 5–17.
20. *Анцыферова Л. И.* Способность личности к преодолению деформации своего развития/ Л. И. Анцыферова// Психологический журнал. – 1999. – № 1. – С. 6–19.
21. *Асмолов А. Г.* Психология личности: принцип общепсихологического анализа/ А. Г. Асмолов. – М.: «Смысл», ИУ «Академия», 2002. – 416 с.
22. *Ахмедшин Р. Л.* Психолого-криминологическая характеристика социально-дезадаптированной личности преступника: дис. ... канд. юрид. наук/ Р. Л. Ахмедшин. – М., 1999. – 180 с.
23. *Бабурин С. В.* Психолого-педагогические условия адаптации и реадaptации заключенных: дис. ... канд. психол. наук/ С. В. Бабурин. – СПб., 1999. – 235 с.
24. *Балл Г. А.* Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие/ Г. А. Балл// Психологический журнал. – 1997. – № 5. – С. 7–19.
25. *Бартол К.* Психология криминального поведения/ К. Бартол. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. – 352 с.
26. *Бачинин В. А.* Основа социологии права и преступности/ В. А. Бачинин. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 308 с.
27. *Белобородов А. Г.* Образ права как смысловой уровень правового сознания и возможности его исследования (право мое и право другого)/ А. Г. Белобородов// Мир психологии. – 2003. – № 4. – С. 93–104.
28. *Белобородов А. Г.* Образ права как смысловой уровень правового сознания и деформация процесса социализации индивида/ А. Г. Белобородов// Мир психологии. – 2001. – № 2. – С. 166–177.
29. *Белобородов А. Г.* Образ права как смысловой уровень правосознания и его особенности у преступников: дис. ... канд. психол. наук/ А. Г. Белобородов. – М., 1998. – 215 с.
30. *Белобородов А. Г.* Смысловой подход в исследованиях личности преступника/ А. Г. Белобородов// Практическая психология. – Екатеринбург: УрГПУ, 2002. – Т. 5. – С. 16–19.
31. *Белослудцев В. И.* Реализация длительных сроков лишения свободы и проблемы профилактики профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов/ В. И. Белослудцев. – Екатеринбург, 2000. – 152 с.
32. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание/ Р. Бернс. – М.: Прогресс, 1986. – 422 с.
33. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения/ М. И. Бобнева. – М.: Наука, 1978. – 310 с.
34. *Богомолова С. Н.* Психологическая теория преступности Айзенка/ С. Н. Богомолова// Юридическая психология. Хрестоматия. – СПб.: Питер, 2001. – С. 32–45.

35. *Бодалев А. А.* О психологическом понимании Я человека/ А. А. Бодалев// Мир психологии. – 2002. – № 2. – С. 12–17.
36. *Бояринцев В. П.* Психологическая незрелость социальных качеств как провоцирующий фактор и показатель противоправного поведения человека/ В. П. Бояринцев// Практическая психология. – Екатеринбург: УрГПУ, 2003. – Т. 6. – С. 40–41.
37. *Бровко Е. И.* Психолого-акмеологические и педагогические особенности профилактики и коррекции делинквентного поведения юношей допризывного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук/ Е. И. Бровко. – М., 2004. – 24 с.
38. *Быков С. В.* Диагностика локуса контроля личности в асоциальных подростковых группах/ С. В. Быков// Психологический журнал. – 2004. – № 3. – С. 34–43.
39. *Былим Г. П.* Развитие интегральной индивидуальности у лиц с дезадаптивным поведением средствами формирующих психолого-педагогических технологий: дис. ... канд. психол. наук/ Г. П. Былим. – Пятигорск, 2000. – 221 с.
40. *Бышевский Ю. В.* Криминологическая характеристики личности вора: учеб. пособие/ Ю. В. Бышевский, А. И. Марков. – Омск, 1973.
41. *Васильева Ю. А.* Особенности смысловой сферы личности при нарушении социальной регуляции поведения/ Ю. А. Васильева// Психологический журнал. – 1997. – № 2. – С. 58–78.
42. *Велиев С. А.* Индивидуализация уголовного наказания/ С. А. Велиев, А. В. Савенков. – М.: РОСОХ, 2005. – 216 с.
43. *Ветошкин С. А.* Пенитенциарная педагогика в теории и практике: монография/ С. А. Ветошкин. – М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2001. – 240 с.
44. *Власова Е. Н.* Влияние социальной изоляции на личность несовершеннолетнего правонарушителя в условиях центра временной изоляции: дис. ... канд. психол. наук/ Е. Н. Власова. – М., 2000. – 119 с.
45. *Гитинова М. Г.* Соотношение самооценки и склонности к девиантному поведению у подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук/ М. Г. Гитинова. – М., 2003. – 24 с.
46. *Горшенков Г. Н.* Криминология и профилактика преступлений: учеб. пособие/ Г. Н. Горшенков, Е. А. Костыря, О. В. Лукичев и др.; ред. В. П. Сальникова. – СПб., 2001. – 224 с.
47. *Горьковская И. А.* Медико- и социально-психологические корреляты устойчивого противоправного поведения подростков: дис. ... д-ра психол. наук/ И. А. Горьковская. – СПб., 1998. – 391 с.
48. *Гузьева Н. В.* Психологические средства коррекции дезадаптации личности: дис. ... канд. психол. наук/ Н. В. Гузьева. – Томск, 1999. – 209 с.
49. *Гулевич О. А.* Социальные представления о преступлениях в межличностной и массовой коммуникации/ О. А. Гулевич// Вопросы психологии. – 2001. – № 4. – С. 53–67.

50. *Дагель П. С.* Учение о личности преступника в советском уголовном праве/ П. С. Дагель. – Владивосток, 1970.
51. *Деев В. Г.* Психодиагностика осужденных: учеб. пособие/ В. Г. Деев, А. И. Ушатиков, О. Г. Ковалев, Е. Н. Казакова. – Рязань, 2000. – 216 с.
52. *Дикая Л. Г.* Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы их формирования/ Л. Г. Дикая, А. В. Махнач// Психологический журнал. – 1996. – № 3. – С. 137–148.
53. *Дубинин Н. П.* Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков/ Н. П. Дубинин. – М.: Политиздат, 1982. – 304 с.
54. *Елеонский В. Л.* Отношение осужденных к наказанию/ В. Л. Елеонский. – Рязань, 1976.
55. *Завалихина Р. С.* Коммуникативные средства коррекции девиантного поведения личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук/ Р. С. Завалихина. – Новосибирск, 2004. – 22 с.
56. *Зелинский А. Ф.* Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении/ А. Ф. Зелинский. – Харьков, 1986. – 166 с.
57. *Знаков В. В.* Понимание субъектом правды о моральном проступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания/ В. В. Знаков// Психологический журнал. – 1993. – № 1. – С. 32–43.
58. *Знаков В. В.* Самооценка правдивости и понимание субъектом честности/ В. В. Знаков// Психологический журнал. – 1993. – № 5. – С. 13–23.
59. *Иващенко А. В.* Проблемы Я-концепции личности в отечественной психологии/ А. В. Иващенко, В. С. Агапов, И. В. Барышникова// Мир психологии. – 2002. – № 2. – С. 17–30.
60. Исправительно-трудовая психология: учеб. пособие для слушателей вузов МВД СССР/ под ред. К. К. Платонова, А. Д. Глоточкина, К. Е. Игошева. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1985. – 360 с.
61. *Казак Т. В.* Психологическое сопровождение деятельности специалистов правоохранительных органов по изучению оценочных эталонов личности несовершеннолетних осужденных в условиях лишения свободы: дис. ... канд. психол. наук/ Т. В. Казак. – Минск, 2002. – 202 с.
62. *Казакова Е. Н.* Психологические аспекты изучения мотивации агрессивного поведения женщин, осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. психол. наук/ Е. Н. Казакова. – Рязань, 1999. – 247 с.
63. *Ковалев О. Г.* Психологические основы исправления правонарушителей/ О. Г. Ковалев. – М.: Изд-во МГУ, 1969.
64. *Ковалев О. Г.* Психологический проблемы суицидального поведения осужденных в пенитенциарных учреждениях России/ О. Г. Ковалев, Н. П. Тимонин, Э. А. Суслов// Психологический журнал. – 1998. – № 5. – С. 30–37.
65. *Кондратюк Л. В.* Антропология преступления (микроримнология)/ Л. В. Кондратюк. – М.: Норма, 2001. – 344 с.

66. Конобеевский М. А. Психологическая сфера личности сотрудников исправительных учреждений: дис. ... канд. психол. наук/ М. А. Конобеевский. – Рязань, 2001.

67. Корнеева Г. К. Психологические особенности смысловой сферы личности ВИЧ-инфицированных осужденных в условиях лишения свободы: автореф. дис. ... канд. психол. наук/ Г. К. Корнеева. – Рязань, 2004.

68. Корнилов А. П. Диагностика регулятивной функции самосознания/ А. П. Корнилов// Психологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 107–114.

69. Корнилов А. П. Нарушения саморегуляции у психопатических личностей/ А. П. Корнилов// Вопросы психологии. – 2003. – № 6. – С. 71–80.

70. Короленко Ц. П. Психологические механизмы формирования нарцисстической личности/ Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Е. В. Андриенко// Мир психологии. – 2002. – № 2. – С. 60–64.

71. Костенко А. Н. Принцип отражения в криминологии: (психологический механизм криминального поведения)/ А. Н. Костенко. – Киев: Наук. Думка, 1986. – 124 с.

72. Криминальная мотивация/ ред. В. Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1986. – 304 с.

73. Криминология/ под ред. Дж. Шелли; пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – 864 с.

74. Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении/ В. Н. Кудрявцев. – М.: Норма, 2007. – 128 с.

75. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология/ В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – 287 с.

76. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений/ В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1976. – 286 с.

77. Кудрявцев В. Н. Причины преступности в России: криминологический анализ/ В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – М.: Норма, 2006. – 112 с.

78. Кудрявцев И. А. Психологические проблемы критичности и некоторые механизмы отклоняющегося поведения/ И. А. Кудрявцев, М. В. Ерохина, А. Н. Лавринович, Ф. С. Сафуанов// Психологический журнал. – 1986. – № 2. – С. 127–140.

79. Кудрявцев И. А. Психологический анализ смыслообразующих факторов делинквентного поведения подростков/ И. А. Кудрявцев, Г. Б. Морозова, А. С. Потнин, А. Д. Корзякова, О. Ф. Семенова// Психологический журнал. – 1996. – № 5. – С. 76–89.

80. Кудрявцев И. А. Нарушения произвольной саморегуляции у лиц, совершивших агрессивные действия/ И. А. Кудрявцев, М. В. Морозова, О. Ф. Савина, О. Ф. Акинова// Агрессия и психическое здоровье. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». – 2002. – С. 253–277.

81. Кудрявцев И. А. Психологическая защита у правонарушителей/ И. А. Кудрявцев, Т. А. Никулина// Агрессия и психическое здоровье. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». – 2002. – С. 278–283.

82. *Кудрявцев И. А.* Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка)/ И. А. Кудрявцев, Н. А. Ратинова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 192 с.

83. *Кудрявцев И. А.* Деятельностный подход при экспертном анализе агрессивных-насильственных правонарушений/ И. А. Кудрявцев, Н. А. Ратинова, О. Ф. Савина// Психологический журнал. – 1997. – № 3. – С. 45–57.

84. *Кудрявцев И. А.* Смысловая сфера несовершеннолетних с психическими расстройствами, совершивших насильственные правонарушения/ И. А. Кудрявцев, О. Ф. Семенова// Психологический журнал. – 2002. – № 3. – С. 54–62.

85. *Кузнецов А. В.* Уголовное право и личность/ А. В. Кузнецов. – М., 1977.

86. *Кузнецова Н. Ф.* Проблемы криминологической детерминации/ Н. Ф. Кузнецова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 208 с.

87. *Кун Д.* Основы психологии: все тайны поведения человека/ Д. Кун. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. – 720 с.

88. *Лафарг П.* Соч./ П. Лафарг. – М.; Л., 1928. – Т. 11. – 376 с.

89. *Левина Е. А.* Социально-психологическая работа с осужденными в зависимости от вида преступления: автореф. дис. ... канд. психол. наук/ Е. А. Левина. – Самара, 2004.

90. *Лоброзо Ч.* Гениальность и помешательство/ Ч. Лоброзо; пер. с итал. К. Тетюшиновой. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 400 с.

91. *Ломброзо Ч.* Преступный человек/ Ч. Ломброзо; пер. с итал. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 880 с.

92. *Ложкин А. И.* Психология личности агрессивного-насильственного преступника: мотивационно-смысловой аспект: дис. ... канд. психол. наук/ А. И. Ложкин. – М., 2000.

93. *Ложкин А. И.* Психология поведения девиантной личности: учеб.-метод. пособие (Практическое руководство)/ А. И. Ложкин. – Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2002. – 110 с.

94. *Ложкин Г. В.* Феномен телесности в Я-структуре старшеклассников и содержания их жизненных проектов/ Г. В. Ложкин, А. Ю. Рождественский// Психологический журнал. – 2004. – № 2. – С. 27–33.

95. *Лукин-Григорьев В. В.* Психологические аспекты личностного кризиса (Социально-психологические проблемы): дис. ... канд. психол. наук/ В. В. Лукин-Григорьев. – Ярославль, 1999. – 202 с.

96. *Майер В. А.* Краткая воровская энциклопедия/ В. А. Майер. – М.: Крафт, 2005. – 304 с.

97. *Макарова Ю. В.* Социально-психологические особенности восприятия социальной реальности осужденными в условиях лишения свободы: автореф. дис. ... канд. психол. наук/ Ю. В. Макарова. – Иваново, 2004. – 24 с.

98. *Максимова Н. Ю.* О склонности подростков к аддиктивному поведению/ Н. Ю. Максимова// Психологический журнал. – 1996. – № 3. – С. 149–152.

99. *Масагутов Р. М.* Показатели агрессивности у заключенных юношей с различным статусом в неформальной иерархии воспитательной колонии/

Р. М. Масагутов, С. Н. Ениколопов// Психологический журнал. – 2004. – № 1. – С. 119–124.

100. *Михайлов А. Н.* Личность и деятельность рецидивиста в условиях исправительного учреждения (психологический аспект): дис. ... канд. психол. наук/ А. Н. Михайлов. – Тверь, 1998. – 175 с.

101. *Михлин А. С.* Характеристика мужчин, отбывающих наказание в ИТК/ А. С. Михлин, А. А. Новиков. – М., 1982.

102. *Морогин В. Г., Залевский Г. В.* Ценностно-потребностная сфера личности осужденных, переживших смертный приговор/ В. Г. Морогин, Г. В. Залевский// Психологический журнал. – 1999. – № 2. – С. 73–81.

103. *Муздыбаев К.* Эгоизм личности/ К. Муздыбаев// Психологический журнал. – 2000. – № 2. – С. 27–29.

104. *Мухина В. С.* Пожизненные заключенные: мотивация к жизни/ В. С. Мухина// Развитие личности. – 2004. – № 1. – С. 118–130.

105. Наказание и исправление преступников пособие/ под ред. проф. Ю. М. Антоныяна. – М.: НИИ МВД РФ, 1992. – 392 с.

106. *Налчаджян А. А.* Социально-психологическая адаптация личности/ А. А. Налчаджян. – Ереван, 1988. – 263 с.

107. *Наприс А. В.* Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодого возраста: на материалах ИК строгого режима: дис. ... канд. психол. наук/ А. В. Наприс. – Рязань, 1997.

108. *Нартова-Бочавер С. К.* Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение/ С. К. Нартова-Бочавер// Психологический журнал. – 2003. – № 6. – С. 27–36.

109. *Нартова-Бочавер С. К.* Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый метод диагностики личности/ С. К. Нартова-Бочавер// Психологический журнал. – 2004. – № 5. – С. 77–89.

110. *Насибулов К. И.* Особенности смысловой сферы личности при разрушении собственной жизни: дис. ... канд. психол. наук/ К. И. Насибулов. – Казань, 2002.

111. *Ной И. С.* Методологические проблемы советской криминологии/ И. С. Ной. – Саратов, 1975.

112. *Нурпеисов Е. К.* Психология правомерного поведения/ Е. К. Нурпеисов. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 127 с.

113. *Олейник А. Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти/ А. Н. Олейник. – М.: Инфра-М, 2001. – 418 с.

114. Основы психологической коррекции в ИТУ: учеб.-метод. пособие/ ред. А. И. Ушатиков. – М., 1996. – 196 с.

115. Оценка психической средовой адаптации трудновоспитуемых учащихся/ ред. Б. И. Алмазова. – Екатеринбург, 1993. – 113 с.

116. *Панасюк А. Ю.* Обвинительный уклон в зеркале психологического исследования/ А. Ю. Панасюк// Психологический журнал. – 1992. – № 3. – С. 54–65.
117. *Панасюк А. Ю.* Судебная психология: избранные лекции/ А. Ю. Панасюк. – М.: Норма, 2007. – 160 с.
118. *Пантилеев С. Р.* Методика исследования самоотношения/ С. Р. Пантилеев. – М.: «Смысл», 1993. – 32 с.
119. *Пастушеня А. Н.* Криминологическая сущность личности преступника: психологический аспект: дис. ... д-ра психол. наук/ А. Н. Пастушеня. – М., 2000.
120. *Перепелица Н. В.* Самораскрытие взрослых людей и его связь с Я-концепцией: дис. ... канд. психол. наук/ Н. В. Перепелица. – Ростов н/Д, 2003. – 222 с.
121. *Перешеина Н. В.* Психология одиночества у законопослушных и криминальных подростков: дис. ... канд. психол. наук/ Н. В. Перешеина. – М., 1999. – 147 с.
122. *Петров В. Г.* Психологические особенности агрессивного поведения и пути его коррекции: дис. ... канд. психол. наук/ В. Г. Петров. – Иркутск, 1999. – 195 с.
123. *Пирожков В. Ф.* Законы преступного мира молодежи (Криминальная субкультура)/ В. Ф. Пирожков. – Тверь, 1994. – 313 с.
124. *Пирожков В. Ф.* Криминальная психология/ В. Ф. Пирожков. – М.: «Ось-89», 2001. – 704 с.
125. *Пирожков В. Ф.* Криминальная субкультура: психологическая интерпретация функций, содержания, атрибутики/ В. Ф. Пирожков// Психологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 38–51.
126. *Пирожков В. Ф.* Некоторые проблемы повышения эффективности психологической службы/ В. Ф. Пирожков// Психологический журнал. – 1997. – № 2. – С. 161–168.
127. *Пирожков В. Ф.* О психологических причинах воспроизводства подростковой преступности/ В. Ф. Пирожков// Психологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 178–182.
128. *Пищелко А. В.* Реадаптация и ресоциализация/ А. В. Пищелко, Д. В. Сочивко. – М.: ПЕРСЭ, 2003. – 208 с.
129. *Поздняков В. М.* Отечественная пенитенциарная психология: история и современность/ В. М. Поздняков. – М., 2000.
130. *Поздняков В. М.* Пенитенциарная психология в России: Генезис и перспективы: дис. ... д-ра психол. наук/ В. М. Поздняков. – М., 2000.
131. *Познышев С. В.* Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности преступника в частности/ С. В. Познышев. – М.: Инфра-М, 2007. – 302 с.
132. *Практикум по исправительно-трудовой психологии/ ред. В. Г. Деева.* – Рязань, 1990. – 89 с.

133. Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов/ под ред. проф. А. М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 639 с.
134. Проблемы юридической психологии. Материалы «круглого стола» «Психологического журнала»// Психологический журнал. – 1986. – № 1.
135. *Пронин И. П.* Психологические аспекты влияния деструктивных культов на личность/ И. П. Пронин// Вопросы психологии. – 2003. – № 6. – С. 81–92.
136. *Прядеин В. П.* Комплексное исследование ответственности как системного качества личности: дис. ... д-ра психол. наук/ В. П. Прядеин. – Екатеринбург, 2000. – 299 с.
137. *Прядеин В. П.* Ответственность как системное качество личности: учеб. пособие/ В. П. Прядеин. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 209 с.
138. Психологическое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации: сб. материалов/ ред. Ю. И. Калинина. – М.: НИИ УИС МЮ РФ, 2004. – 320 с.
139. *Раева В. М.* Особенности Я-концепции несовершеннолетних правонарушителей: дис. ... канд. психол. наук/ В. М. Раева. – М., 2000. – 174 с.
140. *Ратинов А. Р.* Изучение самооценки преступников. Юридическая психология: Хрестоматия/ А. Р. Ратинов. – СПб.: Питер, 2001. – С. 148–158.
141. *Ратинов А. Р.* Правовая психология и преступное поведение: Теория и методологические исследования/ А. Р. Ратинов, Г. Х. Ефремова. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1988. – 253 с.
142. *Ратинова Н. А.* Саморегуляция поведения при совершении агрессивно-насильственных преступлений: дис. ... канд. психол. наук/ Н. А. Ратинова. – М., 1998. – 229 с.
143. *Рахимова А. Ф.* Особенности структуры Я-концепции наркозависимых, прошедших реабилитацию: дис. ... канд. психол. наук/ А. Ф. Рахимова. – Казань, 2003. – 128 с.
144. *Реан А. А.* Агрессия и агрессивность личности/ А. А. Реан// Психологический журнал. – 1996. – № 5. – С. 3–18.
145. *Реан А. А.* Локус контроля делинквентной личности/ А. А. Реан// Психологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 52–56.
146. *Реан А. А.* Психология адаптации личности: учеб.-науч. издание/ А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб.: Медицинская пресса, 2002. – 352 с.
147. *Рогачевский Л. А.* Эмоции и преступления/ Л. А. Рогачевский. – Л.: «Знание», 1984. – 33 с.
148. *Сафуанов Ф. С.* Психологическая типология криминальной агрессии/ Ф. С. Сафуанов// Психологический журнал. – 1999. – № 6. – С. 24–35.
149. *Сафуанов Ф. С.* Психология криминальной агрессии/ Ф. С. Сафуанов. – М.: Смысл, 2003. – 300 с.
150. *Сахаров А. Б.* Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел/ А. Б. Сахаров. – М.: МВШМ МВД СССР, 1984.

151. Семенов В. А. Эмоционально-волевые качества осужденных молодого возраста и психологические особенности их коррекции в ИТУ: дис. ... канд. психол. наук/ В. А. Семенов. – М., 1991. – 253 с.
152. Ситковская О. Д. Аффект: криминально-психологическое исследование/ О. Д. Ситковская. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2001. – 240 с.
153. Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности/ О. Д. Ситковская. – М.: Норма, 1998. – 285 с.
154. Славинская Ю. В. Психические состояния лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы: дис. ... канд. психол. наук/ Ю. В. Славинская. – Рязань, 2002.
155. Славская А. Н. Соотношение эгоцентризма и альтруизма личности: интерпретации/ А. Н. Славская// Психологический журнал. – 1999. – № 6. – С. 13–23.
156. Социально-психологическая реабилитация осужденных: эффективные модели работы. – Минск, 2002. – 172 с.
157. Старшиков Ю. В. Стилиевые детерминанты противоправного агрессивного поведения личности: дис. ... канд. психол. наук/ Ю. В. Старшиков. – Сочи, 2004. – 156 с.
158. Стуканов В. Г. Особенности исправительной психологической коррекции личности корыстных преступников в условиях лишения свободы: дис. ... канд. психол. наук/ В. Г. Стуканов. – Рязань, 1999.
159. Сундуров Ф. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей/ Ф. Р. Сундуров. – Казань: Издательство Казанск. ун-та, 1976. – 144 с.
160. Суслонов П. Е. Теоретико-мировоззренческие аспекты проблемы наказания/ П. Е. Суслонов. – Екатеринбург, 2001. – 82 с.
161. Сысоев А. М. Психология аутоагрессивного поведения осужденных и его предупреждение: дис. ... канд. психол. наук/ А. М. Сысоев. – Рязань, 2002.
162. Томилова С. А. Психолого-педагогическая коррекция самосознания подростков, употребляемых наркотических вещества: автореф. дис. ... канд. психол. наук/ С. А. Томилова. – Красноярск, 2004. – 19 с.
163. Уварова Г. В. Психологические особенности личности юношей с криминальным поведением/ Г. В. Уварова. – Ставрополь, 1999. – 159 с.
164. Ушатиков А. И. Основы пенитенциарной психологии/ А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2001. – 536 с.
165. Федореев П. Р. Отрицательно характеризующиеся осужденные в местах лишения свободы/ П. Р. Федореев; отв. ред. А. С. Михлин. – М.: Юрист, 2006. – 123 с.
166. Фернхем А. Личность и социальное поведение/ А. Фернхем, П. Хейвен. – СПб.: Питер, 2001. – 368 с.

167. *Флоренская Т. А.* Диалог как метод психологии консультирования (духовно ориентированный подход)/ Т. А. Флоренская// Психологический журнал. – 1994. – № 5. – С. 44–55.
168. *Харина Н. А.* Психологические особенности волевой саморегуляции несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... канд. психол. наук/ Н. А. Харина. – Рязань, 2001. – 236 с.
169. *Хвостов А. Т.* Моральное сознание преступников и законопослушных граждан в сравнительной измерении/ А. Т. Хвостов// Мир психологии. – 2003. – С. 91–103.
170. *Хохряков Г. Ф.* Парадоксы тюрьмы/ Г. Ф. Хохряков. – М.: Юридическая литература, 1991. – 224 с.
171. *Худоянц М. В.* Влияние стиля индивидуальности на выбор субъектом психологических защитных механизмов в процессе правонарушений: дис. ... канд. психол. наук/ М. В. Худоянц. – Сочи, 2003.
172. *Цой О. Р.* Самоубийства в местах лишения свободы: криминологические проблемы/ О. Р. Цой. – М.: Норма, 2007. – 208 с.
173. *Чапек К.* Новые задачи и направления марксистской криминологии/ К. Чапек// Социалистическая законность. – 1976. – № 2. – С. 25–39.
174. *Чернышева Е. В.* Криминологические и психологические показатели личности осужденного/ Е. В. Чернышева// Пасхи: научный психологический журнал. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – № 2 (12). – С. 191–209.
175. *Чернышева Е. В.* Особенности представлений осужденных к лишению свободы о себе/ Е. В. Чернышева// Пасхи: научный психологический журнал. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – № 2 (12). – С. 210–218.
176. *Чернышева Е. В.* Психологическая профилактика суицидального поведения/ Е. В. Чернышева// Информационно-аналитический бюллетень ГУИН МЮ РФ по Свердловской области. – 2003. – № 1 (3). – С. 122–124.
177. *Чернышева Е. В.* Подходы к пониманию Я-концепции/ Е. В. Чернышева// Проблемы личностно-ориентированного образования. – Первоуральск, 2005. – С. 56–61.
178. *Чернышева Е. В.* Психология личности. Программа для осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях/ Е. В. Чернышева// Информационно-аналитический бюллетень ГУ ФСИН МЮ РФ по Свердловской области. – 2005. – № 2 (6). – С. 174–181.
179. *Чернышева Е. В.* Психологический портрет личности осужденного: учеб. пособие/ Е. В. Чернышева, В. П. Прядеин. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – 108 с.
180. *Чуфаровский Ю. В.* Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учеб. пособие/ Ю. В. Чуфаровский. – М.: Изд-во Проспект, 2006. – 208 с.

181. *Шабалин О. М.* Агрессивное отношение к людям и правонарушающее поведение как опосредующие звенья во взаимосвязях психодинамических и личностных характеристик индивидуальности (на материале подростков – правонарушителей): автореф. дис. ... канд. психол. наук/ О. М. Шабалин. – Пермь, 2004. – 26 с.
182. *Швецова Н. И.* Развитие самосознания у подростков с девиантным поведением: дис. ... канд. психол. наук/ Н. И. Швецова. – Астрахань, 2000. – 189 с.
183. *Шестопалова Л. Ф.* Ценностно-смысловая сфера личности со специфическими расстройствами и склонностью к противоправному поведению/ Л. Ф. Шестопалова, Т. А. Перевозная// Психологический журнал. – 2003. – № 3. – С. 66–71.
184. *Шмаров И. В.* Конфликты среди осужденных и профилактика правонарушений в местах лишения свободы/ И. В. Шмаров, Е. Б. Галкин, В. И. Поздняков, А. Д. Сафронов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1981. – 72 с.
185. *Шмыков В. И.* Индивидуальный стиль коммуникативной активности осужденных/ В. И. Шмыков// Психологический журнал. – 1996. – № 3. – С. 44–52.
186. *Щербаков Г. В.* Мотивационная сфера осужденных молодого возраста и ее влияние на адаптацию в исправительном учреждении: дис. ... канд. психол. наук/ Г. В. Щербаков. – Рязань, 2002.
187. *Щербаха С. А.* Влияние агрессивности личности на ее отношение к правонарушениям: дис. ... канд. психол. наук/ С. А. Щербаха. – Сочи, 2003.
188. Энциклопедия юридической психологии/ под общ. ред. проф. А. М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2003. – 607 с.
189. *Юдина Е. В.* Юридическая психология: учеб. пособие/ Е. В. Юдина. – Ростов н/Д.: «Феникс», 2007. – 256 с.
190. Юридическая социология: учеб. для вузов. – М.: Норма; Инфра-М, 2000. – 368 с.
191. *Яворский А. А.* Изменение самосознания у военнослужащих с отдаленными последствиями ЗЧМТ, совершивших агрессивные действия/ А. А. Яворский. – Екатеринбург, 1998. – 30 с.
192. *Яворский А. А.* Самосознание при невротических состояниях у лиц, совершивших суицидальные действия/ А. А. Яворский. – Екатеринбург, 1999. – 25 с.
193. *Яковлев А. М.* Индивидуальная профилактика преступного поведения: Социально-психологический аспект/ А. М. Яковлев. – Горький, 1977. – 127 с.
194. *Яковлев А. М.* Преступность и социальная психология/ А. М. Яковлев. – М.: Юридическая литература, 1971. – 248 с.

195. Яковлев В. В. Психологическая характеристика смысловой сферы личности осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. психол. наук/ В. В. Яковлев. – Рязань, 1999.
196. Ярушкин Н. Н. Саморегуляция и самоорганизация социального поведения личности: дис. ... канд. психол. наук/ Н. Н. Ярушкин. – СПб., 1998. – 406 с.
197. Bryand F. B., Yarnold P. R. Principal-components analysis and exploratory and confirmatory factor analysis. In: L. G. Grimm and P. R. Yarnold (Eds.), Reading and understanding multivariate statistics. – Washington DC: American Psychological Association, 1998. – P. 99–136.
198. Eysenck H. J., Eysenck M. W. Personality and individual differences: A natural science approach. – New York, NY: Plenum Press, 1985.
199. Eysenck H. J., Gudjonsson G. Causes and cures of criminality. – New York, NY: Plenum Press, 1989.
200. Gibbans D. Society, Crime and Criminal. – Englewood Cliff., 1968. – P. 134.
201. Kuhn M. H., McPartland T. S. An empirical investigation of self-attitudes// Amer. Sociol. Rev. – 1954. – Vol. 19. – № 1.
202. Lombroso C. (1895). The man of genius. London: Walter Scott. Lynam, D. R. (1996). The early identification of chronic offenders: Who is the fledgling psychopath? Psychological Bulletin, 120, 209–234.
203. Mead G. H. (1934). Mind, self, and society, ed. C. W. Morris. Chicago: University of Chicago. Mead, G. H. (1936) Movements of thought in the nineteenth century, ed. M. H. Moore. – Chicago: University of Chicago.
204. Steiger J. H. (1995). Structural equation modeling in Statistica (Version 5) [Computer software]. – Tulsa, OK: Statsoft.
205. Wilson J. Q., Herrnstein R. J. Crime and human nature. – New York: Simon & Schuste, 1985.

Таблицы факторных структур осужденных

Факторное отображение структурной организации шкалы самовосприятия и показателей суверенности психологического пространства

<i>Γεασιόαεε</i>		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
<i>Νάαηηί ί ηπδε</i>	Физического тела	-13	50	-18	28	10
	Территории	01	71	-03	-07	18
	Мира вещей	01	77	09	-17	-07
	Привычек	03	65	03	37	-05
	Социальных связей	00	68	11	07	00
	Ценностей	-05	76	15	11	01
<i>Οεάεη ήη ί ηππ δέηοδεγ</i>	Я счастливый	17	14	36	05	59
	У меня ничего не ладится	56	-02	03	-43	16
	У меня все получается	03	-02	12	02	82
	Я тугодум	83	-02	07	04	05
	Я неуклюжий	80	04	13	-01	09
	Я зануда	66	-03	25	12	12
	Я неудачник	75	-20	05	04	-20
	Я добросовестный	19	05	62	-10	-03
	Я обманщик	55	-04	09	19	13
	Я интроверт	60	16	09	30	14
	Я фантазер	29	01	41	26	00
	Я оптимист	15	13	13	68	13
	Я человек надежный	-01	09	78	-02	-12
	Я раздражительный	52	-05	38	18	-29
	Я хороший друг	17	18	64	-08	11
	Я подвержен настроению	45	08	30	31	-11
	Я общительный	-01	10	67	-14	19
	Я религиозный	41	-06	30	36	09
	Я умный	19	-02	58	25	42
	Я слабовольный	41	-02	19	40	-29
	Я опрометчивый	47	01	23	48	02
	Комплексный показатель «Меня это радует»	14	01	82	35	20
Комплексный показатель «Мне это безразлично»	76	08	-06	08	06	
Комплексный показатель «Мне это неприятно»	52	02	24	02	09	
ΔΟΔ, %	18	10	13	07	06	

**Факторное отображение структурной организации показателей
самоотношения и типов Я-концепции**

		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
<i>Ἰ ἰέὰçàòáέέ ἱὰ ἱὸίἰὸάίέϋ</i>	Открытость	29	-21	34
	Самоуверенность	69	08	34
	Саморуководство	75	-11	00
	Отраженное самоотношение	57	-05	50
	Самоценность	67	19	36
	Самопринятие	75	12	-14
	Самопривязанность	73	09	14
	Внутренняя конфликтность	-08	-03	-87
	Самообвинение	-09	-01	-82
<i>Ὀέἰ ὠ Β-έἰ ἰὸάἰὸέέ</i>	Я-концепция неудачника	-05	86	-16
	Позитивная Я-концепция	32	66	25
	Самодостаточная Я-концепция	18	71	30
	Компенсирующая Я-концепция	09	79	09
	Я-концепция обманщика	-08	80	-10
ДОД, %		23	22	16

**Факторное отображение структурной организации шкалы
самовосприятия и типов психологических защит**

<i>Ἰ ἰέὰçàòáέέ</i>		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
<i>Ὀέἰ ἰὰ ἱ ἱὸίἰὸάἰὸέϋ çáἰέὸ</i>	Вытеснение	01	-84	-07	-06	01
	Проекция	02	-86	-00	01	13
	Замещение	08	-89	03	02	-00
	Рационализация	-05	-85	-00	07	-09
	Компенсация	-15	-73	-06	12	-01
	Фантазирование	-08	-81	-09	-05	11
	Уход	07	-84	01	-03	-10
<i>Ὀέέἰ ἱὰ ἱὰἱ ἰὸέϋ</i>	Я счастливый	13	-13	38	12	60
	У меня ничего не ладится	59	10	05	-45	11
	У меня все получается	05	03	12	-01	82
	Я тугодум	84	-01	06	06	06
	Я неуклюжий	80	01	13	05	10
	Я зануда	59	-06	19	30	16
	Я неудачник	76	08	04	02	-25
	Я добросовестный	20	01	64	-13	-07
	Я обманщик	42	-06	04	50	15
Я интроверт	56	02	08	34	15	

Я фантазер	27	20	36	36	02
Я оптимист	16	-01	18	51	08
Я человек надежный	-04	12	75	07	-09
Я раздражительный	45	-05	33	38	-28
Я хороший друг	22	-02	65	-22	09
Я подвержен настроению	46	09	31	28	-11
Я общительный	00	01	69	-13	17
Я религиозный	36	04	27	41	08
Я умный	18	-02	61	18	39
Я слабовольный	40	00	19	38	-29
Я опрометчивый	45	-18	22	41	02
Комплексный показатель «Меня это радует»	08	07	82	39	17
Комплексный показатель «Мне это безразлично»	76	-04	-07	12	09
Комплексный показатель «Мне это неприятно»	57	-01	25	-06	07
ДОД, %	17	16	12	07	05

0àáèèöà 44

Факторное отображение структурной организации показателей самоотношения и суверенности психологического пространства

<i>Ï íéáçòáèè</i>		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
<i>Ñóáááí í ñòè í ñèòíèíáè-áíèíá í ðí ñò ðáí ñò áà</i>	Физического тела	-05	55	01
	Территории	-04	65	23
	Мира вещей	13	70	17
	Привычек	02	68	-04
	Социальных связей	21	70	00
	Ценностей	09	73	29
<i>Ñàí ñòí íòáí èÿ</i>	Открытость	24	06	39
	Самоуверенность	74	-03	33
	Саморуководство	74	13	-08
	Отраженное самоотношение	56	17	44
	Самоценность	71	16	27
	Самопринятие	78	-02	-16
	Самопривязанность	74	11	11
	Внутренняя конфликтность	-09	-16	-84
	Самообвинение	-06	-09	-83
ДОД, %	0,21	0,19	0,14	

Факторное отображение структурной организации типов Я-концепций и категорий Я-высказываний

		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Ùèííù В-èííòáííèèè	Я-концепция неудачника	90	-06	-04	00
	Позитивная Я-концепция	52	22	-01	64
	Самодостаточная Я-концепция	60	11	01	54
	Компенсирующая Я-концепция	81	00	04	09
	Я-концепция обманщика	81	-07	12	01
Èàòáãñðèè В-áíñèáçíááíèèè	Положительного отношения к себе	-02	91	11	11
	Отрицательного отношения к себе	04	33	-02	-68
	Объективные описания	00	08	90	-06
	Субъективные описания	00	93	00	-12
	Субъект осуждения	-04	51	24	-18
	Родственные узы и семейные отношения	07	04	85	07
	Увлечения, интересы	-09	45	32	29
	Стиль жизни, отношение к ней	12	53	09	-38
	Интеллектуальные характеристики	-16	53	-21	24
ДОД, %		20	21	13	11

Факторное отображение структурной организации показателей самоотношения и категорий Я-высказываний

		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Ìíèáçòáèè íáíííòííòáííèè	Открытость	31	-12	-35
	Самоуверенность	77	00	-13
	Саморуководство	70	-05	08
	Отраженное самоотношение	62	07	-38
	Самоценность	75	13	-12
	Самопринятие	66	10	15
	Самопривязанность	74	-07	-10
	Внутренняя конфликтность	-28	-10	66
	Самообвинение	-24	-15	67
Èàòáãñðèè В-áíñèáçíááíèèèèè	Положительное отношение к себе	11	90	-02
	Отрицательное отношение к себе	-31	36	22
	Объективные описания	10	24	61
	Субъективные описания	-02	92	-01
	Субъект осуждения	-19	56	08
	Родственные узы и семейные отношения	12	18	55
	Увлечения, интересы	22	46	20
	Стиль жизни, отношение к ней	06	54	21
	Интеллектуальные характеристики	-05	50	-35
ДОД, %		19	17	12

Факторное отображение структурной организации показателей самоотношения и типов психологических защит

		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
<i>Í íéáçòáéé íàí íòòííóáíéÿ</i>	Открытость	-08	25	-38
	Самоуверенность	-02	73	-28
	Саморуководство	01	74	04
	Отраженное самоотношение	-05	58	-46
	Самоценность	00	72	-28
	Самопринятие	09	76	18
	Самопривязанность	07	75	-12
	Внутренняя конфликтность	03	-11	86
	Самообвинение	10	-08	83
<i>Θéí ü í íéöíéí ä-áíééö çàùéò</i>	Вытеснение	-85	-04	07
	Проекция	-87	06	04
	Замещение	-90	05	02
	Рационализация	-84	-04	-19
	Компенсация	-74	-07	-13
	Фантазирование	-82	-05	-06
	Уход	-83	-08	-10
ДОД, %		31	20	13

Факторное отображение структурной организации показателей суверенности психологического пространства и категорий Я-высказываний

		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
<i>Í íéáçòáéé íàííàí í íòé í íéöíéí ä-áíéíä í ðíòò ááí íò áä</i>	Физического тела	-04	35	-04	09	72
	Территории	08	61	03	-38	19
	Мира вещей	12	74	09	-23	06
	Привычек	-04	64	03	21	20
	Социальных связей	14	74	-01	11	-02
	Ценностей	04	81	-09	02	04
<i>Éáò áäí ðéé ß-áíííéáçíáííéé</i>	Положительного отношения к себе	90	12	10	-04	-15
	Отрицательного отношения к себе	35	-09	-03	71	18
	Объективные описания	08	-05	90	-01	-08
	Субъективные описания	93	09	00	19	-04
	Субъект осуждения	52	-10	29	-13	22
	Родственные узы и семейные отношения	02	05	86	03	00
	Увлечения, интересы	44	09	23	04	-56
	Стиль жизни, отношение к ней	51	05	17	27	31
Интеллектуальные характеристики	57	-10	-16	-50	29	
ДОД, %		19	18	12	08	08

**Факторное отображение структурной организации
категорий Я-высказываний и типов психологических защит**

		Фактор 1	Фактор 2
<i>Öëíü í ñëóíëíä-äíëö çàüèò</i>	Вытеснение	-84	-01
	Проекция	-87	-04
	Замещение	-89	-10
	Рационализация	-85	-08
	Компенсация	-75	-03
	Фантазирование	-81	-09
	Уход	-82	-24
<i>Ëàòääðëë В-äüñëàçüâüíëé</i>	Положительного отношения к себе	17	86
	Отрицательного отношения к себе	33	33
	Объективные описания	-22	46
	Субъективные описания	28	84
	Субъект осуждения	-01	57
	Родственные узы и семейные отношения	-12	37
	Увлечения, интересы	01	52
	Стиль жизни, отношение к ней	-03	58
	Интеллектуальные характеристики	08	40
ДОД, %		32	19

T-критерий показателей методик, не имеющих значимых различий

<i>Ī ĩèàçàòáèè ĩ àòĭáèè</i>		<i>ĪN</i>	<i>ç</i>	<i>t-èðèòáðèè</i>	
Суверенности психологического пространства	Мира вещей	10,29	11,09	-1,29	
	Социальных связей	4,88	4,77	0,33	
Самоотношения	Открытость	6,34	7,05	-1,35	
	Саморуководство	7,86	8,41	-1,11	
	Самоценность	8,13	8,45	-0,49	
	Самопринятие	7,86	7,23	1,27	
	Самопривязанность	6,51	6,64	-0,21	
Ответственности	Когнитивная осмысленность		26,10	27,73	-1,25
	Результативность предметная		25,00	26,91	-1,57
	Результативность субъектная		23,63	24,73	-0,84
	Эмоциональность стеническая		26,46	26,68	-0,18
	Регуляторная интернальность		26,69	27,68	-0,94
	Регуляторно-динамический компонент (гармоничность)		77,31	80,59	-1,19
	Регуляторно-динамический компонент (агармоничность)		63,85	49,32	1,55
	Мотивационно-смысловой компонент (агармоничность)		65,52	59,32	1,64
	Регулирующая сторона ответственности (гармоничность)		53,29	54,36	-0,54
Формально-динамические свойства	Коммуникативная сфера	Эргичность	31,90	32,95	-0,73
		Скорость	31,66	33,27	-1,22
		Индекс активности	92,79	92,50	0,10
	Психомоторная сфера	Пластичность	33,25	34,05	-0,62
		Скорость	33,93	34,00	-0,05
		Индекс активности	98,43	101,59	-1,02
	Интеллектуальная сфера	Пластичность	28,34	28,41	-0,06
		Эмоциональность	31,66	30,23	1,00
	Индекс общей активности		280,62	285,50	-0,64

Типы психологических защит	Проекция	1,99	2,41	-0,78
	Замещение	2,45	2,68	-0,38
	Рационализация	1,93	2,55	-1,18
	Компенсация	1,58	1,50	0,17
	Фантазирование	1,81	2,36	-1,07
Шкала самовосприятия	Я счастливый	2,32	2,14	0,70
	У меня все получается	2,41	2,18	0,87
	Я тугодум	0,55	0,36	1,12
	Я неуклюжий	0,57	0,36	1,18
	Я зануда	0,67	0,45	1,09
	Я добросовестный	2,34	2,55	-0,79
	Я интроверт	0,51	0,50	0,08
	Я человек надежный	2,43	2,14	1,10
	Я хороший друг	2,40	2,41	-0,02
	Я общительный	2,29	2,23	0,24
	Я религиозный	1,04	0,82	0,79
	Я умный	1,49	1,68	-0,62
	Я опрометчивый	0,75	0,50	1,09
	Комплексный показатель «Меня это радует»	6,59	6,00	0,94
	Комплексный показатель «Мне это безразлично»	2,78	1,82	1,28
Типы Я-концепций	Позитивная	51,13	47,64	0,78
	Самодостаточная	45,04	41,45	0,76
	Компенсирующая	22,63	24,82	-0,51
Категории Я-высказываний	Положительное отношение к себе	0,37	0,38	-0,13
	Отрицательное отношение к себе	0,06	0,04	0,44
	Субъективные описания	0,39	0,40	-0,12
	Родственные узы и семейные отношения	0,04	0,03	0,05
	Увлечения, интересы	0,04	0,05	-0,32

Бланк ответов к методике «Незаконченные предложения»*Инструкция:*

Ниже приводится 67 незаконченных предложений. Прочитайте их и закончите, вписывая в ответном бланке первую, пришедшую Вам в голову мысль. Делайте это, как можно быстрее. Если не можете сразу закончить какое-то предложение – обведите его номер кружком и займитесь им позднее.

1. Думаю, что мой отец редко _____
2. Если все против меня, то _____
3. Я всегда хотел _____
4. Если бы я занимал руководящий пост _____
5. Будущее кажется мне _____
6. Мое начальство _____
7. Знаю, что глупо, но боюсь _____
8. Думаю, что настоящий друг _____
9. Когда я был ребенком _____
10. Идеалом женщины для меня является _____
11. Когда я вижу женщину с мужчиной _____
12. По сравнению с большинством других семей моя семья _____
13. Лучше всего мне работается с _____
14. Моя мать _____
15. Сделал бы все, чтобы забыть _____
16. Если бы мой отец только бы захотел _____
17. Думаю, что я достаточно способен, чтобы _____
18. Я мог бы быть очень счастливым, если бы _____
19. Если кто-нибудь работает под моим руководством _____
20. Надеюсь на _____
21. В школе мои учителя _____
22. Большинство моих товарищей не знает, что я боюсь _____
23. Не люблю людей, которые _____
24. Когда-то я _____
25. Считаю, что большинство девушек _____
26. Супружеская жизнь кажется мне _____
27. Моя семья обращается со мной как _____
28. Люди, с которыми я общаюсь, _____
29. Моя мать и я _____
30. Моей самой большой ошибкой было _____

31. Я хотел бы, чтобы мой отец _____
32. Моя наибольшая слабость заключается в том, что _____
33. Моим скрытым стремлением в жизни _____
34. Мои подчиненные _____
35. Наступит тот день, когда _____
36. Когда ко мне приближается мой начальник _____
37. Хотелось бы мне перестать бояться _____
38. Больше всего люблю людей, которые _____
39. Если бы я снова стал молодым _____
40. Считаю, что большинство мужчин _____
41. Если бы у меня была нормальная половая жизнь _____
42. Большинство известных мне семей _____
43. Люблю работать с людьми, которые _____
44. Считаю, что большинство матерей _____
45. Когда я был младше, то чувствовал себя виноватым, если _____
46. Думаю, что мой отец _____
47. Когда мне начинает не везти, я _____
48. Больше всего я хотел бы в жизни _____
49. Когда я даю другим поручение _____
50. Когда я буду старым _____
51. Люди, превосходство которых над собой я признаю, _____
52. Мои опасения не раз заставляли меня _____
53. Когда меня нет, мои друзья _____
54. Мне очень не нравится, когда женщины _____
55. Моим самым живым воспоминанием детства является _____
56. Моя половая жизнь _____
57. Когда я был ребенком, моя семья _____
58. Люди, которые работают со мной _____
59. Я люблю свою мать, но _____
60. Самое худшее, что мне случилось совершить, это _____
61. Моя судьба как _____
62. Только теперь я понимаю, что многое в моей жизни было _____
63. У меня _____ судьба.
64. Если бы было возможно, я хотел бы все прожитое _____
65. Такую жизнь как у меня, я хотел бы пожелать _____
66. Жизнь – это _____
67. Иметь такую судьбу, как у меня _____

АНКЕТА оценки уровня криминализации

Ответьте, пожалуйста, на вопросы **да (+)** или **нет (-)** рядом с соответствующими номерами на бланке:

1. Находились (находятся) ли близкие родственники в местах лишения свободы?
2. Поддерживали (поддерживаете) ли общение с кем-либо из дальних родственников (дядя, двоюродный брат, муж сестры), который находится или находился в местах лишения свободы?
3. Были ли случаи жестокого и несправедливого обращения с вами (например, побои, переломы и др.) со стороны родственников?
4. Имели ли место случаи побоев со стороны людей («били за дело», «попадало, когда был виноват»)?
5. Были случаи оскорблений, угроз, запретов, плохих отношений с окружающими?
6. В школе был «козлом отпущения», все обижали, постоянные драки.
7. Подвергался когда-либо сексуальным домогательствам, оскорблениям?
8. Совершенное преступление связано с физическим насилием по отношению к личности или группе лиц.
9. Школу не закончил, бросил.
10. В детстве были случаи побегов из дома.
11. Состоял на учете в ИДН или имел условную судимость.
12. Совершил преступление в отношении родственника.
13. Имело место тяжелое материальное положение семьи или наличие в доме больших бесконтрольных денег.
14. Жил в деревне или поселке, где трудно найти работу.
15. Долго не мог найти работу с достойным заработком.
16. Отец или мать злоупотребляли алкоголем.
17. Преступление совершил в состоянии алкогольного опьянения.
18. Токсикоманил или употреблял «легкие наркотики» (гашиш, марихуана).
19. Имело место употребление наркотиков внутривенно или их распространение, наркозависимость.
20. Героиновая или опийная зависимость родственника (родственников).
21. Имели место алкогольная зависимость или направление на принудительное лечение.
22. Преступление совершил умышленно.
23. Преступление совершил в составе группы, в которой постоянно общался.
24. В преступлении был организатором, играл ключевую роль.
25. Преступление совершил в составе непостоянной группы (например, приехал к родственникам).
26. Преступление представляет рецидив.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА	4
§1. Подходы к личности преступника в зарубежной литературе.....	8
§2. Изучение личности преступников в отечественной юридической психологии.....	12
§3. Особенности применения психодиагностических средств при изучении личности преступников.....	26
ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ	31
§1. Изучение особенностей Я-концепции в зарубежной и отечественной юридической психологии.....	31
§2. Корреляционный анализ компонентов Я-концепции осужденных....	62
§3. Факторная структура Я-концепции осужденных.....	86
§4. Сравнение составляющих Я-концепции осужденных и законопослушных лиц.....	98
ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПРЕСТУПНИКОВ	114
§1. Роль отчуждения в социально-психологической адаптации.....	115
§2. Причины, препятствующие успешной адаптации заключенных к жизни на свободе.....	118
§3. Результаты эмпирического исследования особенностей социально-психологической адаптации заключенных.....	120
ГЛАВА IV. ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА	124
§1. Проблема биологических детерминант личности преступника.....	126
§2. Социально-демографические факторы.....	133
§3. Психопатологические детерминанты личности преступника.....	139
§4. Особенности взаимоотношений в семье как причина формирования личности преступника.....	124
§5. Социально-психологические факторы формирования криминальной личности.....	155
§6. Влияние изоляции на личность преступника.....	175
ГЛАВА V. ЗАВИСИМОСТЬ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕСТУПНИКОВ ОТ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	186
§1. Особенности личности осужденных, отбывающих наказание за преступления в сфере экономики.....	192
§2. Личность осужденных за насильственные преступления.....	196
§3. Особенности личности осужденных за сексуальные преступления.....	199
§4. Особенности личности осужденных за преступления, совершенные по неосторожности.....	201
§5. Личностные особенности осужденных, склонных к употреблению наркотических веществ.....	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	204
ЛИТЕРАТУРА	205
ПРИЛОЖЕНИЯ	218

Чернышева Елена Викторовна

Личность преступника: психологический аспект

Монография

Редактор *Н. Ч. Худякова*

Компьютерная верстка *С. Н. Зажарновой*

Дизайн обложки *Г. Р. Кудояровой*

Подписано в печать 18.06.2009. Формат 60x84 1/16

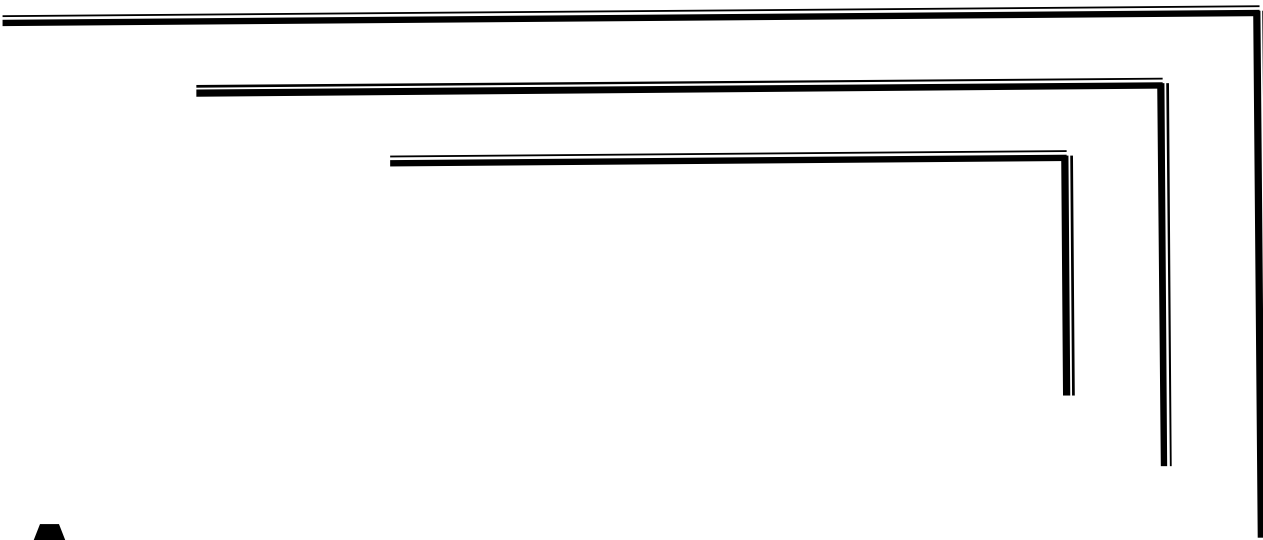
Печать трафаретная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 14,6. Уч.-изд. л. 15,3

Тираж 64 экз. Заказ № 83

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел
Уральского юридического института МВД России

620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66
Копировально-множительное бюро УрЮИ МВД России

Личность преступника: психологический аспект

Монография